

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
СРЕДИ ГОБЛИНОВ И ВАМПИРОВ**

АЛЕКСАНДР НОВИЧКОВ

**ВТОРОЕ
ПРИШЕСТВИЕ**

Новые герои

Александр Новичков

Второе пришествие

«ЭКСМО»

2014

Новичков А.

Второе пришествие / А. Новичков — «Эксмо», 2014 — (Новые герои)

ISBN 978-5-699-69509-6

Наш современник Максим приходит в себя на опушке незнакомого леса. При Максиме мобильник и плеер, но он почти ничего не помнит из своего прошлого и не уверен даже в собственном имени. Случайная встреча с лесным оборотнем заканчивается плохо для... оборотня. Максим понимает, что сам стал чудовищем. В поисках источника своей невероятной силы он встречает юную искательницу приключений, княжну Лилию. Девушка единственная, кто не боится проклятого окрестными магами Максима. Рядом с ним она готова сражаться со всем миром... Миром, населенным колдунами, орками, гоблинами, вампирами и неуловимыми демонами...

ISBN 978-5-699-69509-6

© Новичков А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	31
Глава четвертая	37
Глава пятая	42
Глава шестая	50
Глава седьмая	63
Глава восьмая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Новичков

Второе пришествие

Часть первая

Рождение Черного демона

Глава первая

Сквозь сон я почувствовал ветер.

Он провел мягкой невесомой рукой по моим волосам, коснулся затылка, немного рас-
трепал макушку, но не рассеял дремоты. И он продолжал ласкать меня, как заботливая мать,
не чающая души в любимом чаде, пока я спал, словно ее ребенок.

Думаю, что я никогда не чувствовал себя так хорошо. Мне казалось, что я плыл по реке
наслаждения, покачиваясь на волнах неги, а спокойствие и безмятежность вместе поддержи-
вали меня, словно маленькая лодочка.

И все равно я начал просыпаться. Сделал глубокий вдох, впустив в легкие свежий воз-
дух. Нос защекотал запах свежей травы с легким ароматом луговых цветов. Над левым ухом
пролетело тяжело гудящее насекомое. Я машинально махнул рукой, желая прогнать его, но
жук просто пролетел мимо, не желая досаждать спящему человеку.

Окружающий мир постепенно насыщался новыми звуками, я медленно приходил в себя,
возвращался к реальности. Положил руку на лоб и сладко зевнул.

Вдруг в шелесте травы, в стрекоте кузнечиков, в шепоте ветра, а быть может, это было
игрой моего собственного воображения, но я услышал голос. Словно кто-то позвал по имени:
– Максим...

Но я почему-то не был уверен, меня ли зовут Максим?

Я открыл глаза. Посмотрел вверх и сразу же зажмурился от яркого света. Сквозь зеленые
листья, окаймленные причудливым золотистым сиянием, на меня глядело солнце. Такое жар-
кое, красивое, безмятежное. Словно подсказывающее мне, что что-то не так.

Подкрадывалась необъяснимая тревога. Я чуть приподнялся на локтях и замер.

Бескрайние зеленые луга перекатистой травы простирались передо мной, теряясь за
линией горизонта. За спиной густел дремучий и какой-то недружелюбный лес. Сначала мне
показалось, что я все еще сплю и вижу сон.

Я снова зажмурился, досчитал до пяти и открыл глаза.

Картина осталась прежней.

Это был не сон.

В груди возникло тонкое, щемящее чувство необъяснимой потери. Я напрягся, но не смог
даже приблизиться к возможному объяснению. Чувство тревоги нарастало. Но чем больше
я крутил головой, чем старательнее вглядывался в линию горизонта или в темноту леса, тем
яснее понимал, что случилось нечто, выходящее за рамки моего воображения.

Я совершенно не представлял, куда попал и что сейчас происходит.

По спине пробежал обжигающий мороз. От резкого спазма в горле перехватило дыхание.

Голова начала судорожно соображать. Разум хватался за любые подсказки, делая самые
неожиданные предположения. Я начал рассуждать.

Несколько мгновений назад я испытывал невероятное наслаждение и покой. Это могло
быть действием наркотиков или каких-нибудь галлюциногенов. У меня могло быть наркотиче-

ское опьянение, и все, что я видел перед собой, – иллюзия. Но почему тогда их эффект прошел настолько быстро? И почему все вокруг выглядело настолько реальным?

Попытка рассуждать привела лишь к новым вопросам. К вопросам, на которые я не мог дать ответа.

Я попытался встать, но не смог удержаться на ногах. Отчего-то я был настолько слаб, что едва мог твердо стоять на земле, ноги мои дрожали. Поэтому присел на траву и обхватил голову руками.

«Где я?»

«Почему я здесь?»

«Что, вообще, происходит?»

Словно по приказу отреагировала память. Голова наполнилась воспоминаниями. Я узнал дом, в котором жил, свою комнату, вечно неприбранную, вспомнил спортивный зал, где тренировался едва ли не каждый будний день, тропинку в парке, в котором гулял каждые выходные. Тропинку в парке...

Именно на тропинке мои воспоминания заканчивались. Я повернулся. Дремучий и довольно мрачный лес за моей спиной мало напоминал привычный городской парк, но между парком, тропинкой и моим пробуждением на опушке леса была хоть какая-то связь.

«Меня ударили чем-то тяжелым, а потом принесли сюда!»

Такое объяснение показалось мне вполне логичным. Я быстро ощупал голову, но не нашел там ни шишки, ни пульсирующей болью гематомы, ни даже следов крови. Меня не били, либо били очень аккуратно и не оставили следов.

Развивать эту теорию дальше я просто не стал. Потер лоб и напрягся. Попытался вспомнить что-нибудь еще.

Но лучше бы я этого не делал. Память вновь отреагировала, словно по приказу.

Воспоминания нахлынули мощным, стремительным потоком, унося и разбивая все, что встречали на пути. Разум превратился в сумбурную, кишащую массу. Я словно потонул в бурлящем круговороте мыслей, растерялся, ничего не понимал. Меня затрясло, голова безумно закружилась, и обязательно бы вырвало, если бы было чем. Я повалился на траву и некоторое время просто хватал ртом воздух. Дыхание участилось, легкие едва справлялись с возросшей потребностью в кислороде, сердце безумно колотилось, а глаза лезли из орбит от напряжения. Мне казалось, что я умираю.

Но затем все закончилось. Приток воспоминаний внезапно прекратился, и я смог немного отдышаться.

Было непонятно, откуда пришли эти воспоминания и кому они принадлежали, но я точно понял, что не мне. В безумном калейдоскопе из обрывков картин, отрывков фраз и непонятных сцен я увидел многое. Даже слишком многое. Казалось, что кто-то попытался впихнуть в мою несчастную голову память десятков или сотен людей, если не тысяч. Всю их память, до единого момента, каждый день, каждый час, каждую секунду их жизни. Из-за них я едва не сошел с ума.

Много, очень много чужих воспоминаний. Я вдруг вспомнил, что Сереже нужно выгулять собаку, догадался, что у тети Маргариты в духовке горит курица, а дон Сезар де Вичи не может найти сигареты и многое, многое другое. Я настолько ясно прочувствовал мысли этих людей, что даже запутался, какие из всех крутящихся в голове воспоминаний были моими собственными.

«Откуда вообще взялось столько чужих воспоминаний?»

Нет, нет, нет. Мне нельзя было задавать себе вопросы. Я не на шутку испугался, что приступ может повториться. Хотя одно предположение у меня появилось. Возможно, меня похитили инопланетяне, поиграли с памятью, превратив в кашу мои мозги, а потом выбросили сюда, словно отработанный мусор?

Нет, это предположение было слишком безумным. Впрочем, иначе объяснить то, что со мной происходило, я просто не мог. Нужно было мириться с фактами.

А факты оставались бесчувственными фактами. Я не знал, где нахожусь, голова была заполнена чужими воспоминаниями, словно я превратился в какой-то органический аккумулятор, в который каждый из нескольких миллиардов жителей планеты вложил свои мысли...

«Какая парадоксальная нелепица».

И усмехнулся собственным мыслям. Стало вдруг интересно, всегда ли я так говорил, или только когда был напуган?

Давление под черепом постепенно снизилось, чужие мысли умолкли, вернулась ясность разума. Я наконец-то смог подняться на ноги. Стал думать, что делать дальше.

И для начала основательно прощупал одежду, вывернул карманы и высыпал все, что там оказалось, на траву. Внимательно изучил находки. Двести сорок пять российских рублей: четырьмя бумажками и одной монетой, карманный плеер, оказавшийся почему-то без наушников, темные очки с довольно крупными и сильно затемненными линзами и – о, какое счастье! – старенький мобильный телефон.

Телефон. Чудо человеческой мысли. Невероятно полезное устройство, способное передать голос за тысячи километров в любом направлении. Если, конечно, оно работает.

Затаив дыхание, я мягко вдавил кнопку включения. Тишина. Нажал посильнее. Ноль реакции. Экран оставался темным, сколько бы я ни тыкал на кнопку и ни встряхивал телефон. Либо он был сломан, либо села батарея. Что в моей ситуации означало одно – это катастрофа.

А вот плеер, наоборот, моргнул электронным глазом и из встроенного динамика раздался мелодичный визг перегруженной электрогитары, следом вступили барабаны, ну а потом начала игру бас-гитара. Музыка была довольно красивой и интересной, но какой-то слишком простой и обыденной, словно я уже слышал ее много сотен раз или даже сам написал эту песню...

«Нет, нет, нет».

Я с трудом отогнал чужие мысли, которые внезапно показались мне своими, и в целях безопасности выключил плеер, убрал в карман. Пригодится ли он мне, я не знал, но лучше было взять его с собой. А еще лучше было бы сохранить заряд батареи.

А затем, собрав пожитки, поднялся и пошел.

Идти я мог только в одном направлении – вперед, хотя смутно представлял, куда именно должно вывести это многообещающее «вперед». Но я все же пошел. Пошел искать место, где спрятались ответы на мои вопросы. Ноги слушались плохо, но я сделал первый шаг. Потом второй...

Я шел бесконечно долго. Каждый последующий шаг превращался в агонию. Боль кричала мне: «Остановись!», но я упорно двигался вперед. Я забыл, сколько раз поднимал кроссовок, покрытый склизкой смесью из травы и грязи, и переносил его немного вперед. Я почти сдался. Хотел бросить все и упасть в траву. Умереть посреди всех этих проклятых лугов, ставших моим ужасным кошмаром.

Моя нога вдруг коснулась твердой, ровной и на редкость приятной поверхности.

«Дорога?»

Я с выдохом облегчения опустился на колени. Обычная, узкая, пыльная тропинка, протоптанная путниками через бескрайние луга, показалось мне чем-то невероятным, чем-то исключительным, верхом совершенства, пределом мечтаний. Она стала для меня неким символом цивилизации. Конечно, местами она уже заросла травой, кое-где достававшей и до колена. По этой тропинке явно ходили редко. Но ходили. Значит, где-то рядом должен был находиться город, куда она вела, ну, или, на худой конец, деревня. Главное, чтобы они были еще обитаемы...

От последнего предположения у меня защемило сердце. Люди могли исчезнуть с лица земли, и странные, «чужие», воспоминания могли появиться в связи с наступившим апокалипсисом.

Нет! Я должен был меньше думать о чем-то плохом. Оптимизм добавляет сил. Я верил в это.

Приложив титанический труд, я немного приблизился к собственному спасению. Но возник новый вопрос: «В каком направлении идти – направо или налево?»

Долго над принятием решения не думал. Просто поднялся и повернул налево. Налево, как мне показалось, было проще идти.

А по дороге было действительно легче идти. Но через несколько километров я позабыл об этой легкости. Упрямая дорога отказывалась выводить меня к людям, лишь петляла туда-сюда, огибая перелески и не даря даже надежды на близость человеческого жилья.

Но я был еще упрямее. Язык уже прилип к небу от жажды, а сам я едва держался на ногах от голода и усталости, но все равно шел вперед. Возможно, именно упрямство помогло мне выжить.

Когда село солнце, когда мир погрузился в темноту ночи, когда на небо вылезли ехидные звезды и ухмыляющаяся луна, а силы почти оставили меня, впереди показалось одинокое строение. Непримечательный, слегка накренившийся двухэтажный дом. И я так сильно обрадовался ему, этому чудесному домику, что даже пустил скупую слезу.

И это был не просто дом, стоящий на краю леса. Он был обитаем. Из трубы шел дым, едва различимый на фоне темного ночного неба, а в маленьком боковом окошке, единственном видимом с того участка тропинки, по которому я в тот момент проходил, мерцал тусклый желтый свет. Кажется, горела лампада. Большого счастья я просто не мог себе представить.

Мне стало заметно легче идти. Вернее, я побежал вприпрыжку, совсем позабыв об усталости, обогнул окружавший домик хлипкий низкий забор, готовый упасть от легкого ветерка, и остановился перед высоким, массивным и даже чуть страшноватым крыльцом.

Ступени натруженно скрипели, пока я поднимался по лестнице, и не успокоились, когда я остановился перед дверью и стал неуверенно переминаться с ноги на ногу, не мог решиться войти. Слишком уж необычно выглядел этот дом. Но не успел я решиться, даже не успел коснуться резной ручки, как дверь резко распахнулась, и на крыльцо вывалился невысокий мужичок в засаленных лохмотьях, похожий на обычного бомжа. Он довольно крикнул и пошел вниз по ступенькам, не обратив на меня совсем никакого внимания. Это было неудивительно – мужчина был мертвецки пьян. Его сопровождал сильный перегар. Запах был настолько ужасен, что мне пришлось зажать нос пальцами, иначе я бы просто свалился с ног.

Мужичок шел, качаясь из стороны в сторону, как моряк после сильного шторма. И чем дальше он отходил, тем больше становилась амплитуда его покачиваний, пока его, наконец, не развернуло полностью, так что пьянчуга вновь подошел к крыльцу.

Он долго смотрел по сторонам, пытаясь понять, куда попал. Потом поднял глаза и увидел меня. Реакцию его было сложно назвать нормальной. Мужичок вытянул руку, указывая на меня тонким костлявым пальцем, затем растянул грязное морщинистое лицо в непередаваемом подобию улыбки и дико загоготал, продемонстрировав желтые гнилые зубы. Но, поймав на себе мой удивленный взгляд, он осекся, икнул, перекрестился, снова икнул и направился восвояси.

Но я все равно был рад тому, что добрался до этого места. Поэтому выдохнул и решительно открыл дверь.

Из нутра дома потянуло такой жуткой смесью из запахов грязи, пота, помоев и копоты, что у меня закружилась голова и заслезились глаза. Словно встреча с пьянчугой и его перегаром была лишь подготовкой к настоящему испытанию. Но выбирать мне было не из чего, с

противоположной стороны тропинки не стояло пятизвездочного мотеля, так что я, набравшись смелости, а главное, свежего воздуха, перешагнул порог.

Изнутри строение напоминало средневековый трактир. Не то чтобы я точно знал, как он выглядит, скорее, просто догадался. Заведения такого типа не сильно изменились за века: здесь также стояли столы для посетителей, также бегали суетливые официантки и также смотрел из-за стойки неприветливый хозяин заведения. Разве что в будущем столы стали тоньше, сиденья удобнее, появился искусственный свет, проточная вода и персонал научился проветривать помещение. Но если с темнотой и жесткостью скамей можно было смириться, то жуткий тошнотворный запах просто разрывал мне нос.

«В будущем?»

Я резко остановился. От столь неожиданного и пугающего предположения спину словно сковало холодом. Я попал в прошлое? Что за дурная мысль!

Нет, нет, нет. Я не мог допустить такого. Это было бы полным безумием.

Но почему тогда это место было до абсурда похоже на средневековый трактир?

Я прошел вдоль массивных, грубо отесанных столов и остановился возле самого дальнего. Опустился на скамью, вытянул под столом гудящие от долгой ходьбы ноги и попытался немного расслабиться. Огляделся.

Всего в трактире имелось восемь столов со скамьями по обеим сторонам. Этого мало даже для небольшой забегаловки. Хотя нужно ли больше для заведения, стоящего на краю леса? В тот вечер в зале трактира помимо меня находилось всего пять человек.

Все они оторвались от своих занятий: от еды, от питья, от беседы или от чесания собственного затылка и подозрительно уставились на меня. От их пристальных взглядов мне стало немного не по себе. Не могу чувствовать себя спокойно, когда на меня смотрят так. Словно и не смотрят, а тарачатся. И при этом не говорят ни слова.

Напряжение немного спало, когда по залу пробежала пухленькая краснощекая женщина с подносом, заставленным съестным, поставила его на стол компании из трех мужчин, шепнула им что-то, а затем повернулась ко мне и учтиво поклонилась. Одета в какие-то пестрые лохмотья, она отдаленно напоминала луковицу. Она подчеркнула свою полноту, собрав волосы в своеобразную пальму, хотя, казалось, это ее совсем не смущало. Обслужив посетителей, женщина убежала в небольшую комнатку за стойкой, очевидно, на кухню, потому как кушанья она принесла оттуда.

Я невольно засмотрелся на глиняную миску, которую официантка поставила на стол мужчине. В ней находилось что-то горячее и аппетитное, с дымком. Рот наполнился вязкими и многозначительными слюнями. Я не помнил, когда ел последний раз. Аппетиту не помешал даже тошнотворный запах, наполнявший трактир.

Разглядывая чужую еду, я даже не заметил, что к моему столу подошла другая официантка. Румяная миловидная девушка с длинной пышной косой и очень довольным выражением лица стояла рядом и с любопытством наблюдала, как я исхожу слюнями.

Я заметил ее и замер. А она беззаботно хихикнула и спросила:

– Господин желает отужинать?

– У вас есть телефон? – спросил я. – Мне нужно позвонить.

– Теле... что? – удивилась она.

Я осмотрелся и понял всю глупость этого вопроса. Телефона в трактире не было и быть не могло. Снаружи я не заметил ни телефонных линий, ни проводов, ни столбов. В доме даже не было электричества. Словно я неожиданно попал в прошлое и оказался где-нибудь в Средневековье.

– Так вы голодны? Будете ужинать? – не унималась услужливая официантка.

– Я очень голоден и умираю от жажды, – честно признался я. – Но у меня почти нет денег.

Я недолго думая высыпал все свои сбережения на стол.

– Могу я что-нибудь на это купить?

Девушка присела напротив и стала с интересом разглядывать монеты и купюры. Монеты она осмотрела, взвесила в руке, ощупала, даже попробовала на зуб. Но не нашла никакого сходства с теми деньгами, к которым привыкла. К бумажным купюрам она и не притронулась. Лишь недоверчиво отодвинула их в сторону, чтобы не мешали осматривать медь и сталь:

– Первый раз вижу подобное. Это деньги?

Я кивнул в ответ.

– Странные деньги, очень похожи на настоящие, но какие-то другие, – объяснила она. – Может быть, в стране господина можно купить на них еды, но мне хозяин запретит их брать...

– Жаль... – протянул я, стараясь не впадать в отчаяние.

Она поднялась со скамьи:

– Скажу хозяину.

– Постой, – я подался вперед и схватил ее за запястье. Испугался, что она скажет хозяину о неплатежеспособном посетителе, и он попытается выпроводить меня отсюда. Сначала вежливо, а может, и сразу, применят силу. И пока этого не произошло, я должен был выяснить все что можно о своем местонахождении.

– Ответь, пожалуйста. Куда я попал?

– Трактир «Суховодье», – сказала она, обернувшись.

Я отпустил ее руку.

– А где мы находимся, в общем. В какой области, крае? Где ближайший город? Я не местный. Поэтому и спрашиваю, – немного замялся я.

– Да я вижу, что господин не местный. Ближайший город, Вера, на севере отсюда, в трех днях пути. Я там еще не была, но к нам частенько заходят городские торговцы. Говорят, что идти через Суховодье безопаснее, боятся разбойников на тракте. Суховодье – это наша деревня. Она тут рядом, дома видно с крыльца трактира. Вы подождите, я скоро вернусь.

– А область? Или край?

– Королевство Днева.

– Королевство Днева? – У меня глаза на лоб полезли от удивления.

Воспользовавшись моим замешательством, девушка убежала на кухню, оставив меня наедине с собственным безумием. Память превратилась в кашу из обрывков сотен и тысяч каких-то неясных воспоминаний, не относящихся к этому месту. Я проголодался и устал, проснулся утром где-то на опушке леса, ничего не понимал, был сильно напуган, а меня разыгрывали какими-то глупыми шутками о том, что я попал в какое-то королевство Дневу?

«Или не разыгрывали?»

Глупость! Я просто не мог рассуждать серьезно на эту тему. Хотя в голову начала закрадываться мысль, что даже такая глупость могла оказаться жестокой правдой. Ведь я не мог отрицать действительности, а обстановка трактира и поведение местных жителей – посетители трактира все еще изредка косились на меня – упрямо доказывали, что они не имеют ничего общего с высокоразвитым обществом начала двадцать первого века, память о котором сохранилась в моей голове.

Но отчего-то я идеально понимал речь. И слышал чистейший русский язык! Или это было одним из пробудившихся во мне чужих воспоминаний. Я ничего не понимал, но все равно пытался рассуждать.

Все явно не складывалось. За пятьсот, триста, да даже за сто лет язык меняется до неузнаваемости, сохраняются лишь канонические нормы. Но тем не менее я понимал, что говорила официантка, и она понимала меня. Сделав допущение, что это действительно Средневековье, я рассчитал, что начало двадцать первого века и эту эпоху должно было разделять не меньше

трехсот, а то и пятисот лет. А за это время языковой барьер должен был вырасти настолько высоко, что мне понадобилась бы лестница. Я бы точно не смог общаться спокойно.

«А вдруг я попал на съемки средневековой картины и сейчас сижу под прицелом какой-нибудь спрятанной видеокамеры?»

Нет, нет и нет. Подобное предположение казалось мне еще невероятнее, чем идея о перемещениях во времени.

«А что, если это игра? Простая ролевая игра, с большим количеством участников. Люди собираются вместе, выбирают время, место, а затем строят дома, иногда даже целые деревни, готовят декорации и отыгрывают исторические события на новый лад».

Я пощупал скамью. На ощупь декорации были очень качественными. Прямо-таки идеальными, настолько проработанными, что просто не могли быть декорациями.

Тело пробрала мелкая дрожь. Мне стало страшно, действительно страшно. Стало так страшно, что я, вероятно, никогда не испытывал страха, подобного этому. Да, я должен был разрыдаться, словно трехлетний ребенок, разбивший коленку, но слезы почему-то не наворачивались на глаза. Видимо из-за глубины испытываемого чувства.

В это время к моему столику подошел хозяин таверны. За его спиной притаилась, словно провинившаяся в чем-то, девушка-официантка. Видимо, она оторвала его от еды, потому что мощная челюсть трактирщика, словно мельничный жернов, старательно что-то перемалывала.

Пока жевал, он разглядывал меня. А я разглядывал его. Лицо выглядело грубым, деформированным, возможно, после серьезной травмы. Огромная выпирающая челюсть занимала половину его лица, за ней едва были видны маленький нос и тонкие блестящие глазки. Хозяин дожевывал, проглотил и сказал, обращаясь к официантке:

– Смотри-ка, и вправду странный. Чистенький, ухоженный, аккуратный. Словно только что из королевских покоев вышел. Вот только одежда непонятная, словно у шута. И беден, как церковная мышь.

Он говорил с небольшим дефектом. Возможно, огромная челюсть мешала ему говорить внятно, или же сказывались последствия полученной травмы.

– А я вам о чем говорю, – тихонько пискнула официантка.

– Ты откуда будешь, мил человек? – прогундосил он. – Что забыл в наших краях, откуда путь держишь и куда?

Трактирщик вытер ладони о засаленный фартук и наклонился, уперев мясистые руки в стол. Под его немалым весом доски протяжно заскрипели. Таким взглядом обычно просят покинуть заведение, причем немедленно. Я непроизвольно поежился.

– Родом я из дальних стран, о которых никто никогда не слышал. В ваших краях оказался случайно, судьба привела. Пришел сюда из леса неподалеку отсюда. – Пытаясь сочинить что-то убедительное, я выдал чистую правду.

Трактирщик лениво почесал подбородок.

– Не похож ты на лесового, хоть даже из лесу пришел. Видел я как-то одного, какие-то молодцы из соседней деревни поймали. Ох, ну и страшен он был, дикий зверь. На человека похож, но на четырех ногах ходит, волосат, бородат, когти длинные, зубы острые. А глаза такие, словно не видят ничего и даже мысль в них не отражается. Его как поймали, так в сарае заперли, думали, благо будет. Не убивать же его, жалко нечистого, его даже кормили и поили. Так он повыл по ночам недельку, а на восьмой день и издох, – трактирщик протянул руку, взял меня за подбородок, повернул направо, налево, опустил нижнюю губу, проверил зубы. – А ты чистенький, ухоженный, опрятный, зубки словно жемчуг. Я даже дворян проходящих не видел настолько ухоженных.

Возможно, выгонять меня он не собирался. Я осторожно отвел его руку от своего лица.

– У нас все такие. Так положено.

– Точно, чужеземец. Значит, как попал к нам, ты не знаешь или не скажешь?

– Не знаю.

– Ладно, – похлопал меня по плечу хозяин и улыбнулся, но так, что от его улыбки по моей спине побежали мурашки. – Поверю тебе. Приглянулся ты Илине. Значит, совсем без денег остался?

– Да, – смущенно ответил я.

Он обреченно вздохнул, посмотрел на официантку, снова почесал подбородок.

– А работать умеешь?

– В ремеслах я не искусен, но с чем-то простым справлюсь.

– Так и быть, накормим да ночлег дадим. А ты за услугу дров нарубишь. Руки не доходят, а давно пора. Идет?

– Идет, – ответил я, не веря собственному счастью.

Вскоре, сверкая от радости, словно яркая звезда на небосклоне, вернулась Илина и принесла мне ужин в глиняной миске: жареную телятину с кашей и большущую кружку клюквенной медовухи.

Я никогда не ел с таким наслаждением. А если и ел, то не помнил этого. Я жадно выскребал содержимое миски, позабыв о страхе, о чужих воспоминаниях, об усталости, об ужасном запахе в трактире и о косых взглядах других посетителей. Ел так, словно это был первый и последний раз в моей жизни. Пока не подавился.

– Ты забавно ешь, – хихикнула Илина, когда я закашлялся. – Когда ел последний раз?

Она все это время стояла рядом и наблюдала за мной.

– Возможно, день назад, может, больше. Не помню. – Я отпил медовухи. – Может, лучше присядешь?

Она кивнула и опустилась на скамью напротив.

– А как ты попал сюда?

– Повернул налево и оказался тут.

– А откуда ты сворачивал?

– Из лесу. А как там оказался – понятия не имею. Забавная история, да? – меня потянуло на искренность.

– То есть ты не знаешь, как попал в наши края?

– Да.

Илина задумалась.

– А тебе есть куда пойти, к кому податься?

– Нет, я даже не представляю, что находится за этим трактиром. Кроме того, что ты мне уже успела рассказать.

Неожиданно за соседним столом началось подозрительное шушуканье. Я решил, что им все еще не по душе мое присутствие, но потом заметил, что в таверну кто-то вошел. Гостей было четверо. Одеты они были в серые рубахи из холщовой ткани, подобные тем, что были у всех остальных мужчин, сидящих вечером в трактире, за исключением одного – на нем был красный кафтан с лисьим меховым воротником.

Илина обернулась, и улыбка мгновенно покинула ее лицо. Повисло томительное молчание.

– Сиди тихо, не высовывайся, – шепнула мне она и убежала на кухню.

Кажется, это были местные хулиганы. Слишком уж однозначной была реакция на их появление. Четверка заняла ближайший к выходу столик, прямо под лампой, там было немного светлее, и немедленно огласила свои требования:

– Илина, принеси нам выпить!

Я словно знал, что услышу нечто подобное.

Из кухни поспешно выскочила Илина, держа в руках четыре деревянные кружки, не меньше литра каждая. Под довольные возгласы шумных гостей поставила их на стол и получила за это звонкий шлепок по пятой точке. Вздвинула и отскочила в сторону.

– Не хочешь к нам присоединиться? – поинтересовался мужчина, самый рослый и здоровый из шумной четверки.

– Нет! – задрала нос Илина, покраснев, как рак. Надулась и, возмущенно бормоча под нос какие-то ругательства, побрела на кухню.

Казалось, опасность миновала. Хулиганы занялись пивом, а я вернулся к ужину – на дне миски еще оставалось немного каши. Поступать расточительно с едой я не мог себе позволить. Хотя краем глаза продолжал следить за шумной компанией, словно чуял, что они еще покажут себя.

Кружки были большие, а пиво ядреное. Прилично отхлебнув, рослый и здоровый хулиган осмотрел зал в поисках чего-нибудь интересного. Взгляд его скользнул по самым темным углам трактира. И естественно, упал на меня.

Сначала он словно не поверил. Потер глаза, сделал еще один короткий глоток из кружки и рукавом рубахи стер пену с усов. Снова уставился на меня. Я вел себя тихо, как и рекомендовала Илина, но мое присутствие в таверне, казалось, действовало на него, как красный капот на быка. Алкоголь требовал выплеска энергии, и он не нашел развлечения лучше, чем поизмываться над одиноким незнакомцем, в странном одеянии, волею судьбы оказавшемся в поздний час в таверне «Суховодье».

Хулиган указал на меня своим товарищам. Те дружно загоготали. Потом, словно бы нехотя, поднялся, залпом допил пиво, с грохотом поставил кружку на стол и пошел ко мне.

Вблизи он оказался еще больше и страшнее. Мало того, что он был шире меня в плечах, так и торс его оказался крепким и подтянутым. Короткая, почти отсутствующая шея и плоская стриженная голова с большим лбом делали его похожим на платяной шкаф. Костяшки пальцев усыпали мелкие царапины – следы частых драк. Мне стало нехорошо. Конфликт с этим громилой мог обернуться для меня тяжелыми травмами. А больницы... Да я не знал, были ли в Средневековье больницы!

– Эй, шут, танцуй, – рявкнул он мне прямо в ухо, а оставшиеся сидеть за столом товарищи поддержали его издевательским хохотом.

Я жвал голову в плечи, старался не смотреть ему в глаза, надеялся, что он вдруг опомнится, извинится и вернется к своему столу, хотя прекрасно понимал, что этому не бывать. Он склонился надо мной. Его пасть нависла над моим ухом. Я кожей чувствовал его зловонное дыхание и снова растерялся, не зная, как поступить.

– Ты оглох, пугало? – продолжал он. От его рыка у меня зазвенела голова. – Шут, ты должен веселить людей: плясать, петь, кривляться! Сейчас я покажу тебе, как меня не слушаться.

Он начал демонстративно закатывать рукава.

Я бросил прощальный взгляд на посетителей трактира. Все они смотрели на меня, как на будущую жертву этого мясника. Большинство сочувствовали, ведь понимали, что, если бы вечером в трактире не было меня, роль шута-весельчака досталась кому-нибудь из них. Мужчина в красном кафтане с воротником из меха лисы отвернулся. Он не хотел видеть жестокого избиения, а вот остальные, кажется, даже и не думали отказываться от бесплатного зрелища, пусть и не самого приятного.

Словно гонг прозвенел выпавший из рук Илины металлический поднос с пивом. Бросив все, девушка убежала на кухню. Она поняла, что если ничего не сделает, то меня, скорее всего, убьют.

Хулиган широко размахнулся и опустил сверху свой кулак. Я так и не понял, что произошло дальше. За мгновение до того, как его кулак пробил макушку, меня осенило.

«Вот что я должен сделать!»

Я провалился под его руку, опустившись на заранее выставленную вперед ногу. Извернулся, словно змея, переставил ноги и, скомпенсировав баланс изгибами торса, смог сделать на полусогнутых ногах два шага в сторону, причем довольно быстро, да так, что ни на мгновение не потерял равновесия. Развернулся и вытянулся у него за спиной.

Не успел я поразиться собственным возможностям, как что-то подтолкнуло меня довершить начатое – победить. Противник неожиданно превратился для моего взгляда из человека в пирамидку детских кубиков, хрупкую и неустойчивую. Я видел все изъяны его стойки, мог вытолкнуть любой кубик, и он бы рухнул к моим ногам. Либо чуть покачнуть вершину.

Так я и сделал. Положил руку ему на голову, коснувшись пальцами макушки, и потянул назад, немного изменив вектор падения в том направлении, где бы громила никак не смог восстановить равновесие. Противник даже не успел понять, куда же я делся, а уж тем более среагировать на неожиданную атаку.

Широкое тело громилы угрожающе накренилось. Он начал инстинктивно махать руками, стараясь удержать равновесие или за что-нибудь зацепиться, но я стоял прямо за его спиной – там, где он не мог дотянуться до меня. Так и не нащупав точки опоры, он с жутким грохотом рухнул на пол, приложившись затылком о деревянный пол.

«Хати-маваси-нагэ» – неожиданно всплыло в памяти название техники. Один из приемов айкидо. Я интуитивно понимал его суть: бросок с выведением из равновесия за счет смещения центра тяжести. Также знал, что выполнил неправильно: в самом конце я должен был отпустить поверженного противника и позволить ему безопасно упасть, но вместо этого добавил инерции вращению. И он сильно ударился об пол затылком.

Впрочем, его мозгам это не должно было навредить.

По трактиру прокатилось удивленное «ох».

Я сделал шаг назад и, наконец, позволил себе растеряться. Нелепо разинул рот и переводил взгляд то на потерявшего сознание громилу, то на свои руки, отправившие его в нокаут.

Подоспел трактирщик. Разочарованно покачал головой и склонился над лежащим на полу громилой. Удивленно цокнул языком:

– Это как ты его? Хоть не убил?

Я посмотрел на внушительную челюсть хозяина трактира. Затем на лицо Илины, окаменевшее от удивления.

– Эй, вы, – трактирщик повернулся к его товарищам, наблюдающим за развитием событий, словно гуси – вытянув шеи и разинув клювы. – Ну-ка поднимите его и отведите домой, пока ничего плохого не случилось.

– А что еще плохого-то может случиться? – проблеял один.

– Цыц! – прикрикнул трактирщик. – Делайте, что велено.

Больше возражать они не решились. Громилу окружили, наплепали по щекам, вернули в чувство. Когда смог бессвязно мычать, поставили на ноги, подставили плечи. Хулиганы закричали и просели под тяжелой ношей. Слишком уж большим он был для своих хлипких товарищей.

Медленно потопали на выход. Третьему помощнику плеча не хватило, поэтому он просто бегал вокруг них, подбадривал товарищей и пытался разговорить контуженого громилу.

– Проваливайте отсюда! – крикнула им вдогонку Илина. – Чтоб духу вашего здесь не было!

Когда дверь закрылась, а с улицы донеслось хриплое пение пьяного громилы, я обессиленно рухнул на ближайшую скамью.

Илина села рядом и устало вздохнула.

– А ты даже не знаешь, кто это был, – немного помедлив, сказала она. – Это Тит – единственный сын старосты нашей деревни, Римена. Дурак, каких поискать, но зато злой и сильный. Все его любили и баловали, вот и вырос такой неблагодарный детина. Старик Римен умный,

добрый, заботливый. Но вот сын его... Эх... – девушка тяжело вздохнула. – Тит так просто не отступит, обязательно отомстить тебе попытается. Будь осторожен. У него целая банда таких же бездельников. А ты разве кулачному бою обучен?

– Не знаю, – замялся я. – Но кажется, это называется айкидо.

Я задумался. Одним из моих первых воспоминаний был тренажерный зал. Его я помнил очень отчетливо, видимо, потому что провел там много времени. Очевидно, там я и занимался боем. Как же это было сложно, путаться в собственных воспоминаниях.

Уже давно перевалило за полночь. У меня не было часов, но я это чувствовал. И безумно хотел спать. Впечатлений за прошедший день мне хватило бы не на одну жизнь, а помнил я как минимум несколько тысяч. Чужих жизней...

Большинство посетителей трактира уже покинули заведение. Мужчина в кафтане с меховым воротником поднялся на второй этаж, где он снял на ночь две комнаты, себе и двоим работникам. Лег спать. Только работники, послушавшись приказа, остались внизу, в зале, но больше ничего не заказывали. Просто сидели и о чем-то разговаривали.

Илина тоже закончила работу, но прежде чем отправиться домой в деревню, она подошла к моему столику и опустила на скамью.

Некоторое время девушка сидела молча, стараясь выглядеть спокойно. Только я видел, что она напряжена, что теребит пальцами края рукава, что непрерывно косится на меня, но боится заговорить. Чувствовал, что внутри она вся бурлит и пенится. И все-таки дождался, когда она сама начнет беседу.

Она выдохнула и повернулась ко мне:

– Ты так ловко побил Тита. Он, между прочим, кулаками махать умеет. Да и удар держит неплохо. В одиночку против него никому из деревни не выстоять. А ты его раз, и об пол!

В ответ я только пожал плечами.

– А я его не бил. Просто качнул. Это он сам упал и ударился...

– Ой, да ты еще и скромный, – Илина по-детски рассмеялась.

Я попытался улыбнуться. Правда, получилось неубедительно. Меня всего трясло после драки, да и усталость давала о себе знать. Глаза закрывались сами собой, я открыто клевал носом. Илина это заметила.

– Ой, ты такой бледный. Устал, наверное? Спать хочешь?

Я устало кивнул.

– Пойдем. – Она поднялась со скамьи. – Я покажу тебе комнату.

Не возражая и не сопротивляясь, я последовал за ней.

– Не самая лучшая комната, – сказала Илина, когда мы поднялись на второй этаж и прошли в конец коридора – Но хозяин сказал поселить тебя здесь.

Я несказанно обрадовался бы и подстилке из сена, а в этой «не самой лучшей» комнате меня ждала настоящая кровать с соломенным матрасом и одеялом из шерстяной ткани. Правда, помимо нее, там ничего не было, только большой деревянный сундук для имущества и одежды.

Илина, держа в руке горящую свечу на подставке, пожелала мне спокойной ночи и закрыла дверь. Я подошел к окну.

Окно было крохотным, и в него было вставлено мутное толстое стекло. Но и его было достаточно, чтобы увидеть распухшую до неприличия луну. Близилось полнолуние. Что бы это ни значило.

Стало тихо.

Я остался один. В голове крутилась тысяча вопросов, но я решил оставить их на завтра. Нужно было немного отдохнуть. Я разделся, сложил вещи в сундук, лег в кровать и мгновенно провалился в сон.

Вот только проснуться мне пришлось совсем не в таверне...

Глава вторая

Я открыл глаза и увидел перед собой маленькую зеленую голову с выпученными фасетчатыми глазами. Странное существо сидело у меня на груди и глядело на мой нос.

«Инопланетянин?»

Нет, образ существа мне знаком. И он не принадлежал другим планетам. Чужая память послушно подсказала: «Богомол обыкновенный». Насекомое сидело, сложив лапки на груди, в позе молящегося священника и словно ждало, когда я начну исповедоваться.

Я смахнул седока, и богомол, оскорбленный моим недружелюбием, скрылся в высокой траве.

Лежал я в траве, рядом с кустом шиповника. Приятно пахло лиственным лесом, и успокаивающе стрекотали насекомые. Над головой раскинулось голубое небо с редкими и маленькими облаками.

«Небо с облаками?»

Я подпрыгнул, словно ошпаренный.

«Где я очутился?»

Снова я оказался в лесу, не имея ни малейшего понятия, как сюда попал. Все, как и в прошлый раз, за одним небольшим исключением: я точно знал, что уснул на кровати в трактире.

«Но где сейчас этот трактир?»

Я забрался на пригорок и увидел небольшую деревню, домов в сорок-пятьдесят, натканных возле небольшой речушки, словно опята вдоль заросшего мхом ствола осины. Разглядел телегу с запряженной в нее пегой лошадью, неторопливо катящуюся по дороге. Заметил одинокое строение неподалеку от деревни. За ним начинался лес. Мне показалось, что это был трактир «Суховодье».

Пугливо озираясь, словно боящийся погони беглец, я добрался до трактира. Шел по кустам, стараясь не попадаться на глаза местным. Чужеземца, в одних трусах в Средние века, кажется, обычно принимали за дьявола. И мне очень не хотелось проверять, было ли верным это безумное предположение.

На первом этаже трактира было пусто. Я слышал, что кто-то суетился на кухне, и воспользовался моментом, незаметно перебежав к лестнице. Мне почти удалось добраться до комнаты, ни с кем не столкнувшись. Именно что почти. В коридоре мне преградил путь торговец в красном кафтане, только что проснувшийся и решивший пойти умыться.

Он остановился, удивленно осмотрел меня с ног до головы. Недоверчиво протер кулаками глаза. Снова осмотрел.

– В окошко выпал. – Я соорудил самое беззаботное выражение лица. – Не нарочно.

Он кивнул и сдвинулся в сторону, пропуская меня.

К моему великому облегчению, дверь в комнату оказалась не заперта, а все мои вещи нашлись в сундуке, в целости и сохранности.

Илина занималась уборкой. Она уже протерла столы и теперь работала веником, выметая за порог засохшую траву, землю и хлебные крошки. За ночь помещение немного проветрилось, запах показался мне не таким ужасным, каким был вечером, а со стороны кухни даже тянуло чем-то аппетитным.

Девушка принарядилась. Невзрачное платье сменил белый сарафан, с вышивкой на рукавах и красным пояском. Увидев меня, она смущенно заулыбалась и спрятала веник за спину.

– Завтракать будешь? – спросила она, бочком отходя к кухне. – Хозяин разрешил накормить тебя. Сказал, голодный работник – бесполезный работник. Понравился ты ему, кажется. Да и Тита так ловко проучил.

– Я не хотел драться с ним, – поморщился я.

– Но зато победил его одним ударом! – Илина демонстративно махнула рукой, но сразу же спрятала ее за спину, потому что держала веник. – Так что, будешь завтракать?

Желудок настойчиво проурчал, и я принял предложение. Илина бегом побежала на кухню и вернулась уже с яичницей и горячим хлебом. Просто и гениально.

Вскоре появился хозяин и жестом поманил меня к себе. Илина, щебетавшая без умолку последние несколько минут, надулась и приосанилась. Кажется, она заметила, что я слушал ее не очень внимательно, даже закончив с завтраком, а когда появилась работа и я резко поднялся, решила, что мне и вовсе неприятна ее компания. Нет, это было не так. Я просто сильно волновался, не зная, справлюсь ли с поручением трактирщика, поэтому не уделял ей должного внимания. Быстренько извинился и побежал во двор.

Мощная челюсть трактирщика снова что-то перемалывала. Не говоря ни слова, он сунул мне в руки колун и жестом указал на поленницу, возле которой была навалена куча сухих чурбачков. Задание было простым и ясным: нарубить чурбачки и сложить их в поленницу.

– Ведь по глазам вижу, не справишься, – прожевался хозяин.

– Справлюсь, – сухо отозвался я, все еще пытаюсь найти удобный хват для колуна.

Трактирщик глухо расхохотался.

– Ну, давай, покажи себя, чужеземец.

Продолжая странно хохотать, он развернулся и потопал на кухню. А я приступил к работе. Что-то подсказывало, что я знаю, как правильно колоть дрова. Вот только моя ли это была память...

Установив на пенек один чурбанчик, я взялся за колун двумя руками. Прицелился. Махнул. Вышло не так хорошо, как я ожидал. Колун вошел под углом, немного неудачно, и вместо того, чтобы разбить деревяшку ровно по центру, я отсек от края неровную щепку. Такой результат хозяина бы явно не устроил. На мгновение я прервался и склонил голову набок.

Неожиданно проснулась память. А быть может, это была и не память, но я смог на взгляд определить, под каким углом должна идти атака, какую силу нужно вложить в удар и какие участки чурбачка лучше не трогать ввиду высокой плотности древесины.

Все оказалось очень просто и удобно. Я поставил крупный кусок дерева на пень и взял колун в правую руку. Сработал плечом и запястьем, не приложив никаких особенных усилий, но поленце разлетелось на части с такой легкостью, что я невольно удивился.

У меня начало получаться. Да так хорошо, что я минут за двадцать пять расколол все чурбачки, лежащие во дворе, и нисколько при этом не устал. Дело оставалось за малым. Собрать дрова и сложить в поленницу.

– Ну и хитрец же ты, чужеземец, – усмехнулся трактирщик, вышедший поглядеть на мои мучения, но заставший меня за уборкой последних поленьев. – Уже справился. А я было решил, что ты не знаешь, с какого конца за топор-то браться. А может, ты колдун?

– Нет, не колдун, – пожал плечами я. Отряхнул ладони от приставших щепок.

– Вот молодец, – удовлетворенно кивнул трактирщик. – Мне бы такой работник не помешал. А знаешь что, – неожиданно засиял он. – Оставайся у меня. Я тебе зарплату платить буду. Немного, но на жизнь хватит. А будешь хорошо работать, так я тебя пивом бесплатно угощать стану. Что скажешь? По рукам?

Я растерянно почесал затылок. Предложение было заманчивым, да и особо выбора у меня не было. Потому я кивнул.

– А зовут-то тебя как, чужеземец?

Вопрос был простым и однозначным. Но только для того, кто не путался в своей собственной памяти. Я назвал имя, которое, как мне показалось, было ближе сотен других имен:

– Максим.

Илина выпорхнула из кухни с огромной плетеной корзинкой в руках и, словно бы невзначай, преградила мне дорогу. Хитро улыбнулась, глядя на меня через прутья:

– Устал?

– Нет, – покачал головой я.

– Неужто не справился? – встревожилась она.

– Дрова закончились, – пояснил я.

Илина помахала корзинкой у меня перед носом.

– Я в деревню иду, за овощами. Если ты вправду не устал, может, пойдешь вместе со мной? – Она ковырнула пол носком сапожка.

– Конечно, не вопрос, пойдем, – быстро согласился я. Усталости я не чувствовал, наоборот, после утренней зарядки хотелось двигаться. Да и заняться мне все равно было нечем.

– Ты странный, – неожиданно произнесла Илина, когда мы вышли из трактира.

– Странный? – переспросил я.

– Конечно, ты странный, – продолжила она. – Вернее, не странный. Необычный. Я еще вчера, как только тебя увидела, сразу поняла, что ты не такой, как все.

– А в чем же моя необычность? – Мне стало интересно.

– Не знаю, – легко пожала плечами девушка.

– Но ты же сама решила об этом поговорить.

Илина вздохнула.

– Вот это я и не могу понять, – ответила она. – Ты чужеземец. Это заметно. Но ты не такой, каким я представляла чужеземца. Ты хороший, и мне приятно находиться рядом с тобой. – Девушка спрятала лицо. Возможно, покраснела. – И еще ты понравился хозяину. Ему никто не нравится, а ты понравился. Я, честно говоря, не верила, что он позволит тебе остаться переночевать.

– И это необычно? – недоумевал я.

– Конечно, это необычно, – воскликнула она. – Ты плохо знаешь хозяина!

– Ну, возможно. – Я решил поделиться с ней новостями. – Еще он предложил мне работать в трактире. Ему, кажется, понравилось, как я колю дрова.

– Правда? – Илина аж подпрыгнула от удивления, остановилась и повернулась ко мне. Глаза ее загорелись. – Хозяин разрешил тебе остаться и работать здесь?

Я утвердительно кивнул.

– Так это же замечательно! – Илина неожиданно закружилась, как будто в танце, широко раскинув руки. Затем резко остановилась и прижала ладони к груди. – Но я даже не знаю твоего имени.

– Максим, – ответил я, немного помедлив. Перекинул корзинку в левую руку и пошел дальше. Девушка подбежала ко мне. Довольно близко. Возможно, она хотела взять меня под локоток, но в последний момент передумала и просто пошла рядом.

– А где находится твоя деревня? – поинтересовалась она.

– Далеко, – выдохнул я.

– Далеко за лесом? – предположила она.

– Еще дальше.

– Далеко за горами?

– Еще дальше.

– Значит, за морем?

Я отрицательно покачал головой.

– Неужели что-то может быть еще дальше? – откровенно усмехнулась она.

– Может, – печально ответил я. – Место, которое я вижу в своих воспоминаниях, настолько далеко отсюда, что я, возможно, никогда не смогу туда вернуться. Даже если я буду целую вечность идти по лесам, взбираться на горы и плыть по морям, мне не удастся попасть домой.

– Значит, ты останешься здесь? – В ее голосе уже не было радости. Хотя я видел, что мысль о том, что я осяду в деревне Суховодье, была ей очень приятна.

– Если не найду способа вернуться.

Она замолчала и погрузилась в размышления. Но ненадолго, вскоре ей снова стало интересно.

– А как выглядит твой дом?

– Он выглядит очень сложным. Даже невероятно сложным. Там практически нет деревень, люди живут в городах, очень крупных. Чтобы перейти пешком из одного конца такого города в другой, может потребоваться целый день. Поэтому жители передвигаются на автомобилях, специальных повозках без лошадей, которые ездят очень быстро. А когда им нужно перебраться из одного города в другой, они летают на самолетах. Конечно, если им никуда не нужно идти, они остаются дома, смотрят телевизор, играют на компьютере.

Я посмотрел на Илину. Как минимум половину сказанных слов мне можно было не называть.

– А я считаю, что ты сочиняешь, – решила она. – Повозка не может двигаться без лошадей.

– В том месте, откуда я пришел, – может, – усмехнулся я. – Но я понимаю тебя. В то, о чем я рассказываю, очень сложно поверить...

– А дом, в котором жил ты? – Илина перешла от одного вопроса к другому, так и не получив вразумительного ответа на вопрос предыдущий. Хотя не думаю, что ее вдруг заинтересовало бы устройство двигателя внутреннего сгорания или конструкция подвески.

– Мой дом был очень высоким. В городах все дома высокие. Десять, шестнадцать, а то и двадцать этажей. В одном таком доме бывает по сто или даже по пятьсот квартир, в каждой из которых может жить целая семья. Считай, целая деревня может поместиться в одном таком доме. А в каждой квартире места иногда бывает побольше, чем в деревянной избушке. Вот представь теперь, идешь ты по улице, а рядом, по широкой дороге мчатся автомобили, а с другой стороны уходит вдаль ряд высотных зданий...

– Так это же страшно? – неожиданно произнесла она.

– Страшно? – опешил я. – Возможно. Но, если долго жить в городе, к этому можно привыкнуть.

– Неужели к такому вообще можно привыкнуть?

– Не знаю. – Я смог только пожать плечами. – Об этом никто не задумывается.

– Сказки! – откровенно рассмеялась она. – Моя бабушка всегда была мастерицей рассказывать сказки. И она всегда говорила, в каждой сказке должна быть доля правды, а ты все сочиняешь. Подумать только: повозка, едущая без лошади, дом высотой двадцать этажей. В таких домах разве что короли живут, принцессы да принцы...

Илина замерла на мгновение, побледнела, потом резко повернулась ко мне и как закричит:

– Так ты принц! – Но тут же опомнилась. – Ой!

– Нет, конечно, – усмехнулся я, глядя, как ее щеки покрываются румянцем. – Но будь я принцем, потерявшим память, история звучала бы намного правдивее?

– Конечно! – Илина вздохнула. – Хотя мне немного жаль, что ты не принц...

– Но зато у меня есть то, чего нет ни у одного принца. – Я выудил из нагрудного кармана солнцезащитные очки. Решил, что они произведут куда большее впечатление на Илину, чем плеер или неработающий сотовый телефон. – Подойди сюда.

Илина непроизвольно напряглась и закрыла глаза, когда я подошел и водрузил ей на нос пластиковые очки с темными матовыми линзами.

– Глаза можно открыть? – робко спросила она, когда почувствовала, что я отошел.

– Можно было и не закрывать, – улыбнулся я.

– Ой, – разволновалась она, испуганно крутя головой. – А почему все стало вдруг темно?

– А эти очки особенные. В них ты можешь в яркий летний день ходить по улицам, тебе не придется шуриться. Даже можешь глядеть прямо на солнце, не боясь ослепнуть.

– Но все вокруг стало таким необычным. Мне даже страшно становится.

– Ты можешь в любой момент их снять. – Я подошел и показал Илине, как это сделать. Потом продемонстрировал, как удобно складываются дужки и вложил очки в руку девушке.

– Дарю!

Она засмушалась, осторожно прижала ценный подарок к груди и начала думать, куда же его спрятать, чтобы не потерять ненароком.

Так мы и дошли до деревни. Осмотревшись вокруг как следует, я окончательно убедился, что это не розыгрыш и не инсценировка, а самое настоящее Средневековье. Ну, может, конечно, и не самое настоящее, потому что оно уже давно минуло; меня окружил совершенно другой мир, совсем не тот, который сохранился в моих воспоминаниях.

Мы обогнули плетень и вышли на сравнительно широкую дорогу, которую даже можно было назвать центральной улицей деревни Суховодье, потому что она проходила через все поселение и по ее ходу даже соорудили небольшой мостик через речку, которая носила довольно необычное название – Сухая. Об этом мне поведала Илина.

Неожиданно из переулка впереди выбежал молодой парень. Он явно был чем-то встревожен и торопился, но, заметив нас, резко затормозил, повернул и мгновение спустя стоял рядом, переводя дыхание.

– Простите, пожалуйста, – начал он, немного отдышавшись. Смахнул попавшие на глаза волосы и умоляюще посмотрел на Илину, словно прося у нее прощения. – Мне поручили найти вас.

– Кто поручил? – спросила девушка.

– Староста Римен.

Мы переглянулись. Я поежился. Встречаться с отцом хулигана мне совершенно не хотелось. Хотя Илина выглядела вполне спокойно. Может, все было не так уж и плохо.

– Он просил сказать, чтобы вы не боялись. Он хочет только поговорить.

Парнишка, кажется, был в курсе вчерашнего инцидента.

– Я провожу вас. – Он повернулся к девушке. – Илина?

Она кивнула и шепнула мне:

– Он не будет тебя сильно ругать, обещаю.

– Илина, пожалуйста, оставь нас, – попросил седой морщинистый старик, худой и чахлый, но все еще бодрый и подвижный. – Мы поговорим. И можешь не беспокоиться, за шишку на голове Тита ругать его не стану. Пусть знает, нахал, когда руками размахивать не следует.

Илина послушно поклонилась и вышла из дома старосты, самого внушительного во всем поселении. Он казался настоящей крепостью и служил не только жильем самому Римену, но и являлся культурным и экономическим центром деревни. В просторном зале, где меня встретил старик, наверняка проводились собрания и решались многие вопросы, а большой крытый амбар во дворе, кажется, служил основным хранилищем припасов всей деревни.

– Присаживайся, в ногах правды нет, – произнес Римен, когда вышел и паренек, приведший меня сюда. – Думаешь, что я ругать тебя буду за то, что сына побил? Знай, не буду. Хотя большая шишка у него на голове выросла. Совсем бы ума не лишился.

Я смутился. Он сказал, что не собирается меня ругать, но из-за этой фразы я уже почувствовал себя неловко. Римен это заметил.

– Не переживай, – натянуто усмехнулся он. Его что-то тяготило, но на глазах у гостя старик старался выглядеть уверенно. – Я бы сам его проучил, да силы уже не те. И сам он виноват, нечего на приезжих задиаться.

Староста откашлялся и покосился на лавку возле стены. Я не сдвинулся с места. Он продолжил:

– Так вот, о чем я говорю. Быть может, ты не знаешь, но Тит сильный кулачный боец, сильнейший в нашей деревне. Его все местные боятся. И хотя головой он слаб, но кулаки железные ему разум заменяют. А ты побил его легко, словно младенца. Сегодня утром мне пять человек наперебой рассказывали, что ты победил его, но никто из них не мог ответить, как это произошло. Сходились в одном: ты шагнул вперед, и Тит грохнулся на пол. Ответь мне честно, юноша, ты обучен военному искусству?

Я решил рассказать ему всю правду. Рано или поздно, мне пришлось бы ответить на вопросы головы, а отношения с деревней, рядом с которой я планировал задержаться, не стоило портить.

– Нет, войной я не занимаюсь. Хотя в обиду себя не дам.

Римен тяжело вздохнул.

– Тогда я расскажу про нашу беду, а ты уж сам решишь, помогать нам или нет.

Я приготовился слушать, но старик не начинал, только топтался на месте.

– Может, действительно присядешь, – повторил просьбу он, – я стар, и мне тяжело стоять, но как вежливый хозяин, я не могу позволить себе сесть, когда мой гость стоит.

Я понимающе кивнул и опустился на одну из широких лавок, стоящих вдоль стен в комнате для собраний. Старик удовлетворенно кивнул и ловко забрался на табурет. Его совет мне действительно пригодился. От рассказанной истории у меня подкосились ноги.

– В этой деревне завелся оборотень, – начал он, тяжело выдохнув. – Мы не знаем, откуда он пришел. Так вот, три дня назад ночью он задрал двух овец, на следующую ночь мы недо считались одного ребенка, мальчика, Янока. Все в деревне думают, что сорванец прячется в лесу, но я так не считаю. Оборотень его просто съел, не оставив даже косточек. А этой ночью напал на человека. – Старик сделал паузу. – Хочу попросить у тебя помощи. Хочу, чтобы ты защитил деревню, чтобы отыскал и убил кровожадную тварь. Мы ничего для тебя не пожалеем, отблагодарим, обещаю, но если ты согласен, если можешь помочь нам, то не должен медлить. Оборотня надобно остановить до полнолуния, а иначе, быть может, живых в этой деревне не останется...

Я оцепенел. Возможно, у меня даже челюсть отвисла от неожиданности. Потому как старик терпеливо склонил голову набок и стал ждать, когда я приду в себя.

В голову вернулась навязчивая мысль, что это розыгрыш. Жестокий и глупый, но тщательно продуманный розыгрыш. Я только-только смирился с тем, что попал в какой-то странный, незнакомый мир, остановившийся на эпохе Средневековья, как меня решили погрузить в сказку и фантазию.

«Нет, я брежу».

Разум просто не мог принять такое положение вещей за действительность. Того, о чем рассказывал старик, не могло быть на самом деле. Все вокруг было галлюцинацией, игрой моего собственного воображения. Результатом наступившего сумасшествия.

Это было самым разумным объяснением. Я решил, что сошел с ума, и на самом деле лежу в палате для особо опасных пациентов, в смиренной рубашке с завязанными рукавами. И стоит мне хоть немного заблуждаться, как пара добродушных санитаров зайдут в гости и помогут расслабиться.

«А может, этот вариант слишком прост для меня?»

– Ты в порядке? – Римен решил, что мое замешательство затянулось.

– Вы уверены, что это оборотень? – Я решил найти логическое объяснение.

– Да, – ответил старик. И в его голосе не было даже тени иронии.

– Может, это просто большой волк? Вообще его кто-нибудь видел? – Мне нужно было найти какую-нибудь нестыковку в этой истории. Доказать старику, что это ошибка. Доказать себе, что это недоразумение. – В истории нет ни одного подтвержденного факта появления оборотня. Легенд – тысячи. Но легендами ничего нельзя доказать.

– Я бы очень хотел, чтобы это была легенда, – вздохнул старик. – Недоразумение, ошибка, заблуждение. Я видел эту тварь собственными глазами. И, о великое чудо, выжил. Я тоже решил, что это волк, когда он задрал овцу. Я не верил, что это оборотень, когда ко мне принесли раненого. До последнего не верил. Но, увы, такие раны нельзя спутать ни с какими другими.

– Но этого не может быть. Обратней не существует! – не унимался я. Поднялся с лавки, не в силах сдержать дрожь и унять волнение, принялся ходить туда-сюда. А старик Римен смотрел на меня. Печальным, понимающим и бесконечно добрым взглядом из-под седых бровей. И по этому взгляду я сразу понял, насколько сильно он хотел ошибаться.

– Пойдем со мной, – сказал он, осторожно спустившись с табурета.

Я не стал пререкаться. Староста Римен вышел в коридор и дошел до самого его конца. Сначала я не понял, почему мы остановились в тупике, но затем старик отодвинул в сторону ткань, закрывающую стену, и подвязал веревочкой к небольшому колышку.

За тканью оказалась дверь. Она была значительно меньше, чем остальные двери в этом доме, и из-за нее тянуло холодом.

Староста Римен вынул из подсвечника небольшой огарок, сунул его в подставку для свечи и поджег от ближайшей лампы. Затем отодвинул засов и открыл дверь.

Из прохода повеяло холодом. Я подошел ближе и увидел деревянные ступеньки, уходящие в темноту. За дверью находился спуск в погреб.

Старик бесстрашно двинулся вперед.

Осторожно прощупывая каждую ступеньку, я спустился по лестнице, пока нога не уперлась в плоскую поверхность. Глаза еще не привыкли к темноте, а света свечи было недостаточно, чтобы оценить размера погреба, я увидел только белую простыню впереди. Староста Римен стоял возле нее.

– Скажи, юноша, мог ли огромный волк сотворить подобное? – старик отдернул простыню, и когда я увидел, что под ней скрывается, у меня помутился рассудок.

Пламя свечи дрогнуло, и причудливые пугающие тени заплясали на бледной коже лежащего на лавке мужчины. Его лицо искажала гримаса боли. До последнего вздоха он испытывал страшные мучения, и мне нужно было только опустить взгляд, чтобы понять, почему. Кожа была разодрана от плеча до живота, словно ее порвали мощными крючьями. Ребра были проломаны, а грудина смещена, словно кто-то хотел вырвать сердце убитого и едва не сделал это одними только голыми руками, но с огромными острыми когтями.

– Это дело рук оборотня. У меня нет права просить тебя о помощи. Но если ты способен сделать это, то прошу, от имени всей деревни, помоги убить монстра. Если мы не найдем его до полнолуния, то же самое случится и с остальными жителями деревни.

Я промолчал.

– В полнолуние у оборотней закипает кровь. Они обретают огромную силу и при этом теряют разум. Они не могут больше сдерживаться и начинают в безумии убивать...

Но я все равно молчал.

– Моя деревня погибла от когтей оборотня. Когда взошла луна, в ту страшную ночь нам не помогли ни вилы, ни колья, ни веревки. Тварь была слишком быстрой. Если бы не странствующий маг, случайно заглянувший в нашу деревню, не выжил бы даже я...

Я смотрел на убитого. Старик что-то рассказывал, но я его не слушал, продолжал смотреть. На закрытые глаза, которые перед смертью были открыты. На приоткрытый рот, из которого до последнего вздоха вырывались только крик и стоны. На эту бледную кожу, тщательно отмытую от крови. Медленно надвигался ужас.

Внезапно стало тяжело дышать. Даже не тяжело, невозможно. К горлу подкатил ком. Я отступил назад, но понял, что просто не могу больше находиться в этом погребке, развернулся и побежал.

Судорожно цепляясь за холодные ступени руками и ногами, я вылез из погреба и стрелой промчался по коридору. Выбежал из дома старосты, едва ли не кубарем скатился с крыльца, нырнул за угол дома. В итоге не выдержал и высвободил содержимое желудка между двух деревянных бочек.

– Максим?

Я услышал голос Илины и обернулся. Девушка стояла возле ворот, напряженно теребя пальцами ручку корзинки. Испугавшись за мое состояние, она подошла ближе.

– Ой, – вздрогнула она, посмотрев мне в лицо, – у тебя глаза горят.

– У меня сейчас все горит, – пробормотал я и попытался увести Илину от места своего позора.

На крыльцо вышел старик Римен. Он пронзительно посмотрел на меня. В ответ я испуганно посмотрел на него. Думаю, ему было что мне сказать, но он не стал обсуждать щекотливый вопрос при Илине. Наверняка боялся, что она проболтается и начнет панику.

Но кое о чем он все же обмолвился.

– И все же чувствует мое сердце, – сказал он, – что ты именно тот, кого нам послал бог.

– О чем это он? – шепнула Илина, подхватив меня под ручку.

– Он рад, что я остаюсь в деревне, – ответил какую-то глупость я.

Когда мы отошли от дома старосты, а Илина вошла в один из деревенских домов, как она сказала, за овощами, оставив меня ждать на улице, я немного успокоился и начал соображать.

Но разум все еще находился на грани истерики, и некоторые вполне логичные умозаключения могли внезапно перерасти в полную чушь.

Староста говорил предельно ясно. Он предлагал мне стать героем-спасителем. Роль, конечно, довольно притягательная и предполагающая определенные выгоды, но для этого нужно было убить оборотня, который скорее уж сам отправит меня на тот свет. Если он способен вырезать целую деревню за одну ночь, то с оружием или без он распотрошит меня в одно короткое мгновение.

А если это не совпадение, что оборотень появился в деревне в то же время, что и я? Может, он здесь живет, а начинает безобразничать, когда в деревню приходит забавный незнакомец? А что? Я чужой человек. Если меня оборотень прикончит, никто печалиться не будет. Может быть, это такое деревенское развлечение, местное сафари. Не желаете ли потягаться силой с оборотнем, дорогой гость? А мы для вас, на всякий случай, могилочку приготовим...

Нет, оборотней не существует. Не может такого быть, чтобы человек по ночам, особенно в полнолуние, обрастал шерстью, отращивал зубы и клыки да бегал по деревне, нападая на невинных прохожих. Нет, их не существует, как, впрочем, и не должно было существовать перемещений во времени или путешествий в другие миры.

Вторая мысль немедленно опровергла первую; если я смог попасть в другой мир, то и существование оборотней тоже отвергать не стоит. Но развивать эту тему я не стал. Меня внезапно осенила одна идея.

Оборотень потому и называется оборотнем, что не всегда находится в обличье кровожадного зверя. Вот на что намекал староста Римен. Он посоветовал выследить зверя, а только потом убить, значит, сделать это, пока тот находится в обличье человека.

Выходило, что он просил меня собственноручно убить человека...

Убить человека...

Воображение нарисовало картину, на которой я, с кровавым блеском в глазах, с яростью и пристрастием, удар за ударом вонзаю нож в спину умирающего крестьянина. Кровь летит в разные стороны, жертва корчится в агонии, а я изливаюсь демоническим хохотом.

Спину передернуло от мышечного спазма.

– Ну, так о чем вы говорили со старостой? – снова спросила Илина, когда мы шли к следующему дому, «за пряностями». Она задавала один и тот же вопрос четвертый или пятый раз, но я постоянно пропускал ее слова мимо ушей.

Терпение у девушки лопнуло. Улучив момент, она затолкала меня в проем между двух домов, прижала к стенке и начала допрос.

– Что старик Римен тебе сказал? Отвечай сейчас же!

Я поглядел налево, направо. Помощи ждать было неоткуда.

– Он попросил меня об одном одолжении...

– О каком одолжении он тебя попросил? – Илина была очень настойчива. – Ты не мог нормально на ногах стоять, когда вышел из его дома! О чем он тебя попросил?

– Попросил меня кое от кого избавиться... – невольно проболтался я. – От одного хищника...

– Убить кого-то? – сразу догадалась она. – Разве ты наемный убийца? Нет, иначе ты бы не испугался такого предложения... А что за хищник? Не может быть! Неужели он попросил тебя избавиться от... Ах!

Она замолчала на мгновение, и до моего слуха донеслось недовольное сопение. Я повернул голову и увидел стоящего рядом Тита, загородившего своей массивной фигурой весь проем. Его ноздри раздувались, глаза горели, а кулаки были сжаты настолько сильно, что костяшки побелели от напряжения.

– Вот вы куда спрятались, голубки! – процедил он полным злобы голосом. – Что ты делаешь с моей невестой?

– Невестой? – возмутилась Илина. – Как ты посмел? Пошел вон отсюда! Видеть тебя не желаю.

– Молчи, женщина, пока мужчины разбираются. – Он указал на меня дрожащим от ярости пальцем. – Ты оскорбил меня в трактире, а теперь уводишь мою женщину?

– Твою женщину? Да что ты о себе возомнил? – Илина уперла кулачки в бока. – Ты мне никогда даже не нравился. Кроме того, я тебя ненавижу!

Но разве разъяренный самец слышит голос самки, когда видит конкурента? Глаза Тита наливались кровью, грудь медленно вздымалась и опускалась, а из горла исходил какой-то звук, похожий на рык. Он просто обезумел от приступа ревности.

Я, наверное, тоже обезумел. Стресс, словно огромный камень из эмоций, страха и душевных переживаний, просто привалил меня своим огромным весом, выдавив наружу все, что мучило меня. Необъяснимые перемещения, частичная потеря памяти, появление в голове странных, «чужих» воспоминаний, предложение совершить убийство. Все слилось в один мощный выплеск.

И я наполнился яростью. Холодной, расчетливой яростью. Перестал чувствовать все остальное. Сомнения и тревоги внезапно отступили, голова наполнилась короткими и ясными мыслями. Мыслями о победе над внезапно появившимся противником.

Илина поняла, к чему все идет, и потянула меня за рукав.

Я не реагировал.

– Давай убежим, – шепотом попросила она, – Тит, как всегда, пьян. Тебя не осудят, если мы...

– Что-о?! – завопил здоровяк, услышав слова девушки. – Убежать задумали!

Он сорвался с места и, словно сорвавшийся с тормозов паровоз, пыша и фыркая, промчался по проходу, схватил меня за грудки и рявкнул прямо в лицо:

– Я тебе не позволю убежать...

Но он не договорил. Я даже не понял, что случилось в следующий момент. Тело, казалось, двигалось само по себе. Рука поднялась быстро, как змея. Я положил ладонь на грудь Титу и довольно мягко выпрямил руку.

От пронзительного женского крика заложило уши. Тита отбросило так, словно он напорлся на разогнавшийся стенобитный таран. Он взлетел в воздух и ударился спиной о деревянную стену, громко выдохнув и клацнув зубами. Затем сполз на землю, поднялся на четвереньки и принялся ползать вокруг, выпучив глаза и хватая ртом воздух. Я толкнул его слишком сильно и чрезмерно нагрузил диафрагму.

Илина перестала кричать и подошла к задыхающемуся здоровяку. Она пыталась взять его за плечи, успокоить, но он вырывался, невнятно мычал и тяжело кашлял.

– Ты убил его! – вскрикнула она, когда Тит повалился на бок и стал хрипеть.

Я склонил голову набок, прислушался. Его дыхание стало немного легче.

– Он умирает! – взмолилась Илина, слезно глядя на меня и тормоша стонущего деревенского хулигана. У нее на глазах даже навернулись слезы. – Он умирает! Почему ты так спокоен?

– У него защемило диафрагму, – объяснил я. – Скоро ему станет лучше.

– А разве тебе не его поручили убить? – быстро успокоилась она и поднялась, оставив злобно фыркающего воздыхателя в покое.

– Никого мне не поручали убивать, – улыбнулся я. Для этого не потребовалось даже напрягаться. – У меня просто голова закружилась.

Короткая драка немного встряхнула меня и пресекла начавшуюся истерику. Тит едва не оторвал воротник от рубашки, но вернул моим мыслям правильный ход. Выброс адреналина подействовал отвесляюще, и за это мне следовало поблагодарить ревнивого хулигана.

Тит хорошо откашлялся. Дыхание выровнялось, кризис миновал. Шок прошел, и он моментально уснул. Илина облегченно выдохнула, услышав противный, но спокойный храп своего воздыхателя.

– Нужно отнести его к отцу, – предложил я. Он заслужил подобное обращение, но оставлять его лежащим без сознания на земле было бы бесчеловечно.

– Зачем? – удивилась девушка. Поднялась с земли и отряхнулась.

– Но не оставлять же его здесь...

– А почему бы и нет. Сам виноват. Незачем было приставать. Пусть он проспится. Его тут все равно никто не тронет.

В чем-то она была права. Это не сумасшедший город, а тихая деревня. Его здесь все знали и боялись. Никто не посмел бы его побеспокоить. Да и тащить такую громадину мне не очень-то и хотелось.

Илина потянула меня за руку.

– Пойдем. Нам еще многое нужно успеть.

Я бросил прощальный взгляд на Тита. Тот лежал на земле, подсунув под голову руки, и громко храпел. Этой демонстрации силы ему должно было хватить. Он не должен был рискнуть напасть снова, просто не должен был. Не знаю, когда я достиг такого уровня мастерства, но в плане силы и техники я значительно превосходил деревенского хулигана. А возможно, я мог сравниться даже с профессиональными военными. Может быть, у меня даже был шанс победить оборотня.

И я серьезно задумался над предложением старосты. Оставлять в беде деревню, в которой жила такая хорошая девушка, как Илина, я просто не мог.

Илина шла по дорожке и мурлыкала какую-то песенку себе под нос. Я двигался за ней, поглядывая на местных жителей и изредка вперед, потому что нести легенькую, но необычайно громоздкую корзинку, загораживающую весь обзор, пришлось именно мне.

Большинство из них тоже уделили мне немного своего внимания. Посмотреть на чужеземца в серой клетчатой рубаше и джинсах, идущего за Илиной и исполняющего роль носильщика, было как минимум любопытно.

– Ответь мне на вопрос, – неожиданно спросила девушка, когда любопытных глаз стало заметно меньше, а впереди замаячил силуэт трактира. – Это очень тяжело?

– Что тяжело? – переспросил я, выглядывая из-за корзинки.

– Бить людей. Тит стал задыхаться, когда ты ударил его. Я перепугалась, что он умрет, а ты был так спокоен.

– Даже не знаю, что ответить...

– Тебе часто приходится драться? Хотя, что я спрашиваю. Я знаю тебя всего пару дней, а ты уже успел два раза подраться.

– Ну, вообще-то я не любитель этого дела. Предпочитаю решать вопросы мирным путем.

– Но ты же так ловко дерешься! Тит вон всегда был сильным, а ты его бросил, как пушинку. Он привык на кулаках сходить, удар держать, а ты его раз – и об пол! – Илина изобразила несколько прямых ударов, а затем апперкот. Повернулась ко мне. – А в твоём городе с высокими домами все так же хорошо дерутся?

– Нет, не все. – Я попытался мягко перевести разговор на менее щекотливую тему. – Кстати о Тите. Ты так испугалась, когда он начал задыхаться. Он тебе нравится?

– Ещё чего, – отмахнулась она. – Не говори ерунды. Он мне не нравится. Просто я не люблю, когда умирают люди. А ты его чуть было не убил. И не отрицай.

Я и не стал отрицать. Ведь я абсолютно точно знал, что если бы ударил сильнее или под другим углом, то у Тита порвалась диафрагма. А случись это, он бы умер. Даже в двадцатом веке, уровень медицины которого я прекрасно знал, после такой травмы люди почти не выживали, что уж говорить о Средневековье.

Меня озадачили обретенные знания. Видимо, я неосознанно обратился к «чужой» памяти, «пробудил» воспоминания врача и выяснил все, что необходимо. Это оказалось интересно и интригующе, поскольку, используя «чужую» память, я имел доступ к любой известной области науки, и одновременно пугающе, потому что, имея такой багаж знаний, я не понимал, откуда же он у меня взялся.

Мы почти добрались до трактира, когда Илина неожиданно заявила:

– А может быть, дело в твоих глазах...

– В моих глазах? – переспросил я. – О чем ты?

– У тебя необычные глаза, – продолжала она. – Когда я слышала, что ты родом из очень далекой страны, то подумала, что там у всех такие же глаза. Они постоянно меняют цвет, это очень красиво, но иногда они приобретают кровавый оттенок. Это пугает меня.

Мне захотелось, чтобы она тотчас повернулась и, улыбнувшись, призналась, что захотела разыграть меня. Но ее слова не были похожи на шутку. Она говорила серьезно.

– Это правда? – растерялся я, все еще не веря ее словам.

– Да, – кивнула она, обернувшись. – Обычно, когда ты нервничаешь, твои глаза начинают краснеть. Но когда ты вышел из дома старосты, они словно горели огнем. Разве что пламя не вырывалось из глазниц. И когда ударил Тита тоже...

– Ты когда-нибудь видела что-то подобное? – спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

– Никогда.

Оставив на кухне громоздкую корзинку, я поднялся в комнату на втором этаже. К сожалению, я не мог так же легко сбросить где-нибудь навалившиеся проблемы, которых с каждым часом становилось все больше. Но я понимал, что нельзя было впадать в уныние, нельзя было сдаваться и пускать все на самотек. Следовало сопоставить факты, подумать над вариантами и составить план действий. И немного отдохнуть.

Желая улучшить приток крови к голове, я прилег на кровать.

Проблема конфликта с Титом решилась быстро, одним ударом, а вот что делать с оборотнем, я пока не знал. Память выдала список возможных способов убийства монстра, но все они были лишь фантазиями писателей и сценаристов, придумывавших истории про людей-волков. И если вариант с окроплением чудища святой водой я отмел сразу, то над использованием серебра задумался. У этих существ, раз уж они существовали вправду, могла быть острая аллергия на драгоценный металл. Достаточно изготовить серебряные пули и расстрелять оборотня из пистолета, чтобы навсегда избавить деревню от напасти. Ну, или внедрить аллерген каким-либо иным способом.

Даже если я найду серебро в этой деревне, то явно не в той форме, в которой оно может быть опасно для чудовища. Забить оборотня до смерти серебряной ложкой – какой экстравагантный и неоправданно жестокий способ убийства.

Ко мне понемногу возвращалось чувство юмора.

И так, погруженный в раздумья, я даже не заметил, как уснул.

Когда я проснулся, наступил вечер.

Шум и гам, доносящийся снизу, я услышал сразу. В трактире всюду шли гулянья. Давал концерт какой-то странствующий трубадур и, кажется, довольно успешно, потому как местные были очень довольны, громко топали, кричали и подпевали. Неожиданно и странно было слышать радостный смех жителей деревни, которой угрожает кровожадный оборотень, но скорее всего они об этом просто не знали. Старик Римен не предал огласке обстоятельств смерти того человека, чтобы избежать массовых волнений. Он не был уверен, кто именно оборотень, и не представлял, к чему может привести паника.

Понимая, что мне сегодня уже просто не дадут уснуть, я спустился в зал трактира. Ведь мне выпал уникальный шанс увидеть средневековое развлекательное мероприятие и поужинать. А заодно начать поиски оборотня и присмотреться к местным. Сев на скамью за самым дальним столом, я начал наблюдать.

Трубадур прекрасно обращался с лютней, извлекая из нее простую, но приятную мелодию, которая вместе с пением трех румяных девиц отлично развлекала подвыпивших крестьян. Он только изредка прерывался, чтобы отхлебнуть поднесенного трактирщиком пива, откусить чего-нибудь съестного, или ущипнуть одну из подпевающих ему девиц. На меня почти не обращали внимания. Слухи о появлении в деревне чужеземца расплозились очень быстро, и все уже знали о том, что я не опасен. Старик Римен наверняка постарался, чтобы у всех на устах была именно эта новость, а не гибель овец и смерть крестьянина.

Пробежала Илина, улыбнулась мне. Они с официанткой, похожей на луковицу, метались между кухней и столами посетителей, едва успевая разносить заказы. Что-то мне подсказывало, что в этот вечер трактир делал неплохую выручку.

Вскоре Илина подошла и торопливо поинтересовалась.

– Ужинать будешь?

Я согласно кивнул. Она умчалась на кухню и спустя несколько минут принесла жареную рыбу и кружку кваса. Поставила все на стол и, пожелав мне приятного аппетита, убежала работать дальше. Поел я с превеликим удовольствием.

Но когда я собрался отпить квасу, чья-то мясистая рука неожиданно выхватила у меня кружку. Немного удивленный, я поднял глаза. Возле столика стоял хозяин трактира.

– Квас у нас дети пьют, – возмущенно заявил он. Кажется, трактирщик был пьян. – Я тебе обещал, что пивом угощать буду? Обещал. А обещания я свои держу!

Он вложил мне в руки другую кружку, из которой тянуло хмелем и ячменем. Не утруждая себя оценкой вкусовой композиции, я пригубил деревенского пива и всего за пару минут приговорил всю кружку. Довольный способным собутыльником трактирщик поставил мне следующую.

Так, час за часом, наступило время ночи. Захмелевшие и довольные гости начали расходиться по домам.

Бессовестно наклюкавшись, я совсем позабыл о своем основном задании – поиске оборотня, а вспомнил о нем только когда поднимался по лестнице на второй этаж и при этом уже засыпал на ходу. Алкоголь подействовал на меня, как снотворное. Я проспал весь день до позднего вечера, но после трех, ну, может, четырех кружек пива так захмелел, что хотел только одного – снова завалиться в кровать. Что вскоре и сделал.

Но отчего-то сразу не уснул. В голове носился целый табун нетрезвых мыслей. Я сконцентрировался на одной, вытянул ее, словно кошку за хвост из-под дивана, и изучил:

«А все-таки, кто же этот оборотень?»

И мне неожиданно стало интересно, кто же этот злосчастный оборотень, который терроризирует деревню. Повернув голову и направив взгляд на стоящий у стены сундук, едва различимый в ночной темноте, я начал рассуждать.

Я видел уже множество людей, но никто из них не казался мне подозрительным. По словам старосты Римена, оборотень появился в деревне сравнительно недавно, значит, раньше здесь было спокойно. Тогда кто-то стал оборотнем совсем недавно, но крестьяне слишком хорошо знали друг друга, чтобы позволить кому-нибудь из местных незаметно заразиться ликантропией, если, конечно, это болезнь и передается она только через укус. Логично предположить, что оборотень – это кто-то из приезжих, например, какой-нибудь путешественник.

Вот в чем я мог быть уверен, так это в том, что человек, больной ликантропией, действует по ночам. Когда на небо выходит луна, он превращается в обросшее клыкастое чудовище, бегает по лесам, нападает на людей, а утром может проснуться в совершенно незнакомом месте, без единой мысли о том, как он туда попал...

Внезапно мою спину словно сковало холодом, а волосы на голове встали дыбом. Глаза открылись так широко, что едва не вылезли из орбит. Перестало биться сердце, а в легкие больше не поступал воздух. Я стал задыхаться, но не мог сделать даже малейшего вдоха.

Факты звенели как набат. Я – приезжий, страдаю потерей памяти. С моим телом произошли странные изменения, я стал невероятно силен. И каждое утро, сколько я себя помнил, я просыпался в новом месте, не представляя, как туда попал.

Оборотень...

...это я.

Сердце застучало так быстро, словно захотело выпрыгнуть у меня из груди. Во мне словно что-то надломилось. Вся сущность завопила от отчаяния.

«Не верю!»

«Не может быть!»

«Тогда кто, если не я?» – возразил я сам себе. Все объяснилось. Нашелся ответ на все мои вопросы. События складывались воедино. Случайность исключалась полностью.

Темнота комнаты начала давить. Я ударил кулаком в стену настолько сильно, что внутри ее что-то хрустнуло и закрипело, но я уже спрыгнул с кровати. Стрелой вылетел из комнаты и, не зная, куда податься, метнулся на улицу. На лестнице чуть не сбил Илину.

Она поднималась ко мне, прижимая к груди небольшой округлый предмет, и едва успела отскочить в сторону. Но на мгновение, на одно короткое мгновение, это вернуло меня в чувство.

– Что? – выдохнул я, тяжело дыша.

Илина испугалась и опустила взгляд.

– Ты хотел знать, какие у тебя глаза, – робко пробормотала она. – Вот, я принесла зеркало. Она вытянула руки и повернула зеркало отражающей стороной ко мне.

Задержав дыхание, я присмотрелся. Было слишком темно, чтобы разглядеть что-либо, но я увидел все, что было нужно. Увидел горящие красным пламенем глаза.

Это были мои собственные глаза.

Меня начало трясти. Ноги подламывались при каждом шаге, тело словно сковало свинцовыми оковами, но мне хватило сил выйти на улицу.

Но там я тоже не смог прийти в себя. Хотелось выть от безысходности и рвать на себе одежду. Тело сжалось, словно в кулаке невидимого великана, захотевшего раздавить меня, словно мелкую букашку. Я побежал. Превозмогая боль, забыв об агонии, невзирая на сумасшествие. Бросился вперед, отвергнув все. Помчался, не видя дороги. Рванул так, словно бегство могло спасти меня от ужасного проклятия.

И не смог убежать далеко. Ноги вскоре не выдержали, и я рухнул в траву. Слезы текли из моих нечеловеческих глаз, а рот, который тоже должен был вскоре превратиться в пасть, изрыгал проклятия.

Я ждал неизбежного конца.

А она была рядом. Была прямо передо мной. Луна смотрела на меня, усмехалась, словно ждала, когда я обросту мехом и стану выть на нее, словно бешеный пес.

Но ничего не происходило.

– Давай! – закричал я. – Возьми меня!

Но луна отказалась превратить меня в монстра. Она просто висела в ночном небе, смотрела на меня. И насмехалась.

А я лежал на земле, смотрел на нее. И недоумевал.

«Почему ничего не происходит?»

Вскоре голова немного проветрилась, я приподнялся и протер залитые слезами глаза. В голове крутился только один-единственный вопрос.

«Почему я не превращаюсь в оборотня?»

Внезапно я услышал скрип двери. Затем шаркающие шаги. Я подбежал слишком близко к деревне, остановился совсем рядом с чьим-то домом. Видимо, хозяина привлекли громкие крики с улицы, и он решил выяснить, что случилось.

Хрустнула под ногами ветка. На некоторое время все умолкло.

Затем раздался душераздирающий человеческий крик. Но тут же прекратился. А через мгновение я услышал отвратительный хлюпающий звук, словно в болотную жижу упало что-то мягкое.

Думаю, что в тот момент я находился в состоянии аффекта, впал в шок и совсем не понимал, что делаю. Я зачем-то поднялся, прошел вдоль забора, открыл ворота и оказался во дворе.

Там, рядом с поленницей, растерзанное и изуродованное, лежало тело мужчины. Он не подавал признаков жизни, хотя лицо все еще хранило следы агонии и панического страха. Левая рука была загнута под неестественным углом, а из раны на груди и животе все еще текла теплая кровь.

Внезапно я почувствовал теплое и неприятное чужое дыхание, появившееся над моим правым плечом. Оно принадлежало явно не человеку.

Мгновенно среагировав, я подался вперед, пытаясь избежать возможной атаки. Мягко перекатился по земле и обернулся.

Но я был недостаточно быстр. В то же мгновение из темноты на меня вылетела огромная лохматая туша.

«Оборотень!»

На голову словно рухнуло ночное небо, и я уже больше ни о чем не мог думать.

Глава третья

К своему огромному удивлению и вопреки логике и смыслу, я снова проснулся и открыл глаза. Увидел тусклый свет, проливающийся через узкое чердачное окно. Подполз поближе и разглядел полную луну, которая, казалось, улыбалась. Руки упирались во что-то мягкое и волокнистое, возможно, сено. И я, кажется, чувствовал себя вполне здоровым. Разве что немного зудела кожа на груди.

Фрагменты последних воспоминаний промелькнули перед глазами.

«На меня же напал оборотень!»

Я резко поднялся. Вернее, слишком резко. Так, что больно стукнулся затылком о перекладину. Снова вернулся в горизонтальное положение.

Решил не спешить, ведь оборотня рядом не было. Ни он, ни кто-нибудь еще не преследовали меня. Почесывая ушибленную макушку, я поднялся на ноги. Выпрямился, предусмотрительно нащупав опасную перекладину. Подошел к окошку.

Снаружи темнел двор. В тусклом свете луны я не мог рассмотреть его целиком, но даже по расположению поленицы я понял, что нахожусь совсем не в том дворе, где вчера ночью на меня напал оборотень. Или сегодня ночью. Сколько времени я пролежал на чердаке, пару часов или целые сутки, – мне было неизвестно.

Следовало выбираться с этого чердака. Например, через окно.

Но до земли было метров шесть. Может, даже семь. А других способов выбраться с чердака я просто не видел. Пришлось прыгать в крошечную тьму. Я очень надеялся, что хозяин не забыл убрать во дворе, не побросал где попало инвентарь, и что мне не грозит приземление на грабли или наточенные вилы.

Итак, затаив дыхание, я нырнул в темноту.

Приземлившись удивительно мягко, на кучу опилок, я перекатился вперед, гася инерцию падения. Глянул в сторону и обомлел. В двух метрах вправо от меня воткнутым в огромный пенек стоял топор. А ведь я мог приземлиться на него...

Невольно я прижал руку к сердцу и коснулся рубашки. Вернее того, что осталось от моей рубашки. Ворот был оторван, правый рукав превратился в ленточки, а на груди отсутствовал внушительный лоскут. Да и вся ткань насквозь пропиталась чем-то темным и липким. Я принюхался. Пахло, как кровь. И, кажется, это была моя кровь...

Впрочем, я был жив и даже не ранен, так что кровь на рубашке должна была меня успокоить меньше всего. Существовало множество проблем, и они были намного важнее всяких пятен или грязи. Я обернулся и отыскал на темном силуэте дома узкое чердачное окно. От удивления присвистнул. Метров шесть, не меньше. И как только я туда забрался? Рядом не было ни батута, ни лестницы.

Запрыгнуть на такую высоту сам я просто не мог. Люди не приспособлены к подобным трюкам.

«А оборотни приспособлены?»

От этой мысли у меня неожиданно защемило грудь.

И как можно было об этом забыть. Ведь я теперь оборотень, и тот факт, что мне удалось забраться на чердак без лестницы и чьей-либо помощи, очередное подтверждение тому. Да, фактов было слишком много. Слишком много.

Но оставалась пара незначительных несоответствий. Я не чувствовал и не видел своего превращения, оно не началось даже, когда я глубокой ночью закричал на луну. Это раз. И на меня напал другой оборотень. Это два?

Почему он напал?

Не могу утверждать, что оборотни терпят чужаков на своей территории. Но если они имеют повадки своих сородичей, волков, то должны тоже охотиться стаей. Но все же он напал на меня. Решил, что я покушаюсь на добычу? Тогда почему не убил? Что вообще произошло, когда я потерял сознание? Быть может, оборотень бросился на меня, прижал к земле и начал вылизывать, как большая собака?

«Какая нелепица».

Тогда откуда кровь? И почему рубашка разорвана?

Может, эта кровь не моя, а того несчастного, кого убил оборотень до встречи со мной, а рубаха порвалась от острых когтей оборотня, вовсе не желающего навредить мне?

Нет, один я не мог найти ответы. Нужно было поговорить со стариком Рименом, ведь он знал об оборотнях намного больше меня. И поговорить так, чтобы он не догадался, что оборотень – я. А для этого следовало привести себя в порядок. Нужно было вернуться в трактир, возможно, у хозяина нашлась бы какая-нибудь сменная одежда.

Блуждать по ночной деревне я не рискнул. Отбежал подальше в лес, благо двор, где я очутился, находился на самом краю деревни, сориентировался на местности и вскоре вышел к трактиру. Оказалось, что при свете одной только луны видно намного лучше, чем в лучах городских фонарей. Однородный свет позволял глазам подстроиться. Вот только, к моей великой неудаче, пройти никем не замеченным мне не удалось.

Что делал тот человек ночью в трактире, я так и не узнал. Входную дверь обычно не запирали даже ночью, вдруг гостям потребуется выйти на улицу. Зато кухня, кладовая и комната хозяина закрывались изнутри на засов, как, впрочем, и комнаты гостей. Поэтому по ночам никого не обслуживали, да и красть в зале было нечего. Тем не менее мужчина был там. Он словно ждал меня или кого-то еще.

Людям свойственно бояться крови, и разорванная рубашка с красными пятнами может довести некоторых до обморока, но его реакция казалась ненормальной даже для самого впечатлительного гемафоба. Я не сразу додумался, что испугался он вовсе не моей изодранной рубахи.

Услышав шаги, он повернулся и словно окаменел от страха.

– Здравствуйте, – учтиво промолвил я.

Мужчина вздрогнул. Брови поползли вверх, глаза округлились, колени задрожали. Возможно, он хотел даже закричать, но звукам просто не удалось покинуть скованного страхом горла. Он попятился, но, сделав пару шагов, поскользнулся, упал, растянулся на полу.

– Д-демон! – заикаясь, взвизгнул он и отполз в сторону, уткнулся затылком в угол скамьи. Я двинулся по окружности, переставляя ноги мягко, короткими шагами, уверенно держа дистанцию, тем самым открывая ему путь к двери – на свободу. – Д-демон!

Мужчина, не сводя с меня глаз, перевернулся на четвереньки и медленно пополз к выходу. Сообразив, что я не преследую его, поднялся на ноги побежал. Хлопнула дверь. Стало тихо.

Я облегченно выдохнул. Опасность миновала.

Вернувшись в комнату, я стянул с себя липкую и мокрую рубаху, забросил ее в дальний угол. Понял уже, что больше она мне не пригодится. Обессиленно сел на кровать.

Тишина сильно давила на голову. Трескотня насекомых доносилась с улицы, но ее было недостаточно, чтобы отвлечься, чтобы заглушить тяжелые мысли, душащие мое сознание. Хотелось услышать человеческий голос, но будить кого-нибудь в поздний час я не решился. Растянулся было на кровати, но вдруг заметил небольшой округлый предмет, похожий на блюдце, лежащий на крышке сундука. Кажется, это было зеркало.

Созерцание собственного отражения могло немного отвлечь меня.

Но из зазеркалья выглянуло чудовище. Оно имело нормальное человеческое лицо, округлое, симметричное, средних размеров нос и небольшой тонкий рот. Но глаза... Глаза были

нечеловеческими. Не было ни белков, ни глубоких черных зрачков, только кроваво-красное пламя, насыщенное и яркое.

«Неужели это мое собственное отражение?»

От страха у меня подкашивались ноги, но я продолжал упорно смотреть в зеркало, боялся, что если отведу взгляд хотя бы на одно мгновение, то чудовище выберется наружу и проглотит меня целиком. И вскоре отражение изменилось.

Постепенно глазные яблоки очищались. Пламя, которое оказалось вовсе даже не пламенем, а каким-то красноватым газом, рассеивалось, словно туман холодным утром в горячих лучах восходящего солнца. Стали видны зрачки, радужка, белки с тонюсенькими прожилками капилляров.

«Неужели это галлюцинация?»

Я ущипнул себя. Сильно и больно. Так, чтобы на коже остался заметный белый след.

В тот же момент в дверь постучали. Тихо и осторожно. Очень неуверенно.

– Войдите, не заперто, – ответил я, не задумываясь.

Дверь медленно отворилась.

В комнату вошла Илина, бледная и напуганная. Замерла на пороге, нервно теребя пальцами край платья.

– Здравствуй, – сказал я.

– Здравствуй, – ответила она, пряча глаза. – Тебя долго не было. Ты в порядке?

– Вроде того.

– Я ждала, когда ты вернешься. Но мне страшно.

– Ты боишься меня, верно?

Она вздрогнула.

– Боишься, – я попытался усмехнуться. – Можешь не скрывать своего страха. Все нормально. Ведь если бы на твоём месте оказался я, отношение было бы точно таким же.

– Ты оборотень?

– Не знаю.

Я вздохнул и сел на кровать.

– Лучше поступим так: я расскажу тебе все, что знаю, и ты решишь, что обо мне думать.

Сам я слишком запутался и не могу дать правильного ответа.

– Вчера, когда ты убежал, я не удержалась и последовала за тобой, – призналась она.

– Продолжай, – попросил я.

– Я потеряла тебя из виду. А потом слышала странные звуки и увидела, как ты вошел во двор дома. Дома, в котором жил... – она заплакала и не смогла дальше говорить.

– Ты вошла внутрь и увидела растерзанный труп. – Я продолжил за нее.

– Да. А потом слышала пронзительный вой, испугалась и убежала.

– У тебя еще есть сомнения? – Я повернул голову и попытался изобразить улыбку. Не вышло. – У меня провалы в памяти. Каждое утро я просыпаюсь в незнакомом месте и понятия не имею, как туда попал. И не знаю, что делал, пока был не в себе.

– Ты хочешь убить нас?

Я покачал головой.

– Нет. Я не желаю зла. Ни тебе, ни остальным жителям. И этой ночью я уйду из деревни. Раз уж моя болезнь так опасна, что мне нельзя находиться рядом с людьми.

Илина жалобно всхлипнула.

– Но есть кое-что. Это будет сложно понять, но я не убивал того мужчины. Когда я подошел, он уже был мертв. А на меня напал другой оборотень.

– Другой оборотень? – вскрикнула Илина. – Но разве такое возможно?

Я не знал, что добавить. Все, что можно, уже было сказано. У меня не было права успокаивать ее или приободрять. Я мог только предупредить. Повисла гнетущая тишина.

В этой тишине я услышал приглушенные голоса, доносившиеся с улицы. Рывком поднялся с кровати и подошел к окну. Через мутное стекло я разглядел колонну крестьян, движущихся по дороге, с высоко поднятыми факелами, острыми вилами, кривыми косами, заточенными палками и охотничьей сетью.

Все стало ясно.

– Нужно бежать – подумал я вслух.

Бежать. Позабыть обо всем. Обо всех. Я понимал, что крестьяне не поверят мне, сколько бы я ни клялся, что навсегда покину их, и уж тем более не поверят, что в деревне целых два оборотня. Они шли, чтобы просто убить меня. Раз и навсегда. Убьют и будут праздновать победу, пока другой оборотень не начнет свою кровавую жатву. Я должен был спасти хотя бы себя.

– Надо бежать, – твердо решил я. Опять же вслух.

– Бежать некуда, – тихо сказала Илина. – Они уже здесь.

Я вышел в коридор, и четыре ряда острых прутьев сомкнулись возле моего лица. Несколько крестьян с вилами не собирались отпускать опасного монстра. Меня вывели на улицу, где терпеливо ждал Римен и все остальные деревенские жители.

Меня поставили перед крыльцом, как приговоренного к расстрелу преступника. Разве что вместо автоматов или ружей, крестьяне держали в руках вилы, батога и косы. От угрожающего вида сельскохозяйственного инструмента мне стало плохо. Смерть обещала быть очень мучительной.

Крестьяне шептались, молились и ругались. Римен поднял факел над головой, и его лицо стало темным и мрачным. Разговоры прекратились.

– Как я и говорил, – сказал он. – Мое сердце чувало связь между тобой и нашими бедами. Сначала я решил, что ты избавишь нас от напасти, но, увы, ты и есть наше самое большое горе. И хотя виной всему тяжелая болезнь, мы не можем оставить тебя в живых. Жаль, что так получилось, ты понравился мне, чужеземец.

Крестьяне поддержали старосту сухими возгласами: «Смерть чудовищу! Казним оборотня. Поделом ему».

Итак, я глядел в лицо смерти. А она ухмылялась улыбкой дряхлого старика.

Я смотрел на крестьян, и мне казалось, что они ликовали. Скрыто, опасливо, но ликовали. Чудовище стояло перед ними, уязвимое и беспомощное. Они получили власть над моей жизнью и были несказанно этому рады. Вот только победа их была мнимой. Ни один из них не знал, что существует иная угроза, настоящая, что моя смерть лишь только усугубит ситуацию.

И мне стало их жаль. Запутавшихся глупцов, совершающих великую ошибку.

Странно, конечно, было, что я все равно беспокоился об их безопасности. Потому как о своей собственной безопасности мне пора было забыть...

«А может, это своеобразная форма сумасшествия? Когда ты, будучи здоровым и сильным, смиряешься со смертью?»

Я должен был что-нибудь придумать. Должен был сделать что-то, чтобы спасти себя. Вот только что?

Помощь пришла неожиданно-негаданно. Из двери трактира выбежала Илина и остановилась прямо передо мной, раскинув руки, словно желая заслонить меня от толпы.

– Не трогайте его! – громко попросила она. – Он не причинит нам вреда. Он уйдет далеко-далеко и никогда не вернется.

– О чем ты говоришь, дитя? – удивился Римен. – Мы отыскиали оборотня в облике человека и должны лишить его жизни до тех пор, пока он не превратился в чудовище и не поубивал всех нас.

– Есть другой оборотень, – неуверенно продолжила девушка. – Другой оборотень, который убивал людей. Максим видел его. Если мы ошибемся, деревню не спасти.

Среди крестьян раздались возмущенные возгласы. Поддерживать Илину никто не решился. Староста Римен воспринял ее слова скептически:

– Послушай, дитя. Почему ты решила, что есть второй оборотень?

Девушка повернула голову и посмотрела на меня. Я положил руку ей на плечо и вышел вперед, прямо под направленные на нас вилы.

– Это не ложь. Я видел его, другого оборотня. Он бросился на меня... Но убить не сумел.

– Ты лжешь! – перебил староста. – Оборотни не какие-нибудь дикие звери. Когда-то они были людьми, человеческая хитрость и изворотливость у них в крови. То, о чем ты говоришь, противоречит вашей природе. Оборотень не будет нападать на своего сородича. Мы не какие-нибудь глупцы. Мы понимаем, что ты хочешь дожить до полнолуния, чтобы обрести всю свою силу и уничтожить нас.

Он сделал небольшую паузу. Затем добавил:

– Илина, ты же сама рассказала о нем. Почему ты позволяешь одурачить себя?

Значит, все-таки она предала меня. Но я ее не винил. Меня больше интересовало, почему попыталась защитить меня после. Ведь я был крайне неубедителен в своих речах.

– Он не желает нам зла, – давила на человечность девушка. – Он уйдет из деревни. Далеко-далеко. Тогда он не сможет никому навредить.

Старик Римен покачал головой.

– Он вернется. Он вернется, когда превратится в зверя. Он запомнил наш запах, и он ему определенно понравился. Но при следующей встрече он уже не станет говорить. И мы не сможем остановить его...

Внезапно я услышал странный напряженный звон. Словно маленький, но очень дерзкий колокольчик поселился у меня в голове. Звон ускорялся, пока не превратился в пронзительный писк, повисший на высокой ноте. Я даже предположил, что один бойкий и расторопный крестьянин ударил меня вилами в спину. Но так умело, что не задел нервы и я не почувствовал боли. И то, что я слышал, было звуком приближающейся смерти...

Нет, все же умирать я не собирался. Наоборот, восприятие обострилось. Даже в тусклом свете факелов я неожиданно стал видеть четко и ясно. Каждое движение каждого человека из всей этой огромной толпы. Словно душа покинула тело и зависла над землей, успевая наблюдать за всеми одновременно, а время, казалось, замедлило ход.

Голова наполнилась приятной, успокаивающей прохладой, но на время я потерял контроль над собой. Тело просто перестало слушаться меня, перестало подчиняться. Но не упало, не рассыпалось, не исчезло. Оно словно начало жить собственной жизнью.

Мои руки резко оттолкнули Илину в сторону. Девушка упала на землю, уперлась руками и попыталась подняться, вперив в меня недоуменный взгляд. В это же мгновение огромная туша оборотня, лениво наблюдающего за развитием событий с крыши трактира, спрыгнула на землю.

Но на этот раз он был не настолько быстр, силен и страшен, как мне показалось в первую нашу встречу. Мною словно кто-то управлял, но я совсем не представлял кто. Не успел даже представить.

Я стал безвольной марионеткой, попавшей под контроль невидимого великана, и принялся выполнять команды кукловода. Ноги сами оттолкнулись от земли, я отпрыгнул в сторону, ускользая от когтистых лап. Оборотень промахнулся, его острые когти только со свистом разрезали воздух, он даже на мгновение потерял равновесие, но быстро собрался, развернулся и начал новую серию атак.

Кончик когтя пролетел в сантиметре от моего носа. Я инстинктивно дернулся, но этим движением только помешал кукловоду, спутал нити, и он допустил ошибку.

Мощным ударом лапы оборотень проломил мне грудь. Слабое человеческое тело не выдержало такой нагрузки. Ребра хрустнули, но почему-то боли не возникло. Может, я просто

потерял способность чувствовать. Луна, небеса и звезды закружились в безумном танце. Веки опустились, и я потерял сознание.

Глава четвертая

Но я снова проснулся.

Затем открыл глаза.

И вновь с удивлением отметил, что этого не должно было произойти. Никак. Моя жизнь должна была закончиться вчера, когда мощная лапа оборотня преодолела преграду хрупких человеческих ребер и нанесла внутренним органам повреждения, несовместимые с жизнью.

Но, вопреки всему разумному, я мыслил, дышал и мог двигаться самостоятельно. Правда, чувствовал я себя довольно паршиво, но плата за жизнь это была несущественная.

А быть может, я умер до того, как все это произошло? До того, как я попал в этот мир. Моя прошлая, «настоящая», жизнь закончилась, и началась новая, загробная жизнь, в которой я был обречен на вечную смерть. И бесконечное воскрешение. Это был мой, так сказать, персональный ад, где я постоянно перерождался. В одном бесконечном цикле.

Но если это ад, то почему тогда мне сейчас тепло, спокойно и уютно? Ведь меня должны мучить непрестанно, без сна и отдыха, во всяком случае, такие гарантии дают все религии. Нет, все проще: чтобы яснее прочувствовать отчаяние смерти, я должен познать радость жизни. Довольно ловкий трюк моих палачей.

Значит, кто-то расписал каждый мой день: когда должен был проснуться, какими делами заниматься, когда умереть. А на следующий день все должно было повториться.

«Проклятый замкнутый круг!»

Я скинул ноги с кровати и присел на край. С удивлением отметил, что в комнате есть кто-то еще. Илина сидела на стуле за изголовьем, повернувшись к окну. Дремала. Я почему-то не заметил ее ранее.

Возможно, почувствовав мой взгляд, она проснулась и открыла глаза.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, удивленно потирая веки.

– Хорошо, – отозвался я. – А что ты тут делаешь?

– Я смотрю за тобой. – Она зевнула и потянулась. – Проверяю, дышишь ли ты. А то староста Римен сказал, что ты не выживешь...

– А разве я должен был умереть? – спросил я, невольно смущаясь перед взглядом девушки. Она, открыв рот, тарасилась на мою грудь.

– Конечно, должен был, – воскликнула она, не отводя глаз. – Я так переживала. У тебя была ужасная рана на груди. Но теперь... ее нет!

Я опустил глаза. Грудь у меня не болела, но я понимал, на ощупь, на взгляд, что кожа там свежая, розоватая, очень мягкая, словно у ребенка. Мне было сложно поверить в это, но я прекрасно помнил удар оборотня, хруст костей, брызги крови, и был вынужден признать, что мой организм полностью восстановился всего за одну ночь. Регенерировал, словно по волшебству.

– После того как на меня прыгнул оборотень, – я перевел взгляд на Илину, – что произошло дальше?

– Ты не помнишь? – удивилась она.

– Нет. После того удара, – я погладил себя по груди, – сознание покинуло меня.

– Все произошло слишком быстро, – призналась Илина. – Когда я обернулась, вы уже дрались. Кружились с невероятной скоростью. Я не поняла, что случилось, но думаю, что оборотень сумел достать тебя. Ты отлетел, словно мешок с просом, перевернулся пару раз в воздухе и упал в кусты. Все решили, что ты мертв. Оборотень прыгнул к тебе, чтобы это проверить, но там уже был не ты...

– Оборотень? – предположил я. – Я превратился в оборотня?

– Нет, – покачала головой она, – это был не оборотень.

– Что значит не оборотень?

– Там было нечто другое...

– Что? – потребовал я.

– Я не знаю, – Илина нервно перебирала пальцами и пряталась от моего взгляда.

– Черт возьми! – неожиданно грубо выругался я, сорвавшись – Что там было?

– Не могу объяснить, – всхлипнула девушка. – Это было похоже... на демона...

– Она не знает, – ответил за нее появившийся на пороге старик Римен. – Ни она, ни я, никто из нашей деревни не даст объяснения тому, что видел вчера.

– Что вы видели, расскажите мне, – взмолился я, уже не понимая, злиться мне или рыдать навзрыд.

Староста вошел в комнату, бросил печальный взгляд на стул под Илиной, но все же не решился попросить ее уступить, слишком уж бледной и слабой она была. Потому тяжело вздохнул и забрался на сундук.

– Ты говорил правду, – начал старик Римен. – Не ты был нашей главной угрозой. Оборотнем оказался другой... человек.

Он деловито откашлялся.

– Я решил, что он растерзает тебя. Такая агрессивность. И вся была направлена на тебя, только на тебя, юноша. Оборотень явно имел личные счеты. Быть может, тебе уже доводилось сталкиваться с ним...

– Как я выжил? – Я не сдержался и перебил его рассказ.

– Ума не приложу, – признался он, понимая, что беспокоит меня больше всего. – От сильного удара ты отлетел в кусты. Оборотень прыгнул следом, но вдруг появился он.

– Он? – Я сгорал от нетерпения. Они словно намеренно топтались вокруг да около, не желая говорить правду. – О ком вы говорите?

– Демон. Создание тьмы, воплощение черноты самой глубокой ночи. Он вышел, держа оборотня за горло одной только левой рукой. Даже не рукой, а чем-то похожим на нее. Росла она там, где положено, но пальцы были такими длинными... Я как вспомню, – староста вытер проступивший на лбу пот, – так меня сразу в дрожь бросает...

– И глаза, – добавила Илина. – Горящие красным пламенем глаза. Такие, как...

Девушка не договорила. Она явно собиралась сказать: «Глаза, такие, как у тебя», – но почему-то не решилась закончить фразу. Но я ее понял.

– Оборотню удалось вырваться из лап демона, – продолжил после паузы Римен, – и он даже попытался напасть вновь, но силы были слишком не равны. В руке у создания тьмы засияло синим пламенем лезвие меча, которое немедленно пошло в ход.

Римен замолчал. Дал мне немного времени, чтобы переварить сказанное. Потому как я едва понимал его слова.

«Так я – демон».

В голове крутилась только эта фраза. Я пытался вникать в нее, переставлял слова и все равно не мог понять ее смысл. Я просто отказывался принять обжигающую правду. Но столько свидетелей видели его, не было смысла отрицать очевидное.

А может, этот демон и есть мой палач? Тот самый, который убивает меня вечером и воскрешает утром. Тот, который заставлял дьявольское колесо наказания крутиться.

«Но больше было похоже, что он пытался меня спасти».

В это предположение было еще сложнее поверить. Я с трудом сглотнул. В горле неприятно пересохло.

Тем временем Римен продолжал.

– Никто из нас не видел, как умер оборотень. Потеряв преимущество засады, он попытался убежать, демон погнался за ним. Вскоре мы услышали жалобный протяжный вой. Тело оборотня обнаружили только утром, на берегу реки вверх по течению. Демон не успокоился, пока не догнал и не убил его.

Илина, все еще напряженная и напуганная, быстро кивнула.

– Но не успели мы прийти в себя, как демон вернулся. Он остановился у крыльца трактира, пронзил меня взглядом красных глаз и заговорил. Он сказал, что деревне больше ничего не угрожает. Затем предупредил, чтобы мы не смели причинить вреда тебе, юноша, иначе поплатимся за это. Потом исчез, и мы увидели твое израненное тело в том месте, где он стоял. Я решил, что ты уже отдал богу душу, но когда мы занесли тело в дом, ты начал дышать.

Мысли мои спутались, и я выдал то, о чем, наверное, не стоило спрашивать.

– Вы уверены, что я был жив?

Старик Римен натянуто улыбнулся.

– А разве в этом можно сомневаться? Если бы ты был мертв, то разве смог бы со мной разговаривать?

– Не знаю, – пожал плечами я.

– То, чему мы стали свидетелями ночью, – подвел итог староста, – не видел никто и никогда. Даже я. А я, между прочим, очень многое повидал в странствиях, до того, как остановился в этой деревне. И у меня есть лишь предположение: ты – одержим демоном, как сказал бы церковник, твоим телом овладела нечистая сила, пришедшая из глубин ада.

– Но зачем?

– Демон, а быть может, это даже сам дьявол, явно хочет, чтобы ты что-то сделал. И мне лучше не знать что. Ради этого он сохраняет тебе жизнь.

– Ему надо обратиться к магам, – предложила Илина. – Они лечат любые болезни и помогут Максиму побороть одержимость.

– Нет, Илина, – возразил ей Римен. – К магам лучше не обращаться. Им бы только опыты ставить да над людьми измываться. Если им в руки попадет такая сила, кто знает, что тогда случится...

Да, я не ослышался. Они обсуждали именно магов. Тех, которых еще называют волшебниками или колдунами, тех, что любят творить заклинания и совершать чудеса. И упоминали о них не первый раз. Но разве я мог тогда допустить, что маги существуют в реальной жизни?

Но и выяснить о них поподробнее у старика Римена я тоже не успел.

– Может, пора принести нашему спасителю завтрак? – неожиданно попросил он.

Илина хлопнула себя ладонью по лбу.

– Совсем забыла! Сейчас, сейчас.

Она подпрыгнула и спешно покинула комнату.

Римен поднялся с сундука и занял освободившееся место.

– Но даже будучи демоном, ты все же спас нас от оборотня. Им оказался местный житель, которого мы приютили здесь прошлой весной. Выходец из другой деревни, пошел в город, мечтал стать ремесленником, но по дороге напали бандиты, отобрали все деньги и чуть не убили его самого. Ему стало стыдно возвращаться в свою деревню, и он попросил остаться у нас. Во всяком случае, таков был его рассказ. Не могу поверить. Он делал такие хорошие корзинки, действительно надежные и крепкие и каждый месяц, примерно в эту же пору, ходил в город, чтобы продать товар. Никто не мог даже предположить, что так он скрывал свою тайну. Но в этот злополучный месяц что-то нарушилось.

– Значит, интуиция вас не подвела, – скорбно заметил я. Я уже знал, чем кончится наша беседа.

– Ты прав, не подвела, – ответил он. Вздохнул. – Прости, но я не могу позволить тебе остаться здесь, юноша. Ты спас деревню, и мы обязаны отблагодарить тебя, но демон слишком опасен для всех нас. Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Понимаю...

Старик задумался, достал из кармана небольшой мешочек и положил на кровать рядом со мной.

– Вот, это тебе.

– Мне? – Я взял мешочек и взвесил в руке. По округлой форме предметов внутри него определил, что это деньги.

– Это плата за работу рыцарю или воину. Тому, кто должен был откликнуться на наш зов. Мы отправили посланника в город четыре дня назад, в надежде, что он успеет и позовет помощь. Но работу выполнил ты, и получаешь соответствующее вознаграждение.

– Спасибо.

– Еще у меня есть кое-что. Илина упомянула магов. Предложение дельное, но, по горькому опыту знаю, магам нельзя доверять. Хотя есть среди них один, который доверие заслужил. Он не настоящий колдун, скорее алхимик, по имени Шин. Жутко любопытный. Он всегда и везде совал свой нос. Однажды из-за его любопытства нас едва не сожгли на костре...

Старик невольно усмехнулся. И тяжело вздохнул. Годы давали о себе знать.

– Отправляйся в город Гинну. Разыщи Шина. Если он жив, то поможет тебе. И не рассказывай о демоне никому, кроме него, иначе навлечешь на себя много бед. – Он всего на мгновение замолчал, а потом добавил: – Ты быстро оправился от раны. Когда сможешь покинуть деревню?

Я немного подумал и решил:

– Сегодня.

Мне было некуда спешить и незачем медлить. Но все же деревню мне следовало покинуть как можно скорее. Я почувствовал себя бомбой с часовым механизмом, которая могла взорваться в любой момент и стереть с лица планеты все Суховодье.

Вернулась Илина. Кажется, ее настроение улучшилось. Она улыбалась, держа в руках большой поднос с настоящим пиром.

Римен, кряхтя, поднялся и, не желая мешать мне завтракать, пошел к двери. На пороге обернулся.

– Чуть не забыл, – сказал он. – Когда найдешь его, скажи, что тебя послал Римен. А если не поверит, добавь, что нет большего позора, чем он испытал в таверне «Усталый мул».

Вспомнив прошедшую молодость, старик хрипло хохотнул. Вышел из комнаты и неторопливо потопал по коридору, бормоча себе под нос:

– Да. Этого он никогда не забудет. Было время, было время...

А Илина тем временем откровенно пялилась на мой обнаженный торс. Я понял этот намек по-своему.

– Моя рубашка пришла в негодность, – сообщил я. – В деревне есть портной?

– Портных нет, – опомнилась она. – Но моя маменька сама шьет одежду. Я поищу тебе сменную рубашку.

Я принял поднос и положил себе на колени.

– Это будет замечательно.

Илина довольно кивнула и побежала выполнять просьбу.

Я, наконец, остался один. Погрузив зубы в пышную сдобную булку, я ненадолго остановился.

«Я – чудовище».

Разум сделал выводы. Наконец признал, что я чудовище. Но почему-то мне стало от этого чуточку спокойнее.

«Быть может, потому, что я нашел свой первый ответ?»

Провожали меня без почестей. Старосте пришлось признать, что мое появление спасло деревню от верной гибели, но этот подвиг обращался в ничто перед фактом, что я – демон. Или одержимый демоном, что, по сути, не имело существенного отличия.

Местные меня избегали. Когда я проходил по улице, в домах закрывались ставни, а заботливые мамы поспешно загоняли в дом своих любопытных детишек, выбегающих на улицу, чтобы посмотреть на странного чужеземца, из-за которого их папаши прячутся под лавки и неперестанно молятся. Идти по одной дороге со мной рисковали немногие. Я сам видел, как один крестьянин дал деру, едва вывернув из-за дома и заметив меня. Лишь только староста деревни старик Римен отважился подойти ко мне близко. Он и Илина.

Илина была единственной, кто продолжил относиться ко мне тепло. Она, должно быть, влюбилась в меня, словно кошка, или по какой-то детской наивности не верила, что демон, вселившийся в меня, злой и страшный, а считала, что он, как и я, такой же добрый и скромный.

Поэтому провожали меня только они двое.

Староста с ходу протянул мне продолговатый сверток.

– Возьми, – сказал он, – он достался мне за бесценнок. Тот, кто мне продал его, сказал, что это меч. Но я бы назвал его неудобным ножом.

В свертке оказалось оружие. Довольно странное оружие. Лезвие было выковано вполне добротно, но на фоне длинной рукояти казалось неестественно коротким. Ножик напрочь был лишен баланса, но в некоторых ситуациях мог быть полезен, например, для боя в ограниченном пространстве – рукоять можно было использовать для тычков.

– Думаю, – откашлялся старик Римен, – тебе придется его использовать. А теперь прощай, юноша со странным именем Максим.

Он еще раз откашлялся и пошел назад, к деревне, где вокруг домов столпились местные жители, с восторгом и опаской глядя на тех, кто говорил со мной.

– Вот, возьми, – Илина протянула мне небольшую тряпочку, в которую было что-то завернуто. Я развернул ее и с удивлением обнаружил свои солнцезащитные очки.

– Но я подарил их тебе.

– Я не могу принять эту вещь, – потупила взгляд девушка. – Она превращает день в ночь. Это пугает меня...

Я выполнил ее просьбу, забрал назад страшные очки и убрал их в кожаную сумку через плечо, которую до этого вручил мне хозяин трактира, предварительно набив чем-то съестным.

Илина поклонилась на прощание, а я сначала подумал обнять ее, но не решился, ведь так я мог ее только напугать. Поклонился в ответ и потопал по дороге туда, где, как мне рассказали, находился город Гинна.

Глава пятая

Я шел по дороге навстречу неизвестности. Я не знал, что ждет меня в Гинне, не представлял, как выглядит этот город, но путешествие сулило хоть какие-то перемены, и я не мог от него отказаться. Если имелась хоть малейшая возможность найти ответы на мои вопросы, я не должен был ее упускать.

Потому я шел вперед. Шел по дороге, петляющей среди лугов, по которым гуляет бродяга ветер, огибающей перелески и иногда углубляющейся в лес, светлый и тихий. Я чувствовал себя значительно лучше. Ведь на меня больше не таращились перепуганные до полусмерти крестьяне, не молились при моем приближении и не плевали сердито, сквозь зубы, считая, что я их не вижу.

Их можно было понять, ведь столкнулись они с чем-то сверхъестественным, а во времена глубокого Средневековья разум еще не был искушен голливудскими ужастиками и романами о семейных ценностях вампиров. Конечно, этот мир тоже был полон загадок и тайн, ведь я собственными глазами увидел живого оборотня, да и по разговору старосты с Илиной понял, что маги здесь не вымысел, а реальность... Должно быть, именно поэтому они довольно быстро поверили в то, что в деревне появился демон, а я наоборот – долго терзал себя бессмысленными надеждами.

Примерно часа через три я остановился на развилке, где должен был свернуть на тракт, ведущий напрямик в Гинну. Солнце немного разморило меня, я даже начал изредка зевать, широко и небрежно, благо некому было обвинить меня в некультурности.

Тракт был подозрительно пустынен. Староста Римен предупреждал меня, что это довольно оживленная дорога, но увидев все собственными глазами, я начал сомневаться в его словах. Маловероятно, что старик обманул меня, скорее «оживленность» в отношении дороги в моем и его понимании подразумевала совершенно разную плотность движения.

Хотя трактовая дорога действительно была существенно шире тропы, ведущей в деревню Суховодье. На ней я увидел отчетливые следы копыт, колею от колес телеги и многочисленные отпечатки тяжелых кованых сапог.

Энергия бурлила внутри меня, сила переполняла, я не чувствовал ни усталости, ни напряжения, поэтому решил не останавливаться и продолжить путь. Повернул налево и двинулся дальше.

Внезапно чуть впереди, со стороны леса мелькнул силуэт человека, стремительно пролетевший между деревьев. Я едва его заметил, но отчего-то точно знал, что это был не лесной зверь и не тень качнувшейся на ветру верхушки сосны, а именно человек.

Но я бы просто прошел дальше, не уделяя размытому силуэту внимания, если бы не странный крик, раздавшийся несколько секунд спустя.

– Ку-ка-ре-ку!

И это был определенно не петух. Кто-то симитировал крик птицы, причем крайне паршиво, но не в изяществе и красоте был его смысл. Крик служил каким-то сигналом.

Почти сразу я услышал тяжелое пыхтение за спиной и обернулся. Ко мне на всех парах бежал Тит, громко топая и запинаясь о неровности дороги.

– А ну стой! – громко прокричал он, едва переводя дыхание – Кому говорю, стой.

При этом я не двигался с места.

Тита я не видел с момента нашей драки. Его не было в толпе крестьян, решивших казнить меня, также он не явился на мое позорное изгнание. Как будто от стыда он сбежал из деревни и подался в разбойники. Хотя маловероятно, что он стал бы подчиняться кому-то. Вероятнее было, что он сам возглавил банду. Или возглавлял долгое время.

В любом случае, этот человек сделался для меня хуже занозы. Нужно было скорее решить все разногласия, чтобы больше не видеть его неприятной физиономии.

Но на скорейшее решение можно было и не надеяться. Его сопровождала целая дюжина агрессивно настроенных личностей ярко выраженной преступной наружности. Они довольно быстро и слаженно окружили дорогу, отрезая мне все пути к отступлению. Действовали слишком профессионально. Было ясно, что я стал не первым их «клиентом». Вместе с Титом я насчитал тринадцать разбойников. Цифра крайне неприятная даже для того, кто не слишком суверен.

Вооружены разбойники были чем попало. Короткие мечи, кинжалы, две рапиры, несколько топоров и дубина с острыми шипами. Целый арсенал не самого эффективного, но весьма угрожающего оружия.

Немного отдышавшись, Тит начал душевное приветствие. Было удивительно, что он не узнал меня сразу, только рассмотрев вблизи. Будто страдал близорукостью.

– Ба! Какая встреча, – несказанно обрадовался он. – Не стоило тебе выползать из-под крылышка моего дорогого папаша. Куда бы ты ни шел, в этом месте твое путешествие заканчивается. Хотя ты и мастак улепетывать от моих кулаков, но против всех нас тебе не выстоять.

Уперев руки в бока, Тит громко рассмеялся. Подельники поддержали его грубым и презрительным хохотом. Я отлично понимал, что решение вступить с ними в бой может стать последней глупостью в моей жизни, но рука сама потянулась за ножом, коротким и малоэффективным, спрятанным за ремнем на поясе и прикрытым длинным краем рубахи.

И сама же остановилась. У меня были шансы на победу, серьезные шансы. Даже без оружия. Я значительно превосходил противников в скорости и силе, но неожиданная мысль заставила меня серьезно призадуматься.

«А вдруг проснется демон?»

Каждый раз он овладевал моим разумом в минуты опасности. Когда я не успевал защититься или был смертельно ранен. Вдруг по нелепой случайности меня ранит кто-то из разбойников и демон вновь возьмет верх. Может, он просто побьет всех врагов, а затем мирно уснет.

«А что, если нет? Вдруг он не захочет уходить? Вдруг возьмет полный контроль над моим телом раз и навсегда?»

И я не на шутку испугался именно этого. Все же позорная капитуляция была куда лучше, чем победное забвение.

– Тит, – спокойно позвал я.

– Что? – демонстративно удивился он. – Ты снизошел до разговора со мной? Я-то уже решил, что ты так и издохнешь, не проронив ни слова, словно собака паршивая. Ну, хочешь умолять, я слушаю. А если хорошо постараться, то я, может быть, сохраню тебе жизнь.

– Я предлагаю тебе сделку, – проигнорировав оскорбления, продолжил я. – Мне оплатили убийство оборотня, так что у меня есть деньги. Я отдам их тебе, если мы мирно разойдемся.

– Ха-ха, – засмеялся Тит, но уже без поддержки своих подельников. Кажется, они услышали словосочетание «убийство оборотня» и задумались над своими возможностями, но на сына старосты Римена эти слова не подействовали.

– Что, страшно стало? – усмехался он. – Теперь ты не такой смелый. Откупиться хочешь? Думаешь, я сжалюсь и отпущу тебя? Нет, не дожدهшься! Я буду мстить, и месть моя будет ужасна!

Все стало ясно как день. Бесполезно было даже начинать разговор. Тит жаждал мести. А заручившись поддержкой каких-то придорожных грабителей, увидел отличную возможность поквитаться с обидчиком, совершенно не предполагая, что эта стычка может закончиться не только ссадинами и зуботычинами.

Поэтому я подумал о побеге. Быстро нашел несколько уязвимостей в окружении. Я находился в прекрасной физической форме и если бы бросился бежать – разбойникам точно не удалось бы меня догнать. Оставалось только решиться и начать действовать.

Я непроизвольно задержал дыхание и принялся отсчитывать секунды в ожидании подходящего момента. Боковым зрением отметил, что худой разбойник с крючковатым носом, стоящий за моей спиной, немного отвлекся.

– Бандиты! – как гром среди ясного неба прозвенел писклявый девичий голосок. Только звучал он как-то искаженно, словно девица говорила с ведром на голове. – Как вы посмели напасть на мирного путешественника! Я, Лилия Руденберг, не позволю сегодня свершиться преступлению. Я накажу вас! Сдавайтесь немедленно! Сложите оружие прямо сейчас, и тогда, быть может, я проявлю милосердие!

Мне едва хватило сил сдержаться и не разразиться безумным смехом после таких слов. Кажется, я все же громко фыркнул, благо придорожные разбойники, ошеломленные появлением сумасшедшей девицы, этого не заметили. Окружение дрогнуло, пара человек даже повернулись, и мне тоже удалось взглянуть на внезапно нагрянувшую спасительницу.

«Карликовый рыцарь!»

Я не поверил своим собственным глазам. Да у меня в буквальном и переносном смысле отвисла челюсть от удивления. Впрочем, так же, как и у столпившихся на дороге разбойников.

Грозная Лилия Руденберг в сияющих на солнце, отливающих серебром доспехах, больше напоминала красивую детскую игрушку, нежели сурового воина. Правой рукой в кольчужной перчатке из белых чешуек она медленно вытянула из ножен изящную рапиру, а левой стянула со спины небольшой треугольный щит, с изображением льва, нависшего зубастой пастью над распутившейся розой. Жаль, что забрало шлема было опущено и я не видел лица безрассудной спасительницы, уж слишком любопытно мне было знать его выражение в этот момент, потому что мне казалось, что оно должно быть безумно.

Моментально я смоделировал два возможных варианта развития событий. Либо моя спасительница мастерски владеет рапирой, в чем я сильно сомневался, и с легкостью сразит всех врагов, либо придорожные разбойники сегодня же узнают, что такое «завтрак туриста». Они без особого труда расковыряют ее блестящие доспехи, воспользовавшись численным преимуществом.

– Я повторяю! – упорствовала неразумная девица. – Немедленно сложите оружие! Я, Лилия Руденберг, рыцарь-командор ордена Львиной розы, не могу пройти мимо, когда совершается преступление. И советую вам не испытывать моего терпения.

Тит первым пришел в себя и расхохотался, будто ненормальный.

– И ты... смеешь нам угрожать, – не в силах унять смех, фыркал и плевался он. – Иди своей дорогой... выскочка. Ты достаточно повеселила меня, поэтому заслуживаешь пощады. У нас уже достаточно добычи. – Он удовлетворенно покосился в мою сторону.

– Отпустите его по-хорошему! – Сумасшедшая спасительница не прислушивалась ни к советам неожиданно подобревшего Тита, ни к гласу собственного разума. – Иначе вы испытаете на себе всю мою ярость!

Тринадцать вооруженных бандитов смотрели на карликового рыцаря и больше не сдерживали смех. Они прекрасно знали, что сумасбродная девочка им не соперник. Лилия Руденберг наверняка была безумна, раз бросила вызов чертовой дюжине разбойников. А я, видимо, тоже, раз не смог бросить ее, дурную, в беде.

Мне пришлось драться. Пришлось рискнуть. Пусть не за свою жизнь, а за чужую, но иначе я просто не мог поступить.

Широкими, похожими на прыжки шагами, немного пригнувшись, я проскользнул между двух зазевавшихся разбойников и остановился возле спасительницы, развернулся и вынул нож.

И пока они соображали, как мне это удалось, я успел сказать Лилии Руденберг пару слов благодарности.

– Ты что творишь, дуреха? – прошипел через плечо я, стоя к ней спиной. – Жить надоело? Прежде чем нападать, попробуй сначала пересчитать врагов. Убирайся отсюда поскорее. Я задержу их.

Все эмоции остались за забралом. Но она удивилась. Я заметил, как дрогнуло и опустилось лезвие меча. Может, она одумалась?

Больше я не оборачивался. Стремительно побежал вперед, попытавшись отвлечь внимание на себя и выиграть немного времени для Лилии.

Голова внезапно прояснилась. Я что-то почувствовал. Какое-то новое необычное ощущение. В воздухе, на дороге и даже на телах бандитов словно появились невидимые для всех, кроме меня, обозначения. Прорисовались траектории нападения, углы для атак и линии отступлений. Даже все уязвимые места разбойников. Своеобразное просветление. Каждый шаг, поворот, финт и уловка – я знал, где, как и что применить. Исход боя был предрешен еще до того, как лезвие моего неудобного оружия коснулось первого врага.

Словно вихрь, я промчался между разбойниками. Я колол, уклонялся, подрезал и тут же менял цель атаки. Все вокруг кружилось, металось, тонкие лезвия рапир свистели возле ушей, острые шипы дубины пролетали над макушкой, но я был абсолютно уверен, что они не заденут меня. Я словно позабыл, что человеческое тело имеет ограничение в гибкости и скорости, вышел за пределы возможностей, действовал холодно и расчетливо, выводя из боя одного противника за другим.

Скомпенсировав потерю равновесия при уклонении движением бедер, я прошел мимо ближайшего разбойника, не успевшего взмахнуть кинжалом, и ударил его вскользь по руке, распоров кожу от локтя до плеча. Резко ушел вниз, уклоняясь от атаки со стороны, и перекатился вперед, на выходе зацепив открытую голень еще одного разбойника, худого и неловкого. Выпрямился и развернулся, поскольку атаки на меня временно прекратились.

Поскуливающий и безуспешно пытающийся остановить кровотечение из раненой руки разбойник послужил хорошим заграждением. А также наглядным примером для тех, кто уже подумывал о бегстве. Небольшая передышка позволила всем немного оглядеться. Разбойники были практически сокрушены. За несколько секунд, пока я прорывался через их ряды, в основном стараясь просто привлечь внимание и при этом не схлопотать ножом в бок, мне удалось ранить четверых. Не сильно, но сражаться больше они не могли, лишь только стонали и корчились в пыли дороги.

Это удивило не только меня. Остолбневшими и ошарашенными стояли еще трое разбойников. Они не могли поверить, что все случилось настолько быстро, просто стояли разинув рты и смотрели на меня.

А я, в свою очередь, так же ошалело смотрел на них.

Затем раздался крик. Короткий, но пронзительный вопль человека, получившего смертельное ранение. Разбойники обернулись. Я тоже направил свой взгляд туда, где все еще шел бой. Сражалась... недавняя консервная банка. Эта безумная Лилия Руденберг не послушалась моего совета и не сбежала, когда я практически пожертвовал собой, чтобы дать ей этот шанс. Она вступила в неравную схватку сразу с тремя разбойниками...

...И, кажется, побеждала их.

Я пригляделся и заметил тело мужчины, лежащее в траве возле дороги. Это, без сомнения, был разбойник, которого убила агрессивная и безрассудная Лилия Руденберг. А потом она смертельно ранила второго.

Третий ее противник неуверенно попятился назад. Топор в его руке напряженно задрожал. Но я заметил это только боковым зрением. Мое внимание было сосредоточено на раненом Лилией разбойнике. Он медленно опустился на колени, схватившись за грудь, пробитую

тонким лезвием изящной рапиры. Лезвием, которое пронзило насквозь легкое, и оно теперь постепенно заполнялось густой и темной кровью. Через пару минут мужчина должен был умереть, захлебнувшись собственной кровью.

Я видел это. Я знал это.

И это поразило меня до глубины души.

Сам я не убивал бандитов, наносил лишь незначительные, но очень болезненные порезы, чтобы поскорее вывести их из сражения. Просто не хотел никого лишать жизни. Я не понимал что меня сдерживало, наверное, банальный пацифизм. И меня шокировало то, что Лилия Руденберг убила человека.

Тогда я растерялся. Я начал сражение с твердостью и решительностью, но вдруг, увидев первую жертву, оцепенел, потерял концентрацию. Это едва не стоило мне жизни.

Разбойник, совершенно не подкрадываясь, переступил через раненого товарища и, не встретив никакого сопротивления, воткнул мне меч в ключицу. Может, он не надеялся на успех, потому как удар это был неприцельным, небрежным. Разбойник сам не на шутку испугался и оцепенел, когда ему удалось ранить меня.

Резкая боль опустила меня с небес на землю. Причем так внезапно, что мой разум на мгновение помутился. Показалось, что я снова стал марионеткой в руках невидимого великана. И немедленно отреагировал. Но вместо того, чтобы резко отпрыгнуть в сторону, или попятиться назад, я шагнул вперед. Провернулся волчком, соскакивая с кончика лезвия, и почти случайным, но уверенным движением распорол разбойнику горло.

Мужчина вцепился в шею руками, но кровь уже хлестала из открывшейся раны, попадая мне на лицо, на одежду, осыпая все вокруг красным градом. Он захрипел, поник, опустился на колени, теряя сознание от боли, затем закатил глаза и рухнул на землю.

Разбойники, наконец, признали поражение. Они побросали оружие и бросились в лес, оставив раненых и умирающих лежать на дороге. Странно, но среди них не было Тита, так же как и не было его в числе убегающих. Вероятно, зачинщик покинул поле битвы еще в самом начале, когда я только решил сражаться. Все-таки он оказался не настолько глуп, как о нем отзывались окружающие.

– Мы победили... – с металлическим эхом выдохнула Лилия Руденберг, опуская щит и рапиру.

Я не ответил. Развернулся и двинулся дальше по дороге.

– Эй! – крикнула она, но в ее голосе уже звучало меньше металла. Видимо, Лилия Руденберг подняла забрало шлема. – Ты куда это собрался!

Я проигнорировал ее слова. Сделал шаг и словно провалился в прорубь с ледяной водой – настолько глубоко было потрясение. Меня охватила паника и лютый холод. Руки затряслись, а сердце застучало так сильно, что пульсация в ушах перекрыла все остальные звуки.

В голове крутилась только одна мысль.

«Я убил человека!»

Верно. Только что, своими собственными руками я убил человека. Вспорол горло и забрал жизнь, оставив ему несколько ужасных секунд агонии, прежде чем душа навсегда покинет тело. Я стал убийцей...

«А разве оборотень умер своей смертью?»

Нет, неправда. Я всего лишь участвовал в убийстве оборотня. Именно участвовал. Убивал чудовище не я, а ужасный демон, обитающий внутри меня. Другое чудовище...

Мне так и не стало известно, какой была смерть оборотня. Я также не видел тела после убийства. Меня словно вообще там не было. Единственное, что я знал, что оно было совершено моими руками. Демон убил оборотня, но не я. Демон, обитающий внутри меня.

«Это все отговорки!»

В памяти проник образ бандита с распоротым горлом. Я испугался, что обернусь и увижу, что он лежит на дороге. Мертвый. Подступала тошнота.

Я просто не мог поверить, что это оказалось настолько тяжело...

Закружилась голова.

Случайно я коснулся рукой лица, смазав чужую кровь. Очередной безжалостный факт, подтверждение того, что я стал убийцей.

«А что, если все было сделано правильно?»

Угрызения совести внезапно отступили. Я как будто отстранился от собственного разума, нашел способ взглянуть на свои действия со стороны. Это была самозащита. Если бы я остановился и не убил его, то скорее всего погиб сам. Ведь он даже ранил меня.

Я коснулся плеча. Просунул палец в дырку в рубашке и осторожно ощупал кожу. Больно не было. Сильно надавил в том месте, где должны быть повреждения, но ничего не почувствовал. Кровь была свежая, еще даже не свернувшаяся, но раны не было.

«Неужели зажила?»

– Эй! Ты меня вообще слышишь? – До моего разума, наконец, достучалась Лилия Руденберг. – Ты что, глухой?

Я остановился и обернулся. Эта консервная банка почему-то преследовала меня. Мы уже довольно далеко ушли от места сражения, но безрассудная спасительница упорно шла за мной. Она по какой-то необъяснимой причине просто отказалась отпускать меня.

– Услышал! – радостно закричала она и выбежала вперед, преграждая мне дорогу.

Я проследил за ней взглядом.

– Так... Что я хотела сказать. – Она остановилась передо мной и принялась стучать пальчиком, закованным в кольчужную перчатку, по латному шлему. Казалось, она забыла, зачем шла за мной все это время. – А-а-а! Дуреха! Как ты осмелился назвать меня дуреха! Вообще, что это значит, дуреха? Я, между прочим, жизнь тебе спасла, неблагодарный ты бродяга!

– Тише, тише, – попытался успокоить ее я. – Это все, что ты хотела сказать?

Конечно же, это было не все.

– Я – графиня Лилия Руденберг, младшая дочь графа Августина Руденберга, правителя славного города Короны и всех его окрестных земель, одного из четырнадцати великих лордов этого королевства, преданных и послушных слуг короля Франция. Я – рыцарь-командор ордена Львиной розы. А ты меня «дуреха»! – Ее голос сорвался на визг.

Глядя на то, как она сжимает кулаки и пыхтит в душном шлеме, я понял, что зря справедливо охарактеризовал представителя высшего сословия. Ведь в Средние века, как, впрочем, и в любые другие эпохи, они такого отношения не терпели.

Но заваренную кашу нужно было расхлебывать.

– Прошу прощения, великодушная госпожа, – вежливо поклонился я, полагая, что смена манеры разговора будет уместна. – Я никоим образом не пытался нагрубить вам или оскорбить. Слова обидные слетели с моих уст от страха, меня сильно напугали напавшие разбойники...

И, как ни странно, мои слова подействовали. Графиня Лилия Руденберг сменила гнев на милость.

– Хорошо, – ее голос смягчился. – Я все поняла.

Я быстро смекнул, что ей было от меня нужно. И задумал маленькую месть.

– Я безмерно благодарен вам за помощь, – не унимался я. – Кто знает, что сделали бы эти бандиты, если б не вы. Как мне вас отблагодарить?

– Что вы, не стоит благодарности. Я была рада помочь вам, – явно загорелось за забралом ее лицо. – Это долг каждого рыцаря.

– Но не каждый рыцарь честен перед своим долгом. Не всякому хватит смелости бросить вызов превосходящему по числу врагу ради спасения незнакомца!

Изливаться в лестных высказываниях я мог часами. А она едва ли не мурлыкала от наслаждения. И мне показалось, что, если я скажу еще хотя бы слово, Лилия Руденберг запросто лопнет от удовольствия, не поможет даже прочный доспех. Потому я замолчал, но глаз не поднял.

– Простите, – откашлялась она, приходя в себя. – А вы держите путь из деревни Суховодье?

– Да, – кивнул я, прекращая игру, – сегодня утром отправился в дорогу.

– По пути сюда я встретила одного человека. Он был напуган. Он сказал, что на его деревню напал оборотень. Долг рыцаря велит мне помочь крестьянам. Вы там были, объясните, что произошло? Оборотень напал на жителей, это правда?

– Да, – признался я, – угроза чудовища имела место.

– Люди в опасности! Тогда мне нельзя задерживаться. Я обязана спасти попавших в беду крестьян! – Она вспылала геройствами и подвигами, звякнула латными сапожками и уверенно развернулась.

Я остановил ее.

– В этом нет необходимости. Угроза миновала. Оборотень убит.

Лилия ненадолго растерялась.

– А кто же тот доблестный рыцарь, который сделал это?

– Не было рыцаря, – ответил я. – Если позволите, я продолжу путь.

Я повторно откланялся и попытался обойти прилипчивую спасительницу.

– Постойте! – Дворянка вновь преградила мне дорогу. – Кто убил оборотня?

– Если я отвечу, вы позволите мне пройти? – предложил сделку я.

– Конечно! Разве я могу вас задерживать?

– Оборотень пал от моих рук... – выдохнул я и двинулся дальше. Мимо мгновенно остолбеневшей Лилии.

Только уйти мне далеко не удалось. Она опомнилась и сразу же побежала меня догонять. Вскоре мне пришлось признать, что так просто она от меня не отстанет.

– А куда вы держите путь? – проиграла необъявленную игру в молчанку Лилия.

– В Гинну, – отозвался я.

– Ох! Так нам по пути, – обрадовалась она. – Оборотень сражен, значит, я могу продолжить свой путь, могу дальше нести добро и справедливость. А в Гинне обязательно найдется пара-тройка злодеев, которых нужно победить.

Я остановился, вздохнул и обернулся. Ее наивность не имела границ.

– Ты так просто поверила мне?

Она остановилась. Лицо все еще пряталось за широкими прутьями забрала, но я чувствовал, как она изучает меня пристальным взглядом.

Наконец, Лилия кивнула. Она верила мне. И почему-то не обратила внимания на то, что я снова обратился к ней «ты».

– А если я говорю неправду? – настоял я. – Что, если я трусливо убежал из деревни, когда оборотень начал убивать?

– Это не так, – покачала головой она.

– Но почему ты так уверена в этом?

– Определила по голосу. Если бы ты лгал, то бы хвастался, но ты не хвастался, а стыдился того, что сделал.

Наступила моя очередь растеряться. Я не ожидал услышать что-то подобное от этой сумасбродной девицы. Видимо, она была не такой уж наивной и дурной, какой мне показалась сначала.

Тем временем Лилия расслабила тонкий ремешок под подбородком, расстегнула пару пряжек и стянула с головы шлем. На свободу высыпались слипшиеся, намокшие, но не потерявшие красоты волосы цвета солнца. Такие же яркие, слепящие, золотистые.

– В шлеме так жарко, – вздохнула она, стерев со лба капли пота. Лицо у нее было молодое, даже детское и очень милое, а глаза... Таких насыщенно-синих глаз я не видел ни у кого. Она прицепила шлем на пояс и присмотрелась к моему плечу.

– Ой, тебя же ранили, – встревожилась она, подошла ближе. – Нужно промыть и перевязать рану.

– Нет нужды, – отстранился я. – Это всего лишь царапина. Все в порядке.

В доказательство я продемонстрировал полную подвижность левого плеча.

– Не понимаю, как ты позволил себя ранить каким-то жалким разбойникам, – заметила она. – Воин, победивший оборотня. Это же такой позор.

Я с обидой посмотрел на нее, хотел даже огрызнуться, но не стал. Ее замечание было вполне уместно. Я сам позволил себя ранить. Потому недовольно фыркнул и пошел дальше.

– Я иду с тобой, – не отставала Лилия Руденберг, благородная дворянская липучка.

– Зачем? – бросил я.

– Ну, – задумалась она. – Во-первых, нам обоим надо в Гинну. А во-вторых, если ты занимаешься совершением подвигов, – значит, нам точно по пути. Да и мало ли, вдруг снова нападут разбойники...

– Делай, что хочешь, – бросил я, слегка устав от нее. – Но предупреждаю сразу, знакомство со мной не принесет тебе ничего хорошего.

– А я только этого и жду! – радостно заявила она.

– Но только с одним условием, – предупредил я.

– Каким это условием?

– Если вдруг, при любых обстоятельствах, произойдет что-нибудь необычное и опасное, ты не будешь изображать героя и убежишь. Не имеет значения, что произойдет. Ты просто убежишь, если увидишь что-нибудь странное. Договорились?

– Хорошо. Если ты настаиваешь. – Она задумалась. – А что такого опасного может произойти?

– Надеюсь, ничего, – выдохнул я. – Идем.

Глава шестая

«Интересно, сколько весят рыцарские доспехи?»

Этот вопрос я задавал себе каждый раз, когда оборачивался и видел шатающуюся от усталости Лилию. Близился к завершению четвертый час нашей негласной гонки. Шел я налегке и совсем не стеснялся в скорости, не проявляя уважения к благородной дворянке. Она некоторое время держалась уверенно и бодро, но тяжелые рыцарские доспехи – это не дамская сумочка; чужая память подсказывала мне, что ее вооружение весило примерно двенадцать-четырнадцать килограммов, может, чуть меньше, слишком уж качественными и изящными выглядели ее доспехи, явно изготовленные способным мастером и на заказ. А рапира, щит, да еще сумочка с припасами, и это все на хрупкие плечи молодой девушки... К тому же лучи летнего солнца ненавязчиво делали свое жаркое дело. Я все гадал, сколько она продержится?

«А сколько она прошла до нашей встречи?»

Все же я был к ней слишком и неоправданно жесток.

– Привал, – скомандовал я.

Услышав заветное слово, Лилия повалилась в высокую траву и некоторое время лежала, не шевелясь. Затем с трудом перебралась в тень под раскидистым вязом и уселась под деревом. Устало зевнула.

Место для привала попало хорошее. Тихое, спокойное, прохладное. Невдалеке тонкой синей линией пробегал лесной ручей, можно было не беспокоиться о пресной воде. Оказалось, что мы были не первыми, кому приглянулась эта полянка, я обнаружил следы бивачного костра, здесь часто останавливались люди.

По рекомендации моей новой спутницы мы сошли с тракта. Так, она сказала, идти меньше и спокойнее. А поскольку особых предпочтений в выборе пути у меня не имелось, главное было добраться в Гинну, я позволил Лилии выполнять роль провожатой.

Но что-то мне подсказывало, что с этой обязанностью она не справится.

Лилия стянула кольчужную перчатку и бросила в траву. Потом вторую. Отцепила наплечники, нарукавники, нагрудник, оставив только плотную белую рубаху, и разбросала все вокруг себя. Я отвлекся всего на мгновение, отошел к ручью, а когда вернулся, она уже дремала. Все же рыцарь-командор действительно выбилась из сил.

Поглядев немного на ее умиленное спящее личико, я ненароком зевнул. А зевнув, решил, что ничего страшного не случится, если я позволю себе вздремнуть. Улегшись на траву, я сунул под голову сумку с припасами и прислушался к звукам природы.

Глаза закрывались сами собой, волны дремоты мерно накатывались, унося разум в пучину сновидений. Было так хорошо, спокойно, приятно. Я почти уснул, но внезапная острая боль пронзила мозг, словно острыми иглами, разорвав на клочки полудрему. Боль была настолько сильная, что меня просто парализовало: дыхание остановилось, а сердце перестало биться.

Жуткие спазмы сводили с ума, но все же рассудок упорно отказывался теряться в водовороте агонии. Хотелось кричать от боли, но я не мог открыть рта, не говоря о том, чтобы издать хоть какой-нибудь звук. Казалось, давление внутри черепа поднималось все выше и выше, грозя взорвать мою несчастную голову, а невидимые тиски все сильнее и сильнее сжимали ее снаружи.

Я попытался подняться, но сумел только перекатиться на бок, а затем и на живот. Вестибулярный аппарат отключился, я просто не понимал, где верх, а где низ. Накатывала приступами тошнота, но пищевод и горло парализовало, они отказывались вывести рвоту. Разум метался внутри головы, словно обезумевшая птица в железной клетке. Я вцепился в волосы, попытался удержать голову, угрожающе гудящую и тикающую, словно взрывной механизм.

Вновь попытался побежать, пойти или хотя бы поползти, не понимая, сумел ли подняться или продолжаю лежать на земле.

Боль прекратилась внезапно, так же, как и началась. Я стоял на коленях, обхватив воткнутую в землю голову руками. Дышал очень тяжело. Глаза все еще лезли из орбит, а в висках раздавалась барабанная дробь надрывающегося сердца.

Но стало значительно легче. Обессиленный, я свалился на бок и перевернулся на спину, раскинув руки в разные стороны.

«Проведение запроса. Речь различима?» – неожиданно прошелестел чей-то голос.

Я вздрогнул. Повел затуманенным взглядом из стороны в сторону. Рядом никого не было.

«Повтор запроса. Речь различима?»

Я зажмурился, снова открыл глаза, но увидел только безоблачное небо и зеленые, колышущиеся на слабом ветру верхушки деревьев.

«Реакция неадекватная, но присутствует», – безразлично продолжил голос.

Мне показалось, что я сошел с ума. Никого не было рядом, но я слышал голос, да еще так четко и ясно, словно он звучал прямо в моей голове.

«Сигнал поступает напрямую к слуховому нерву, – словно прочитав мои мысли, произнес невидимый, но явно шибко умный обладатель голоса. – Обнаружить источник сигнала зрительно не представляется возможным».

Но я не поверил ему и с ослиным упрямством продолжил поиски. Хотя до меня уже начало доходить, что искать кого-то, глядя в небо, занятие неблагодарное, а поднять голову, чтобы нормально осмотреться, я просто не мог.

«Попытка наладить контакт успешна. Шоковое состояние сохраняется, но уже видны прояснения сознания. Продолжается оценка последствий».

– Кто ты? – простонал я, не понимая, говорю ли вслух или просто продумываю фразу.

Ответа я не услышал. Меня вдруг затрясло, все сильнее и сильнее. Перед глазами нависла тень, постепенно сформировалась в расплывчатый образ человека. Но постепенно зрение сфокусировалось, и я увидел перед собой Лилию, что есть силы трясушую меня за грудки. Этой неистовой тряской она немного привела меня в чувство.

Заметив, что я смотрю на нее, дворянка отпустила ворот рубахи, слезла с меня и смущенно отодвинулась в сторону. Я устало выдохнул и стер со лба пот рукавом. Сердце постепенно замедляло ход, дышать становилось все легче, но конечности не реагировали как надо, я едва мог шевелить пальцами.

Лилия не выдержала и, придвинувшись ближе, склонилась надо мной.

– Ты в порядке? – осторожно спросила она, осматривая мои глаза.

– Да, – с трудом двигая языком, ответил я.

– Что случилось? – осмелев, поинтересовалась она.

– Мы же договорились. Если ты увидишь что-то странное, то сразу же убежишь, – медленно выговаривая слова, произнес я.

– Ничего странного не произошло, – парировала она. – Тебе вдруг стало плохо. Не могу же я убежать, бросив тебя одного. У тебя такие красивые глаза... Ой.

Она покраснела и отвернулась.

– А могло произойти, – проворчал я. Замечание о глазах навело меня на мысль о том, кто мог оказаться невидимым собеседником.

– У тебя где-то болит? – проявляла здоровое беспокойство девушка. – Что сейчас произошло?

– Хотел бы я сам знать, что произошло. – Язык опух и с трудом ворочался. Когда я начал говорить с нормальной скоростью, выходила нечленораздельная речь, словно рот был набит ватой. Тем не менее Лилия меня поняла.

– Меня разбудил твой крик. А потом я увидела тебя, скрюченного и хрипящего, с выпученными от боли глазами. Я очень испугалась. – Лилия осеклась.

– Продолжай, – с хрипотой выдал я.

– Ты отполз в сторону и начал что-то шептать. Единственная фраза, которую мне удалось разобрать, была: «Кто ты?» Это ты меня спрашивал?

– Нет, я бредил.

Опухлость с языка постепенно сошла. Контроль над конечностями восстановился. Я ощупал свою настрадавшуюся голову. Мне просто необходимо было убедиться, что она не треснула пополам. Трещин я, слава богу, не обнаружил. Но возникло новое ощущение, словно у меня в голове, аккурат на затылке, под черепом, застрял посторонний предмет. Ощущение было не совсем приятное, но и не болезненное. Словно там застрял небольшой камушек, размером с косточку абрикоса или даже меньше, который пульсировал в своем собственном ритме, испуская нежное, расслабляющее тепло, волнами растекающееся по голове. Возможно, я всего лишь набил шишку во время падения и сейчас она дает о себе знать такой необычной болью.

– Ты точно в порядке? – снова спросила Лилия. – Бледный какой-то.

Я кивнул и невольно поежился. Словно мощный разряд молнии пробежал по телу, затронув каждую мышцу, каждое сухожилие, каждый волосок. Организм, расслабленный всего мгновение назад, внезапно собрался, сжался, словно мощная пружина, и затрепетал от неожиданной нахлынувшей энергии.

Неведомо откуда взявшаяся сила заставила меня подняться на ноги. Я, казалось, взлетел на раскрывшихся за спиной крыльях, оттолкнувшись от земли одной левой рукой. Сквозь меня потекла огромная энергия. Быть может, я мог даже взлететь в небо. Я стоял и ошарашенно таращился на собственные ладони, способные с легкостью перегнуть стальной рельс, и не мог понять, что происходит.

«Неужели этот демон может забавляться моим организмом так, как пожелает?»

Только эта мысль показалась мне не настолько глупой, как следовало. Станный голос определенно принадлежал демону, решившему войти со мной в контакт. Вот только зачем он пытался это сделать, я не мог даже представить.

Мне следовало проанализировать свое положение, обдумать возможности и, быть может, смоделировать план последующих действий, составить прогнозы на будущее. Но я не мог сделать все это просто так, без подготовки, и в неудачной обстановке. И мне нужен был собеседник, мудрый и опытный, способный дать дельный совет, понять меня.

«Точно не Лилия Руденберг».

Мне следовало добраться до Гинны и начать поиски алхимика Шина, моля богов о том, чтобы не наткнуться в итоге на его могилу.

– Скоро стемнеет. – Я отыскал на небосклоне солнце и рассчитал в уме текущее время. – Пора идти. Ты успела отдохнуть?

Удивленная, если не сказать ошарашенная изменениями моего состояния Лилия чуть наклонила голову набок, затем кивнула и поднялась с земли. Поспешила вернуть на место снятые элементы доспеха.

С этим делом она справлялась на удивление быстро и слаженно. Она точно знала, куда крепится каждая деталь, проворно работала с ремешками и застежками, практически не глядя, заученными и отточенными движениями возводя вокруг себя крепкую защиту. Я невольно засмотрелся. Кажется, я все же недооценил ее. Лилия Руденберг – прежде всего воин, а уже потом холеная дворянка.

Тем не менее, быстро собравшись и перекинув через плечо небольшую кожаную сумочку, Лилия продемонстрировала неестественную воинам слабость.

– Доспехи такие тяжелые, – надулась она. – Неудобно ходить. Давай остановимся в трактире. Тут неподалеку. Скоро ночь, а я хочу нормально поесть, хочу спать в кровати и помыться перед сном...

– Договорились, – без колебаний согласился я, широко улыбнувшись. Ведь у меня уже созрел хитрый план о том, как избавить наивную дворянку от опасности моего демона.

Мы шли через лес по едва различимой в надвигающихся сумерках тропе. Лилия, кажется, действительно знала дорогу и уверенно вела меня за собой. Вскоре на непонятно откуда появившемся отвороте дороги мы свернули и довольно быстро вернулись на тракт.

Солнце к тому времени уже скатилось за линию горизонта, и сумерки принялись создавать причудливые тени в придорожных кустах и кронах деревьев. Наступила та пора, когда не всякий путник рискнет бродить по лесам. Пора, когда каждый куст может таить в себе чудовище, иллюзорное или настоящее.

Мои сомнения в Лилии, как в проводнике, рассеялись, когда на обочине дороги появился мрачный силуэт двухэтажного строения, проглядывающий между стволами деревьев.

– Трактир! – радостно подпрыгнула Лилия. Заметно покачнулась. – Я так устала. Сначала спешила в Суховодье, потом эти разбойники... Ты тоже сильно торопился. Ах, я совсем выбилась из сил...

Внешне средневековая придорожная гостиница была значительно крупнее своего «побратима» в Суховодье. Здесь и номеров для постояльцев было больше, и спектр услуг шире, имелась конюшня для транспорта гостей и даже небольшая баня. Мы прошли через раскрытые ворота и направились к центральному строению. Поднялись по подгнившим в некоторых местах ступенькам крыльца, и Лилия распахнула дверь.

Сначала мне расхотелось входить. Из дверного проема дунуло знакомой до слез комбинацией из неприятных запахов, и у меня подкосились ноги. За время путешествия нос успел привыкнуть к свежему воздуху.

Но Лилия преспокойно вошла в трактир, не обратив на запах никакого внимания. Если сейчас Средние века, эпоха расцвета рыцарства и дворянства, с невероятным лоском элиты общества и грязью в основании социальной пирамиды, то обоняние Лилии должно быть приспособлено к такому. Потому что это естественный запах трактира. Так и должно пахнуть заведение близ дороги, где останавливаются провести ночь путники и торговцы, а иногда даже дворяне.

Мне почему-то не верилось, что Лилия благородная дворянка. Вела она себя как-то не по-дворянски. Доспех у нее был, безусловно, дорогой, меч стоил целого состояния, но выходки ее были уж слишком сумасбродны. Конечно, есть много сказок и легенд о том, как какой-нибудь больной на всю голову барон рядится в латные доспехи и идет помогать простолюдинам. Чаще всего это были выдумки бедняков, но Лилия Руденберг, видимо, их и наслушалась. Правда, героями в них были могучие и рослые мужчины, а не молоденькие хрупкие девушки, но сумасбродная воительница решила этим фактом пренебречь.

Вдохнув напоследок свежего лесного воздуха, я шагнул за ней. В трактире было шумно. Посетителей собралось много, все они знакомились, пили за знакомство, узнавали, кто чем занимается, пили за успешную деятельность и пьянели на глазах. Все они заметно отличались друг от друга и одеждой, и лицами, поэтому появление молодой воительницы и странно одетого чужеземца не вызвало ни у кого бурной реакции.

Ела Лилия тоже не по-дворянски. Я несказанно удивился, увидев, сколько влезло в ее живот, ведь она одна съела печеного гуся целиком, обглодав все косточки. Правда, она и для меня заказала копченую баранью ногу, из доброты и сострадания, но аппетит ее больше подходил могучему и рослому мужчине из легенд о героях, а не хрупкой девице.

Лилия Руденберг удивляла меня все больше и больше. А ей, похоже, только этого и было нужно: удивить всех, каждого.

Расправившись с ужином, дворянка потребовала ванну. Все подготовили быстро, персонал в трактире был весьма расторопный, потому, оставив меня дощипывать баранью ногу, Лилия убежала мыться.

В тот вечер я ее больше не видел. Просто в какой-то момент внезапно понял, что она спит. Возможно, демон подсказал мне то, что я хотел знать, или это было совпадение, одна из неожиданных случайностей. Тем не менее я расценил ее как сигнал. И намерился немедленно покинуть придорожную гостиницу.

Лилия мне понравилась. Она была немного взбалмошной, безрассудной, наивной, но очень доброй и отзывчивой. Я бы никогда не простил себя, если бы она пострадала из-за действий разгневавшегося демона, поэтому принял единственно правильное решение – уйти как можно дальше, чтобы никогда больше ее не встретить.

Я почти воплотил этот нехитрый план в жизнь. Кое-что изменилось, и я не сумел уйти. Вернее, меня вынудили отступить. Демон. Мне не хватило всего четырех шагов до порога трактира. Внезапная острая боль пронзила правый висок, и я покачнулся. Приступ повторился, да еще с такой силой, что я едва удержался на ногах. Все вокруг завертелось и закружилось, я сохранил вертикальное положение, только вцепившись в несущий столб.

Да... В таком состоянии я не имел возможности уйти. В лучшем случае, свалился бы под крыльцо, как наглядный пример вреда алкоголизма. Пришлось отказаться от плана побега, ведь все, что я мог, вернее, надеялся, что смогу это сделать, – это пойти в снятую на ночь комнату.

Понимая, что Лилия настырная и не отпустит меня, я исключил подозрения, сняв комнату на ночь. Этот отвлекающий маневр оказался очень правильным решением.

На кривых ногах, в состоянии полубоморока я дошел до заветной двери, вошел в комнату и даже не забыл запереть засов.

Протяжно проскулил. Накатила вторая волна боли, намного сильнее предыдущей. Стены, пол и потолок превратились в одно бесформенное пятно. Головокружение вызвало слабость, но, преодолевая себя, я дополз до кровати.

А затем, коснувшись чего-то мягкого, моментально провалился в сон.

И привиделось мне, будто огромная бездна разверзлась в месте моей кровати. Она раскрыла свою огромную беззубую пасть и с мерзким чавкающим звуком отправила меня в широкую, кажущуюся бесконечной, глотку.

Я полетел по бесконечному черному космосу, без границ и направлений, без пола и потолка. А может, и не полетел, а завис в воздухе. Этого нельзя было определить, в этом пространстве невозможно было ориентироваться. Я не чувствовал сопротивления воздуха, обычно возникающего при движении, будто я оставался на месте, хотя мне казалось, что я мчусь куда-то с невероятной скоростью. Секунда сменялась секундой, минута – минутой, часы – часами. Казалось, сама вечность пожелала задушить меня в своих объятиях.

Но постепенно пространство стало изменяться, и вскоре вокруг себя я увидел не космос, а темные волокнистые стенки колоссального тоннеля, в конце которого, подобно яркой звезде, сияла маленькая белая точка.

Я смотрел на нее, боясь отвести глаза, и не мог даже представить, что скрывается за этим светом.

Пролетел миг, а быть может, столетие. Я больше не чувствовал хода времени. Но кое-что опять изменилось. Стенки тоннеля стали немного светлее, приобрели красноватый оттенок, а затем я, словно пуля из ствола ружья, вылетел наружу.

Сразу же зажмурился от слепящего света. Затем зрачки сузились, и я смог поднять веки.

Но не смог поверить собственным глазам.

Передо мной крутилась планета Земля. Отливая завихрениями облаков и синевой океанов, она стремительно увеличивалась в размерах. Я набирал скорость, приближаясь к поверхности. Перед глазами кружились материки, темнела зелень леса, белели снега. Но я продолжал падать. Стали различимы горные хребты, озера, реки, а затем и города, районы, улицы, дома, дороги, люди...

Внезапно пришло осознание неизбежности столкновения с твердым асфальтом. Я зажмурился от страха перед болью.

Но ничего не произошло.

Ни в это же мгновение, ни в следующее, ни даже через минуту.

Ощупав себя и убедившись в относительной целостности организма, я осторожно открыл глаза.

Земля исчезла. Черный тоннель тоже, как и пустота космоса. Все пропало. Яркие, чарующие краски обитаемой планеты сменились однородной желтизной. Место, в которое я попал, было не планетой Земля и даже не ее косвенным напоминанием.

«Где я очутился?»

Словно другой мир. Красивый, загадочный, неизведанный, завораживающий. Он пугал своим величием, создавая весьма противоречивое впечатление: временами мир казался уютным, родным до боли, домом, а временами поблескивал инеем отчуждения.

Пространство вокруг пульсировало и изменялось. Казалось, что я попал внутрь живого существа колоссальных размеров. Но видел я только безграничное пространство, заполненное желеобразной массой, пронизанное мягким оранжевым свечением, казалось, исходящим каждой клеточкой исполинского организма.

Я обнаружил, что едва могу пошевелиться. Сконцентрировался на правой руке и попытался подвигать пальцами. Чувствовалось напряжение, пальцы увязли в окружающей материи, но все же смогли изменить положение, хоть отреагировали с большой задержкой. Столь странные ощущения меня серьезно беспокоили.

Странный толчок в барабанные перепонки, похожий на биение сердца, вынудил меня отвлечься и поднять голову. Я увидел темный силуэт вдалеке. Странный мерцающий образ, очертанием напоминающий человека, выделялся на фоне желтизны окружающего мира слабо выраженным красноватым свечением.

«Воссоздание образов из памяти, – прошептал прямо в мозг спокойный, мягкий, но нечеловеческий голос. – Возможны ошибки и наложения объектов».

Я присмотрелся к мерцающему силуэту и неуверенно предположил, что это его слова звучали у меня в голове. Что-то щелкнуло, между нами словно прокатился большой грохочущий шар, и звук стал исходить со стороны силуэта.

– Коррекция звукопередачи для удобства восприятия.

Образ ненадолго потерял плотность и некоторое время сохранял молчание.

– Оценка возможностей частично завершена... – Его голос зазвучал прерывистой и временами терялся. – Возможен симбиоз... Требуется помощь со стороны носителя... Поиск средств...

Речь существа удивляла. Я с трудом узнавал простые слова. Словно предложения составлял сверхсовременный компьютер с программой искусственного интеллекта или же разумный инопланетянин, едва-едва освоивший человеческую речь. Огромный запас слов, казалось, был для него больше грузом, нежели приобретением. Он не понимал, что делать с известными словами. Не умел общаться.

– Как тебя зовут? – спросил я, не представляя, сможет ли существо услышать мои слова или нет.

– Каждому объекту требуется имя... характеристика, – неуверенно ответило оно. – Допустимо... Эфир...

– Кто ты?

Этим вопросом, глупым, но естественным, я, кажется, поставил существо в тупик. Звук моего голоса погас в окружающем пространстве. Желеобразная масса напряглась, я почувствовал это, затем снова вернулась в спокойное состояние. Видимо, тот, кто назвал себя Эфиром, не знал ответа.

– Обмен информацией затруднен, – произнес он с некоторой усталостью. – Слова недостаточно точно характеризуют состояния объектов... И составление предложений – сложный, длительный и многовариантный процесс.

– Тебе сложно говорить?

Эфир замолчал. Пространство между нами всколыхнулось, и его силуэт скачком увеличился в размерах, а вернее, приблизился. Мне показалось, что существо вдруг стало внимательно рассматривать меня несуществующими глазами. Очень внимательно.

Перед моими глазами, а может, в голове, или во всем окружающем пространстве замелькали сотни и даже тысячи расплывчатых образов. Каждый из них содержал объект, действие, эмоцию или характеристику, но я просто не успевал заметить, что они значат.

– Коммуникация невозможна... – заключил Эфир. – Пребывания в состоянии сна достаточно...

Но кошмар не закончился пробуждением.

Я проснулся в холодном поту. Резко дернулся и упал на пол. Сердце колотилось, как обезумевшее, пытаюсь выскочить у меня из груди, легкие практически не справлялись с возросшей потребностью организма в кислороде. Я стал задыхаться, скрючился на полу и понял, что именно чувствует рыба, вынутая из живительного водоема и обреченная на медленную смерть под ногами довольного рыбака. По телу шел сильный зуд, но сколько бы я ни чесался, не становилось легче. Только краснела кожа, потом проступала кровь...

Преодолевая себя, я перевернулся на спину и попытался сесть. Меня шатало, как осенний лист на ветру. Тело отказывалось занять вертикальное положение. Я не понимал, комната намеренно искривилась и жестоко издевается надо мной, или же вестибулярный аппарат начал отказывать. Сидеть я не мог и снова повалился на пол. Жуткая слабость не позволяла даже приподнять голову. Я словно медленно умираю...

Но такое состояние длилось недолго. Словно по нажатию кнопки, спрятанной где-то на макушке, заработала система восстановления организма. Сердцебиение вернулось в норму, дыхание выровнялось, мышцы обрели уверенность и силу. Казалось, если я сейчас, оттолкнувшись от пола ногами, подпрыгну, то пробью крышу и улечу в небеса.

Но кто-то вновь подкрутил невидимый регулятор. Избыточная энергия пропала, вернулась утренняя беззаботная нега. Я уткнулся затылком в ножку кровати и некоторое время не двигался.

Я выспался. Хотя совсем этого не понимал. Поднялся. Выглянул в окно. На улице стояла пасмурная погода, а с растянувшихся по небу тяжелых облаков накрапывал мелкий, но очень неприятный дождик. Оба моих плана провалились, основной и запасной: я хотел уйти сразу после того, как Лилия легла спать, либо успеть до того, как она проснется.

Я проиграл. Оставалось только спуститься вниз и признать поражение.

Лилия Руденберг действительно уже проснулась и в отличие от меня находилась в прекрасном расположении духа. Дождь не мешал ей радоваться жизни. Она преотлично позавтракала, плотно и со вкусом, облачилась в доспехи и пережидала моросящий дождь, рассказывая постояльцам трактира истории о былых сражениях, о битвах с мистическими существами, пользуясь небывалым успехом у слушателей.

Я завтракал и краем уха подслушивал историю Лилии. Умилялся. Она как будто придумывала на ходу, причем сочиняла такую нелепицу. Сказки про оборотней, огров, вампиров, гигантов, злых волшебников и прочих чудовищах. Монстры во всех ее рассказах гибли от рук смелых и могучих героев, владеющих магией или полагающихся только на свой меч. И при этом выдавала рассказы за чистую монету. Как будто верила, что такие чудовища действительно существуют.

Я усмехнулся и едва не подавился куском хлеба, вспомнив недавние события.

«Да я же собственными глазами видел оборотня!»

Это значило, что существа, о которых рассказывала Лилия, существовали. И не просто существовали, а были невероятно опасны. Как чудовища в сказках.

«Неужели я действительно попал в сказку?»

Лилия настолько увлеклась процессом повествования, раззадоренная вопросами и восклицаниями нескольких особо заинтересованных слушателей, что не заметила меня, пока я не подошел и не поднял ее за шиворот. Вместе с доспехами.

Она казалась удивительно легкой, словно перышко. Я держал ее двумя пальцами одной правой руки и не чувствовал напряжения. Это при том, что одни только ее доспехи весили около пятнадцати килограммов.

«Да и вообще, зачем я поднял ее за шиворот?»

– Отпусти меня! – вскрикнула она, когда пол резко ушел из-под ног. Я послушно опустил ее. – Ну, так чего тебе нужно?

– Я ухожу, – сообщил я.

– Но там же дождь! – возразила она, растерявшись.

– Пускай. Или ты боишься заржаветь?

Она захлопала тонкими ресницами.

– Можешь остаться здесь, – предложил я идеальный вариант. – Я пойду один.

– Нет, – притихла она, прикусив язычок и поправляя выбившуюся из-под доспеха рубашку. – Я пойду с тобой. Но мне все равно интересно, почему ты остался?

– Что? – растерялся я.

– Ты так смотрел на меня вчера вечером, словно прощался. Я думала, ты уйдешь... – Она подняла глаза и посмотрела мне в лицо.

Пришлось признаться.

– Я хотел. Не получилось.

– Так вот, – пробормотала Лилия, словно извиняясь. – Я думала, что ты уйдешь, и согласилась сопровождать кое-кого...

– И кого же? – спросил я без особого интереса.

– Одного торговца... – Она будто бы покраснела. – Митрия...

– Эй? – поднялся один из ее слушателей, особо вдохновленный ее рассказами. – Продолжение будет?

Лилия повернулась и поклонилась ему. Видно, не впервой ей было раззадоривать народ в трактирах.

– Как-нибудь в другой раз.

Мужчина в коротком сливовом кафтане и потрепанных сапогах не был похож на торговца, скорее на необычного крестьянина. Он старался выглядеть и двигаться не так, как остальные, например ходил странной, гусиной походкой, вперевалочку, будто думал, что так положено ходить торговцам. Выглядело нелепо. Но его цепкий и внимательный взгляд был непритворным.

Он был довольно молод, худощав, имел длинные, собранные в пучок, черные, как смоль, волосы. Не сказать, чтобы он показался мне красивым, но безобразным он точно не был. Воз-

можно, это была его инициатива отправиться в путь вместе Лилией, чтобы узнать ее поближе, возможно познакомиться и даже развить отношения. Ведь он не знал, что она побежит за первым же троллем, если узнает, что тот терроризирует горную деревню.

Я сидел за столом над пустой кружкой клюквенного морса и думал. Лилия все же убедила меня подождать, пока не закончится дождик. А я, хоть и решил не идти у нее на поводу, все же согласился. И корил себя за это. Да еще и позволил Митрию идти с нами.

Желая немного проветриться и подышать свежим воздухом, я вышел на улицу, встал под козырек и прислушался к дождю. Его заунывный мотив располагал к тяжелым думам, и чем дольше я слушал, как капли разбиваются о грязь и лужи, тем печальней мне становилось. От всего на свете. И от демона, и от собственной глупости, и от ситуации, в которую я попал.

Вытянув вперед руку, я поймал несколько капель дождя и стряхнул их с ладони. Но мне это, как ни удивительно, не удалось, влага так и осталась на коже. Избавиться от нее оказалось не так-то просто.

«И что мне делать сейчас? Дождаться окончания дождя и отправиться в Гинну в сопровождении Митрия и Лилии? Или поступить иначе?»

Я коснулся пальцами рукояти кинжала за спиной. Оружие было при мне, сумка с провизией тоже. Намочить рубашку я не боялся. А простудиться тем более.

«Тогда чего я жду?»

Я вышел из-под козырька. Несколько холодных капель разбились о мои волосы. Вдруг мне стало немного жаль, что я не узнаю, как сложится судьба безрассудной Лилии, но я успокоил себя мыслью, что без меня она проживет намного дольше.

И, с полной уверенностью в правильности собственного решения, я направился в сторону Гинны.

– Постой! – громко закричала Лилия и, позвякивая доспехом, побежала по лужам. Вытянулась передо мной, обиженно нахмурившись. Маленькие капли дождя едва слышно разбивались о полированную сталь ее наплечников. – Я же сказала, что пойду с тобой. И незачем убегать от меня!

– Извини, – замялся я, честно признавая вину.

– Тогда тебя нужно наказать! – кивнула разгневанная Лилия. – И в наказание ты ответишь на один вопрос.

– Вопрос? – немного растерялся я.

– Хочу знать, как тебя зовут? – Она посмотрела мне в глаза, будто хотела выяснить сразу, обману я ее или нет.

Из ворот, прикрывая волосы небольшой котомкой, выбежал Митрий. Увидел нас, соорудил кислую мину и пошел не торопясь, старательно избегая луж.

– Максим, – пожал плечами я, развернулся и двинулся дальше.

Мои навязавшиеся спутники переглянулись, недовольно поворчали между собой, но все же не отступили и побежали за мной, прекрасно понимая, что в пути нам придется промокнуть до нитки.

Но нам повезло. Погоде пришлось уступить перед моей твердолобостью. Ворота трактира еще не скрылись из виду, а дождь уже прекратился и между плотных, казалось бы, несокрушимых облаков появились голубоватые просветы. Это прибавило энтузиазма. Даже обилие луж и грязи не особо затруднило наше движение.

Митрий был торговцем. И, как он сам похвастался, родовитым торговцем. В свои двадцать с небольшим он уже владел определенным капиталом и являлся членом торговой коалиции. За счет этого имел преимущество в своем занятии, со всеми вытекающими. Про свою работу он, казалось, мог говорить бесконечно. Ну, а Лилия, в свою очередь, сколько угодно могла рассказывать о героях и подвигах.

Так мы и шли. Лилия рассказывала Митрию о полубезумных подвигах, которые мечтала совершить, торговец твердил ей о стабильности своего бизнеса, перспективах и будущих прибылях. А что касается меня, то я в нашей маленькой компании занимался тем, что источал мрачную атмосферу.

На ночлег остановились прямо в лесу, между двух недавно поваленных деревьев, чьи листья уже пожелтели, но еще не успели опасть, поэтому кроны прекрасно защищали от ветра, заметно усилившегося после дождя. Лилия, раздобыв где-то приличную охапку хвороста, развела костер, так ловко орудуя огнем, что удивился даже Митрий. Он, как и я поначалу, немного не доверял молодой дворянке, но та умела убеждать не словами, но действиями.

Расположившись вокруг маленького, но жаркого костерка, мы разогрели остатки припасов и немного расслабились. Наполнившиеся пищей желудки потянули вниз, ко сну. Митрий немного утомился и даже задремал, разыскав удобное место в листве поближе к кроне. Я тоже уперся спиной в шершавую кору и прикрыл глаза.

– Максим, – осторожно поинтересовалась Лилия. Она была единственной, кого не потянуло спать после ужина.

Я приоткрыл один глаз.

– А какой он был? – изнывая от любопытства, спросила дворянка.

– Кто был? – не понял я.

– Ясно кто! – воскликнула она. – Оборотень, которого ты сразил в Суховодье!

Митрий приоткрыл глаза, недоверчиво покосился на меня и невольно поежился.

– Обычный оборотень, – отмахнулся я. – Ты будто в жизни оборотней не видела...

– Не видела, – покачала головой Лилия. – А бой как прошел? Расскажи мне все в подробностях. А его когти были острее твоего меча? Тебе приходилось вставлять лезвие в пасть оборотню, чтобы он не мог сомкнуть челюсти и откусить тебе голову?

– Ничего такого не было. Он набросился на меня, а я его убил. И все.

Торговец фыркнул, поднялся с нагретого местечка и скрылся в кустах. Он ничего не сказал, но я как-то легко догадался, что ему понадобилось удовлетворить естественные потребности. А вот Лилия даже не повернулась, чтобы отметить, что сопровождаемый ею торговец куда-то ушел.

– Но это ведь неинтересно! – продолжала она. – Битва должна быть динамичной, красивой, запоминающейся. Чтобы твой подвиг увидели все, а барды сложили легенды и песни пели все последующие поколения.

Я запрокинул голову назад и увидел огромное, бесконечное ночное небо. Облака рассеялись, и оно стало невероятно ясным, настолько ясным, что можно было рассмотреть каждую из сотен миллиардов рассыпанных по нему звезд. В современных городах, образы которых, возможно, остались только в моей памяти, нельзя увидеть такое небо. Слишком много наземного освещения. Только некоторым, особо ярким звездам удастся преодолеть искусственную преграду света.

– Битва это битва, война это война, – наставляющим тоном ответил я. – В ней нет ничего красивого и вдохновляющего, только смерть. И нечего бардам песни об убийствах складывать.

– Барды складывают песни вовсе не о войне, – справедливо возразила Лилия. – В своих песнях они воспевают героев, тех, кто сражается за людей, кто защищает их, тех, кто спасает попавших в беду. Я тоже хочу, чтобы обо мне сложили песню. Хочу, чтобы люди знали, что я, Лилия Руденберг, никого не брошу в беде и всегда приду на помощь...

– Как давно ты путешествуешь? – неожиданно поинтересовался я.

– С тринадцати лет. – Лилия покосилась на лежащую на земле перчатку, немного поправила рукой. Видимо, в кажущемся хаосе из разбросанных вокруг элементов доспеха существовала определенная закономерность. Я просто ее не замечал. А Лилия все знала. – Я путеше-

ствовала со своим дядей, герцогом Гюнтером примерно шесть лет, с тех пор, как меня изгнали из замка, и до того момента, как приняли в орден рыцарей Львиной розы...

– О-о, – удивленно протянул я, – так ты изгнанная дворянка... Неужели жениться отказалась?

– Нет, – потупила взгляд дворянка. – До свадьбы дело не дошло. Отец познакомил меня с тем, кто должен был стать моим женихом, каким-то противным мальчишкой. Мы с ним гуляли в саду, разговаривали, он так хвалился, важничал... В общем, слово за слово, и я выбила ему глаз...

– Молодец, девица, – усмехнулся я. – Так, значит, тебя изгнали за то, что сделала кривым какого-то маркиза?

– Принца... – еще больше засмутилась Лилия.

– И теперь тебе никогда не вернуться домой? Будешь вечно скитаться, без дома и родного очага.

– Нет, – покачала головой девушка. – Отец уже давно простил меня. Ворота замка всегда будут открыты, чтобы принять меня и моих друзей. Меня изгнали понарошку, отец хотел проверить, выдержу ли я жизнь без прислуги и роскоши. – Лилия улыбнулась, хитро и довольна. – А я выдержала! Не без помощи дяди Гюнтера, конечно...

И в ту же самую секунду мы услышали душераздирающий вопль, донесшийся из лесной чащи. И вопить мог только наш бедовый торговец. Бедолага не только умудрился приударить за Лилией, этой дьяволицей в юбке, вернее в доспехах, но и вляпался в какие-то новые неприятности.

Отреагировал я мгновенно. Распрямился. С ходу перепрыгнул через ствол дерева, у которого сидел, и метнулся в чащу. Откуда-то я знал, куда нужно бежать, чувствовал, где именно кричал Митрий. И мог с невероятной скоростью передвигаться по ночному лесу.

Краем глаза я отметил, что Лилия бежала следом. Сильно отставала, но сдаваться не собиралась. Девушка действительно была готова прийти на помощь всем и каждому. Я, конечно, тоже бросился на помощь, но вынужденно, с неохотой, потому что не мог иначе поступить.

Перепрыгнув через куст, я вылетел на поляну, где и увидел торговца. И не только его. В нескольких метрах от прижавшегося к стволу дерева Митрия мохнатой горой стоял крупный бурый медведь и недовольно, даже угрожающе, рычал.

Что он сделал, чтобы растревожить и разозлить животное, я не мог и представить. Смог лишь предположить.

«Неужели додумался опорожниться прямо в берлогу?»

Независимо от причины неприятностей нерадивого торговца нужно было спасать, причем незамедлительно. После встречи с когтями и клыками зверя он бы не смог больше рассказывать про свои планы и хвастаться привилегиями перед деревенскими барышнями. Если бы вообще выжил.

Неожиданно для самого себя я вдруг принялся прогнозировать, смоделировав за доли секунды в уме сотни, если не тысячи разных планов действий, вот только почти все они заканчивались неминуемой гибелью Митрия.

Возможно, мой мозг в тот момент перегрелся, а мысли просто свернулись в узел. Не зная, за какой из вариантов ухватиться, я просто начал действовать, и не нашел ничего умнее, чем подойти к медведю сзади и поддать ему ногой.

Нет, мне никогда не понять, зачем я тогда совершил такую глупость. Быть может, меня заставил тот невидимый великан, который иногда брал мое тело под свой контроль. Но безумный трюк удался, медведь понял, как сильно его унизили, повернулся и поднялся на задние лапы, став выше меня раза в два.

Я почувствовал его зловонное дыхание и робко попятился назад. Подсознательно я понимал, что так нельзя поступать, знал, что на действия людей животные реагируют не так, как мы надеемся, но все равно развернулся и побежал. Медведь немедленно бросился за мной. Не требовалось напрягать мозги, чтобы понять, что так я отводил беду от Митрия, но ставил на кон собственную жизнь.

Сердце забило чаще. Появляющиеся из темноты ветки больно хлестали по лицу, я не успевал отвести их руками или просто не замечал. Ноги поскальзывались на влажной траве, цеплялись за корни и лежащие на земле ветки, но неведомо как удерживали меня от падения. Но медведь упорно преследовал меня, я чувствовал это, и постепенно нагонял.

Мне нужен был план, нужен был способ от него избавиться: задержать, прогнать, даже убить. Пальцы сами потянулись к рукояти меча на поясе.

Нет. Бесполезно. Для такого огромного зверя мой короткий меч был не опаснее ложки или вилки. Даже воткнув его на всю длину лезвия, я не смог бы достать жизненно важных точек, а увяз бы в мехе, шкуре, жире и мясе. Мне нужна была поддержка того, кто в разы сильнее, страшнее и опаснее разъяренного медведя. Я решил попросить о помощи демона по имени Эфир.

Я не знал, откликнется ли он на мой зов, не думал, что произойдет со мной после, не представлял, как он попытается помочь, если вообще согласится защитить меня. Но все же рискнул.

Я резко развернулся, остановился и прикрыл глаза. Мысленно потребовал:

«Эфир!»

И замер.

Но ничего не происходило. Одна мучительная секунда, казалось, тянулась целую вечность. Я сжался, напрягся, понимая, что сейчас почувствую удар, укус, рывок, а может, вообще ничего не успею почувствовать, потому что медведь с одного взмаха оторвет мне голову.

Все быстро изменилось. За мгновение до нападения медведя мои глаза открылись, и смотрел ими уже не только я.

«Камушек демона», спрятанный под черепом, возле самого затылка, напряженно завибрировал и внезапно лопнул, испустив волну успокаивающей прохлады. Затем демон «закричал». Нет, это не было обычным криком, звуковой волной, это был разряд энергии, магнитный импульс, да все, что угодно. Я, вместе с огромным багажом научных знаний в голове, не мог найти даже самого нелепого объяснения природе этого явления. Словно это была магия, та самая, о которой мне уже пришлось кое-что услышать.

Эффект «крика» демона превзошел все мои ожидания. Медведь испугался. И не просто испугался, на мгновение мне показалось, что у огромного животного сейчас будет разрыв сердца. Он издал какой-то звук, похожий на скуление, и убежал, не пытаясь даже демонстрировать силу, рычать или вставать на задние лапы. Хищник, пригрозивший ему, не допускал сопротивления, он не считался с законами и порядками природы, он был над ними.

Опасность миновала. Эфир, с достоинством защитивший мою жизнь, вернулся к своему обычному состоянию, я вновь почувствовал мягкую пульсацию в районе затылка. Нужно было возвращаться. Я внезапно подумал, что медведь мог ранить Митрия до того, как подоспели мы с Лилией. Нужно было это проверить.

Но когда я вернулся, понял, что произошло что-то ужасное. Нет, торговец не был ранен, он не истекал кровью и, кажется, с его головы не упал ни один волосок. Он просто потерял сознание от переизбытка эмоций и уснул там же, под деревом. Что-то случилось с Лилией. Она сидела на траве, неподалеку от Митрия, согнув колени настолько, насколько позволяли подвижные элементы доспеха. Думаю, если бы не ее доспех, она бы тоже упала. Стоило заглянуть в ее глаза, чтобы понять, насколько все плохо. Она почти не моргала. Ее зрачки были расширены и подергивались, словно при эпилептическом припадке.

Я опустился рядом, обнял Лилию за плечи, помог сесть, разогнуться. Она тяжело дышала. Что-то подсказывало мне, что причиной ее страха был вовсе не медведь. Медведя она бы не испугалась точно.

«А демона?»

Видимо, дело было в нем.

– Мне страшно, – неожиданно произнесла Лилия дрожащим голосом. – Холодно и страшно.

– Все в порядке, – я попытался успокоить ее. – Это был простой медведь. Ничего страшного, ты испугалась, а резкий порыв холодного ветра пришелся не к месту. Пойдем к костру, там тепло.

Я помог ей подняться, практически сам поставил на ноги. Занялся торговцем. Он был довольно легким. Правда, мне все стало казаться легким, даже тяжелое, но я без труда взвалил его на плечо, подобно мешку с просом, он даже не проснулся. И двинулся назад, к костру.

– Постой, – тихим и слабым голосом позвала меня Лилия. Я обернулся. Увидел, как она робко тянет ко мне руку, боясь сделать даже шаг. – Не бросай меня, пожалуйста.

Стараясь не выронить тело, я бочком подошел к ней. Девушка подалась вперед и схватилась за мою руку, да еще с такой силой, что ее тонкие пальцы до боли впились мне в кожу.

Лилия не отпустила мою руку, даже когда мы вернулись к костру. Она держала ее крепко-крепко, словно это была единственная страховка, удерживающая ее в мире людей. Расслабь хватку хоть на мгновение – сразу же провалишься в ад. Лилия так и уснула сидя, крепко сжимая мою руку, не позволив мне отойти от себя ни на шаг. Ей было холодно даже рядом с костром.

Глава седьмая

Той ночью я так и не уснул. И до рассвета просидел возле поваленного дерева, не отпуская руки спящей Лилии. Мне было стыдно, горестно и очень страшно. Ведь именно мои действия привели к тому, что мои спутники впали в глубокий шок и не могли никак оправиться. Это я попросил демона проснуться, попросил сделать что-нибудь. И пусть я это сделал из добрых побуждений, чтобы спасти жизнь Митрия и свою, но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад.

И я уже начал по ней движение.

Лилия вздрогнула и пошевелилась. Спала она очень беспокойно. Как, впрочем, и Митрий. Он так вообще постоянно ворочался, а иногда беспорядочно махал руками, даже стонал и при этом обильно потел. Им явно снились жуткие кошмары.

Ближе к рассвету сон Лилии стал заметно спокойнее. Ее дыхание выровнялось, хватка ослабела, она прижалась плотнее ко мне и даже положила на плечо голову. Я мог освободить руку, мог встать, чтобы размять затекшие конечности или подкинуть дров в угасающий костер, но не смог решиться. Я был виноват перед ней и хотел искупить вину хотя бы тем, что мог послужить подпоркой.

Кажется, когда первые лучи восходящего солнца нагрели мою макушку, я все же немного задремал, потому что не заметил пробуждения Лилии. А может, она проснулась мгновенно и немедленно вскочила, стиснув зубы от боли, но не удержалась на затекших от долгого и неудобного сна ногах и рухнула на землю, схватившись руками за поясницу.

Я подпрыгнул следом, опустился возле нее, присел на одно колено. Испугался, что у Лилии начался эпилептический припадок.

– Спина... – шипела сквозь зубы она. – Спину свело...

– Тише, тише. – Я помог ей согнуться, растянуть мышцы спины и унять судорогу.

Приступ быстро прошел. Лилия перевернулась на спину и облегченно выдохнула.

– Чтоб я еще хоть раз уснула в доспехах! – фыркнула она. – Ни за что!

Затем повернулась лицом ко мне.

– Мне снился странный сон. Страшный сон. А может, и не сон. Я увидела кого-то темного и огромного. Он поднялся над лесом, затмив собой все звезды на небе. Посмотрел на меня. Я так испугалась. Думаю, это был сам хранитель леса.

– А теперь тебе не страшно?

– Кажется, нет. Мне немного жутко, когда я вспоминаю его взгляд, но сейчас он успокоился, я чувствую это... А ты видел его?

– Да, – солгал я, – на мгновение. Он тоже напугал меня, но прогнал медведя. Если бы не он, медведь бы растерзал меня.

– Но ты же сразил оборотня! – Лилия, казалось, оправилась от шока и понемногу возвращалась к своему обычному настроению. – Неужели ты не смог одолеть какого-то медведя?

Я нахмурился. Ее легкомысленность поражала. Начал думать над ответом. Но не успел ничего сказать, проснулся Митрий. Его пробуждение было не менее странным, чем у Лилии.

– Медведь! – неожиданно закричал он и принялся махать руками перед собой, словно от кого-то оборонялся. – Я не какал на тебя!

Причиной его кошмаров был вовсе не Эфир.

Увы, но малоприятные встречи не прошли бесследно. Дальше мы шли медленно. Очень медленно. У Лилии сильно болела перенапряженная ночью спина, от этого доспех казался ей невероятно тяжелым. Да и Митрий тоже едва переставлял ноги от усталости. У него пропал всякий интерес к разговорам и ухаживаниям. Если он открывал рот, то только для того, чтобы пожаловаться, попросить о привале или выругаться в сторону.

Все мои планы прийти в город засветло пошли прахом. Только поздно ночью нам удалось добраться до придорожного трактира, находившегося в паре часов пешего хода от Гинны. Мои спутники, измученные и изголодавшиеся, непременно решили остановиться в нем на ночлег.

Я взвесил свои шансы и решил отложить поиски Шина на следующее утро. Ведь любому ясно, что поиски незнакомого человека в незнакомом городе – малоперспективное занятие, а усугублять ситуацию и начинать поиски ночью... Нет. Я был не настолько глуп и беспечен.

В этом трактире хозяйствовала женщина, костлявая и высокая, словно фонарный столб. Прямоугольное вытянутое лицо с длинным крючковатым носом делало ее похожей на бабу-ягу, героиню русских народных сказок. Но ее таверна блестела чистотой. И запах стоял не такой уж тошнотворный. Относилась к посетителям и постояльцам она строго, но, видимо, это и помогало ей поддерживать трактир в хорошем состоянии.

Я снял комнату на ночь и заказал ужин. Сел за стол. С прискорбием отметил, что хоть какой-то аппетит сохранился только у меня. Митрий неловко поковырялся в тарелке и утопал наверх, а Лилия, девица с поистине безразмерным желудком, вообще отказалась ужинать. Но я смог ее понять.

Серьезно я разволновался, когда поднимался наверх в комнату. Быть может, мне это только показалось, но я услышал тихий плач, доносившийся из-за закрытой двери. Не зная точно, где именно остановилась Лилия, я почему-то решил, что это была она.

И мне неожиданно стало тяжело. Невыносимо больно было признать, что именно я, а не кто другой, довел ее до слез.

Усталость накатила, словно высокая волна, вдруг выросшая за спиной неумелого пловца и пожелавшая утanutь на дно. Ноги подкосились, я повалился на пол. С огромным трудом я поднялся и, шатаясь, словно в ужасный шторм, добрал до кровати. Повалился на нее, не раздеваясь.

Тени ночи заплясали вокруг, переплетаясь в замысловатые фигуры и туманные образы. Меня сковала плотная темнота, не позволяющая даже пошевелиться, и мир начал медленно исчезать.

Я видел сон...

Перед глазами появилась белая клякса. Потекла в разные стороны, превращаясь в длинный прямоугольник, разделившийся на равные части, словно порезанная на кусочки твороженная запеканка. Кусочки стали расширяться, пульсировать, изменяться и внезапно превратились в буквы, сложившиеся в слово «Опасность!». Может, это был не сон. Может, это была и не клякса вовсе. Возможно, я услышал это слово или оно мыслью пронеслось у меня в мозгу, но каждой клеточкой, каждым волоском своего тела я ощутил серьезность этого знамения.

Внутри меня словно вспыхнуло пламя. Оно наполнило тело невероятной силой. Захотелось накалиться добела, взорваться, словно бомба, выплеснуть наружу томящуюся энергию, показать всему миру, что не существует пределов ничему.

Глаза мои раскрылись в то же мгновение. Я разглядел собственную руку, крепко сжимающую горло неизвестного мужчины. То, что он мертв, я понял сразу. Его шея была неестественно выгнута, трахея передавлена и переломана, язык вывалился наружу, а глаза вылезали из орбит от возросшего давления. Смерть его была очень быстрой, но нереально болезненной.

Невероятно, но я почему-то не испугался. Нисколько. Был спокоен, рассудителен, безразличен. Труп в руке мешался мне. И я его выбросил. Легко и непринужденно, словно грязную подушку, метнув в угол комнаты.

На пол с глухим звоном что-то упало.

«Меч!»

Я, казалось, по звуку определил форму упавшего предмета, его примерную массу, даже металл из которого он был сделан – булат. И принадлежал он незнакомцу, которого я убил, – в

этом можно было не сомневаться. Также можно было не сомневаться в том, зачем этот мужчина забрался ко мне в комнату, имея при себе оружие.

Ударив ладонями по матрацу, я, казалось, взлетел с кровати. Замер на мгновение, чтобы осмотреться. Глаза моментально адаптировались в темноте комнаты, так что я смог разглядеть каждую деталь, даже самую мелкую, самую темную. И более того, мое зрение стало панорамным, будто бы на затылке выросла дополнительная пара глаз. Мне не нужно было поворачивать голову, чтобы видеть, что происходит за спиной.

Но это не было пределом моих возможностей. Я чувствовал силу. Мне захотелось увидеть границу, достигнуть предела, оценить собственное могущество. Голову пронзила резкая боль. Разум помутился. А когда вернулось сознание, я осознал, что такое истинное зрение. Деревянные стены, казалось, обратились стеклом. Я видел все, что происходило за пределами комнаты. Видел весь трактир, с любого ракурса. И ничто не могло укрыться от моего пристального взгляда.

Как будто это был сон. Сон, в котором моя сила не имела границ, а воля не знала препятствий. Мир абсолютных возможностей. Где не было ни чувств, ни эмоций, ни горя, ни радости. Лишь бесконечное желание, желание реагировать. Я перестал контролировать свое тело, оно действовало самостоятельно, исполняя все, что я только мог пожелать, так быстро, что я перестал понимать, что начинается раньше, мысль или действие.

Мое новоприобретенное чутье зарегистрировало движение в соседней комнате. Достаточно было только захотеть, чтобы получить полную картину происходящего. Это была комната Лилии, я заметил золотистые локоны, спадающие с подушки. Безрассудная воительница мирно дремала. Но я заглянул не полюбоваться ее сном. Меня куда больше интересовал незваный гость, забравшийся в открытое окно. Переступая беззвучно, мягко, человек, сжимавший в руке рукоять меча с прямым лезвием, двигался к кровати девушки.

Я не успел понять, что ей угрожает опасность. Не успел задуматься, что для боя с опасным незнакомцем мне понадобится оружие. Я только досчитал до трех. И не думаю, что это были секунды.

На счет «раз» я сделал шаг.

На счет «два» неожиданно вспыхнувшее синим пламенем острейшее лезвие меча в моей правой руке описало яркую дугу.

На счет «три» кто-то закричал, но крик этот сразу потонул в предсмертном хрипе.

Я стоял рядом с кроватью Лилии. В стене, разделяющей наши комнаты, осталась прямоугольная дыра, примерно в человеческий рост. Повсюду валялись щепки и обломки досок, причем весьма крупных. У меня под ногами, дергаясь в предсмертных конвульсиях, лежало тело убийцы, покусившегося на жизнь молодой дворянки, разрубленное минимум в четырех местах. Но кровь только-только начала растекаться по доскам пола. А девушка лишь немного приподняла голову, разбуженная шумом.

Мое многократно обостренное чутье всюду било тревогу. Повсюду наблюдалось движение. В коридоре, в комнатах, на первом этаже, даже на крыше, Семь... Девять... Нет, двенадцать человек. Неизвестный враг атаковал трактир со всех сторон. Я не знал, кто они такие, откуда пришли, какую цель преследуют, лишь понимал, что они пришли убивать. И мне этого стало достаточно, чтобы начать реагировать...

...И убивать их в ответ.

Я перестал видеть людей. Они все вдруг стали безликими тенями, ненавидящими меня. Больше не слышал их предсмертные крики, ощущая пульсацию их страха. Изменился сам способ восприятия мною окружающего мира. Мира, состоящего только из ненависти и страха.

Вскоре все нападающие были мертвы. Их оказалось так легко убивать. Никаких усилий. Я просто резал и давил их, словно надоедливых насекомых, пока поток ненависти, направленный на меня, не иссяк. И когда это случилось, я почувствовал кое-что странное. Почувствовал того,

кто скрывался за этим нападением. Он также ненавидел меня, но его ненависть имела другой оттенок. Более темный.

Я спустился по лестнице, залитой кровью, на первый этаж и увидел его. Он стоял в центре зала между столами, похожий на тень. Именно это необычное сходство заставило меня взглянуть на него своим обычным зрением.

Он смотрел на меня. Его глаза скрывала черная ткань капюшона, но так он видел куда больше, чем позволено обычным людям. Он был окутан энергией, особой и сильной, такой, что, казалось, сам воздух нервно вибрировал вокруг него.

– Вельзевул! – грозно произнес он. – Мы знали, что однажды ты найдешь способ вернуться! Знали, что этот день наступит!

– Кто ты такой? – Я не узнал собственного голоса, эхом прогремевшего по всему трактиру. Он даже заставил вздрогнуть странного незнакомца. Только растерянность его длилась недолго.

– Я тот, – ответил он, – кого специально готовили для этого дня. Тот, кто владеет силой, чтобы остановить чудовище и сбросить туда, откуда оно явилось.

– Вы напали первыми, – попытался разумно возразить я, хотя уже понял, что это точно не какое-то случайное недоразумение. Не нелепая ошибка.

– Мои братья пожертвовали своими жизнями, чтобы разоблачить тебя. Заставить сбросить лживую маску человека и предстать передо мной... нет, предстать перед богом в своем истинном обличье.

Я испугался, что этот человек может быть безумным религиозным фанатиком, но все же рискнул задать ему вопрос.

– Ты знаешь, почему я... это?

– Я все знаю о тебе, демон! – поднял руки он. Между его пальцами и полом вдруг пролетели две мощные искры, и воздух наполнился запахом озона. – Я знаю, кто ты, знаю, что ты. И я не допущу, чтобы ты осквернял мир, созданный всемогущим господом!

Чуть откинув голову назад, мужчина беззвучно пошевелил губами, а затем резко бросил руки вперед. И с кончиков его пальцев одной ослепительной вспышкой сорвалась мощнейшая молния.

Я не поверил своим глазам. Это была магия. Пусть и направленная против меня, но самая настоящая магия. Хорошо, хоть Эфир не поддался эмоциям и смог вовремя уйти в сторону от разряда, который должен был испепелить меня.

Разряд угодил прямо в стол. Засаленная и пропитавшаяся всем, чем только можно, столешница зашипела и обуглилась под воздействием мощного потока электричества, но не загорелась.

Маг был готов к этому бою. Его окружило электрическое поле, короткие разряды звонко потрескивали в воздухе, словно хворост в горящем костре. Противник повернулся и начал новую стремительную атаку. Его молнии стали меньше, острее и опаснее.

Страх овладел мной. Правда, я уже плохо понимал, где проходила граница между моим разумом и сознанием демона, но знал, что страх может испытывать только человек. Я испугался и пожелал, чтобы противника не стало, чтобы он исчез, перестал пугать меня своими ужасными молниями.

И Эфир исполнил мое желание.

Я двинулся вперед, постепенно успокаиваясь и словно бы возвращаясь ко сну, в котором я не думал о последствиях, не испытывал угрызений совести, легко избавляясь от любых противников. К тому, что я считал идеальным сном.

Рубиновые капли крови разбились о деревянный пол. Маг вздрогнул, его рот чуть открылся, с краешка губ выделилась тонкая струйка крови, пронеслась по подбородку и скрылась в короткой черной бороде.

Мой ослепительно сияющий меч, созданный демоном из чистой энергии, пронзил тело врага насквозь. Лезвие на целый локоть вышло из его спины.

– Ты силен, – прохрипел маг, чувствуя дыхание смерти. – Но ты уже не такой, как раньше. Теперь мы знаем, кто ты, и найдем способ остановить тебя.

Он закашлял, выплевывая в кровавых брызгах остатки своей жизни, поднял руку на уровень лица и добавил:

– Быть может, даже мне удастся победить тебя.

Лицо мага исказила злое ухмылка. Он дотянулся до лба сложенными вместе указательным и средним пальцами правой руки и неразборчиво прошептал два слова. Его кожа мгновенно побелела и засветилась, а внутри тела началась необъяснимая химическая реакция, по скорости возрастания температуры сравнимая лишь с реакцией ядерного синтеза, сильно замедленной. Я отступил. Маг больше не шевелился, он словно обратился восковой фигурой, которая начала плавиться, оседая на пол. Свечение становилось сильнее, черная ряса сгорела почти мгновенно, жаркое пламя вцепилось в деревянный пол. То, что оставалось от тела мага, напоминало раскаленный металл.

Жар стал нестерпим. Спасти меня могло лишь бегство, но я видел, что в трактире еще оставался живой человек, Лилия. Дворянка сидела в своей комнате, забившись в угол, и тряслась от страха, не сводя глаз с дверного проема. Дрожь была настолько сильная, что стук зубов был слышен даже в коридоре. Но даже в таком состоянии Лилия держала перед собой меч, ожидая нападения.

Я помчался вверх по лестнице так быстро, как мог. Пламя погналось за мной. На объяснения и уговоры не было времени. Я влетел в комнату, промчался по ней, как вихрь, схватил завизжавшую от испуга Лилию за плечи, и, закрутившись вместе с ней, вылетел в открытое окно.

Реакция, запущенная умирающим заклинателем, достигла своего пика, трактир попросту взорвался.

Я мчался через лес, сжимая в руках потерявшую сознание от перегрузки и взрыва Лилию, слыша только бешеную пульсацию сердца в ушах, огибая деревья, одно за другим, и, казалось, просто не мог остановиться.

Глава восьмая

– Где я? – Лилия открыла глаза и тяжело вздохнула.

– В безопасности, – сухо отозвался я, не поворачиваясь к ней.

– В безопасности, – растерянно повторила она.

Я боялся повернуться к ней. Вернее, не мог отвести взгляд от сияющего зеркала маленького лесного озера, окруженного высокими, многовековыми соснами, создавшими непреодолимую преграду для ветра, отчего гладь водоема была безупречна. Оно казалось мне идеалом. Тихое, спокойное, безмятежное. Глубокое, чистое и холодное. Абсолютная противоположность моему обезумевшему от ужаса разуму.

И потому я смотрел на воду. Ведь сюда меня, должно быть, привела сама судьба.

Я бежал недолго, зато очень быстро. Так быстро, что ни одно существо не смогло бы за мною угнаться. Бежал, прижимая к себе единственную, слабую и хрупкую девушку, которую мне удалось спасти в том проклятом трактире. Бежал, пока не оказался по колено в воде этого прекрасного озера.

– В полной безопасности. – Я старался, чтобы голос звучал уверенно.

– Максим, – Лилия начала приходить в себя, но к ней, кажется, еще не вернулись воспоминания вчерашней ночи. Однако до их возвращения оставались секунды. – А где мои доспехи? Куда ушел Митрий? Что стало с трактиром старой девы...

Она осеклась. Резко приподнялась, села. Темный и грязный плащ, служивший ей одеялом, упал на траву, напомнив мне и ей о событиях минувшей ночи. Я увидел ночную рубашку девушки. Белую, накрахмаленную, кружевную... когда-то. Сейчас ее украшали только темные пятна засохшей крови.

– То странное, о чем я тебя предупреждал, – словно попытался извиниться я. – То, почему я просил тебя не идти вслед за мной. Оно случилось. И я не сумел предотвратить беду.

– Я помню, – бледнея, начала она. – Помню, как в моей комнате появилось что-то темное и страшное, похожее на демона. Потом я услышала крики, много коротких криков. Предсмертных...

Я молчал.

– ...Я схватилась за оружие, но этот демон выпрыгнул настолько быстро, что я не успела даже вскрикнуть. Он набросился на меня, схватил. Все перед глазами закружилось. Неужели!

Она рассеянно шупала землю ладонью, словно что-то искала. И я почему-то решил, что это станет последним разом, когда она примет мою помощь. Там, в трактире, девушка сжимала меч настолько крепко, что унесла его с собой. Не зная, как поступить с дорогой и опасной железкой, я просто положил его рядом с ней.

– Это был ты! – выпалила она, нащупав знакомую рукоять. – Ты был тем темным и страшным! Вот, значит, о чем ты предупреждал меня. Ты чудовище.

Возражать не имело смысла. Все обвинения были обоснованны. Мне было горько от того, что все закончилось вот так, но меня успокаивал факт, что ночью удалось спасти хотя бы ее.

Лилия поднялась, опираясь на дерево и не спуская с меня глаз. Очень осторожно попятилась. Кончик меча дрожал и дергался из стороны в сторону, так же, как и она сама. Лилия пятилась и пятилась, пока, наконец, не решилась, не развернулась и не побежала.

Тогда и я, наконец, отвел взгляд от озера и посмотрел ей вслед.

Увы, но я все равно переживал за ее безопасность. Пусть мы были знакомы всего пару дней, но я уже чувствовал ответственность за судьбу этой девушки. Демон по имени Эфир показал мне кое-что, что стоило взять на вооружение.

Как бы ситуация ни складывалась, нужно прежде всего оставаться спокойным. И еще, нельзя пренебрегать своими желаниями.

Поэтому я решил не отказывать себе в последней прихоти. Поднял с земли плащ, которым укрыл Лилию, стряхнул с него землю и сосновые иголки. Странно, но плащ этот я нашел намотанным на свою собственную руку, когда Эфир вернул мне внешний облик. Думаю, что его в порыве сражения попытался набросить на меня один из убийц, но трюк такой против демона не удался, и походный аксессуар достался мне как трофеем.

Впрочем, он был мне полезен. Маг предупредил меня, что теперь они знают, кто я, поэтому скрыться под плотной черной тканью было бы для меня разумным ходом.

Закутавшись в плащ, я последовал за Лилией. Осторожно. Так, чтобы она ни при каких обстоятельствах не заметила меня и не стала сомневаться в моих изначально злых намерениях. Я не хотел больше подвергать ее опасности.

Но была для этого решения еще одна причина, довольно глупая. Я заблудился и не знал дороги. И только Лилия могла привести меня в город, куда я изначально шел.

В Гинну.

Через пару часов мы прошли через ворота Гинны. Лилия за всю дорогу ни разу не обернулась. Мне, можно сказать, просто повезло.

Вскоре наши дороги разделились. Лилия поднялась на крыльцо большого здания из крупного нетесанного камня, на стене которого красовался герб с изображением льва, нависшего зубастой пастью над распустившейся розой, поругалась со стражниками, не пожелавшими пропускать босоногую девушку, но после выяснения, кто есть кто, вошла внутрь с гордо поднятой головой.

Я мысленно попрощался с ней и отправился на поиски Шина. Алхимик должен был жить где-то в этом городе.

На первый взгляд задача казалась вполне разумной. Найти в незнакомом городе незнакомого алхимика, но в городе сравнительно небольшом, ведь по числу жителей Гинна могла сравниться разве что с поселком городского типа. Не более двух тысяч жителей или того меньше. Я надеялся, что все жители друг друга знают в лицо, а уж ремесленников да торговцев и подавно.

Но оказалось все не так просто. Казалось бы, дружелюбно выглядящий мужчина, к которому я обратился с вопросом про городского алхимика, сразу же помчался к страже, рассказать о странном чужеземце, выпрашивающем у него великий секрет. Пришлось мне исчезнуть. Ненадолго. А дальше я решил действовать более осторожно.

Честно говоря, город меня разочаровал. И с каждой минутой блужданий по нему разочаровывал все больше и больше. Эти узкие кривые и отвратительные улочки, полные мусора и грязи, местами, будто для вида, посыпанные соломой, прогнившей и поеденной свиньями, которые паслись и спали здесь же, выводили меня из себя. Людей было не так много, что немного удивляло, но даже на пустынной улочке между маленькими, чахлыми и беспощадно угнетающими домами мне становилось душно. И запах. Как будто я снова попал в трактир, только без возможности выйти на улицу и подышать свежим воздухом.

Впрочем, были и небольшие «отдушины», вроде довольно просторной рыночной площади, расположенной неподалеку от необычного и интересного здания, которое, судя по красоте и величию, могло быть только храмом или церковью. А чуть дальше за ним, на возвышении, расположился мощный и неприступный замок – обитель маркиза или барона, владельца этих земель.

Рынок, на мою удачу, не претерпел существенных изменений за предполагаемые пятьсот лет, которым еще только предстояло пролететь в этом мире. Разве что небольшие, ассортимент товаров стал заметно шире, появились бумажные ценники, электронные весы, но лавки так и оставались лавками, продавцы – продавцами, а товары – товарами.

Кроме того, на рыночной площади можно было вдохнуть аромат свежих овощей и дерзкого, пробивающего нос, запаха пряностей, а также полюбоваться тканями, мехами, оружием

и... В общем, ассортимент меня не особо интересовал, поэтому вскоре я вернулся к поискам и углубился в менее приятные для походов районы.

Я посетил две таверны. Одна из них, видимо, предназначалась для местной элиты. На фоне невзрачного города его белые отштукатуренные стены выглядели внушительно, если не сказать крикливо. В окнах блестели ровные и прозрачные стекла. Крыльцо было ровным, и ступени почти не скрипели.

Внутри меня не пустили. Охранник. А если быть точным, два охранника. Братья-близнецы, крупные, плечистые, пузатые, с удивленными физиономиями, словно первый раз в жизни увидели азбуку и даже открыли ее на первой странице.

Но при виде гостя их гримасы стали угрожающими. Братья синхронно поднялись, уперли руки в бока и перегородили мне путь. Поскрипев зубами, я развернулся и покинул заведение.

В таверне «Чихающий кот» меня едва не обокрал малолетний воришка. Паренек столкнулся с неведомым ему ранее изобретением – карманом на джинсах. Я схватил его за руку и немножко приподнял. А в наказание задал всего лишь один вопрос:

– Где мне найти алхимика?

Мальчишка вскрикнул и начал вырываться. Да так сильно, что, возможно, сломал бы себе кости, так что мне пришлось его отпустить, не дождавшись ответа.

Наконец какая-то слепая и дряхлая старуха посоветовала поискать в восточной части города – где-нибудь поближе к кладбищу. Как ни странно, совет помог. Небольшой двухэтажный дом, расположенный неподалеку от городского кладбища, с изображением колбы на грязной вывеске над дверью. От двух соседних домов остались лишь обгорелые остовы. Да и этот тоже выглядел довольно потрепанным. Я никогда бы не догадался сам искать жилище алхимика в этой части города, поскольку считал, что специалист в такой области должен быть востребован и жить в самом богатом районе. Ведь аптекари в какой-то степени коллеги алхимиков, а первые уж точно ценились в эту эпоху.

В любом случае я решил выяснить, что означает колба на вывеске.

Прозвенел маленький колокольчик над дверью, объявив о приходе посетителя. Предчувствие не обмануло меня, этот дом был лавкой алхимических препаратов. Я увидел бесчисленные полки на стенах, провисающие под весом разных банок, бутылок, пузырьков и мешочков, содержимое которых было по меньшей мере не для брезгливых людей.

– Эван, я говорил тебе, перестань воровать мои препараты, – потребовал мужской голос из недр лавки.

Не прошло и минуты, как показался и его обладатель. Легкая полнота скрывала точный возраст мужчины, но ему явно было больше сорока, но меньше пятидесяти лет. Проседь в волосах была заметной, но и темных волос тоже сохранилось довольно много. Насколько я знал, выплывание седины зависит от генетики, однотонная шевелюра может украшать голову мужчины до глубокой старости, особенно у восточных народов. А лицо у хозяина было округлым, имело восточные черты.

Увидев меня, он нахмурился, помрачнел.

– Могу предположить – вы не Эван, – сердито сказал он. Я ему не нравился. Как, впрочем, и всем, практически всем, кого уже успел повстречать на своем пути.

Я оторвал взгляд от связки засушенных лапок лягушек, или какой-то рептилии, и повернулся к алхимику. Но не успел я открыть рот, как тот уже начал словесную атаку.

– Молодой человек, я уже сказал вам, что не собираюсь платить за это ваше так называемое наставничество. И я не желаю видеть здесь ни вас, ни кого бы то еще.

– Ваше имя Шин? – поинтересовался я, нутром чуя, что он меня с кем-то спутал.

– Надо же, вас заинтересовало мое имя, – развел руками алхимик. – Не думаю, что для кого-то из вас имеет значение, так ли меня зовут или по-другому.

– Значит, это действительно вы, – облегченно выдохнул я, упорно игнорируя тон, с которым говорил собеседник, – возможно, вы меня с кем-то перепутали. Меня прислал Римен.

– Молодой человек, я прекрасно знаю, кто вас прислал. Мне безразлично как его зовут, Римен, Рамен или Румен. Мне это неинтересно. Не хочу иметь с вами никаких дел. Уйдите, пожалуйста, отсюда.

Честно говоря, я немного опешил от такого поворота сюжета. Все же я надеялся быть принятым с распростертыми объятиями, ведь Римен так меня обнадежил. Да и сам я с таким нетерпением ждал этой встречи, что потерял над собой контроль.

«Какая наивность».

Меня настолько сильно поразил факт собственной беспечности, что я растерялся, замешкался, а пришел в себя уже на улице. Алхимик неожиданно проворно вытолкнул меня из дома, но до того, как дверь закрылась, я успел заблокировать ее кроссовкой.

– Э-э-э, погодите! – Меня охватило справедливое возмущение. – Вы же наверняка ошибаетесь! Вот какого Римена вы имеете в виду? Вдруг мы говорим о разных людях?

– Не пытайтесь заговорить мне зубы! – упирался он, старательно дергая за ручку двери, нещадно разбивая мою кроссовку. – Я только одного Румена знаю. А лучше бы и не знал вовсе! – Последние слова он произнес одновременно с глубоким разочарованием и с нескрываемой злостью.

– Но это же вы алхимик Шин? – переспросил я, начиная сомневаться.

– Да вы и так прекрасно знаете, кто я. – Алхимик начал выходить из себя, тщетно пытаясь закрыть дверь. – Хочу напомнить, что я не просто алхимик, я еще и маг, причем неслабый!

– Римен боялся, что это произойдет. – Я использовал последний и единственный оставшийся в рукаве козырь. – Он советовал мне сказать следующее: «Если встретишь Шина, напомни ему, что не было большего позора, чем он испытал в таверне «Усталый ослик».

Соппротивление за дверью внезапно стихло, алхимик одумался и предложил мне войти.

– Дядя Римен, – задумчиво протянул он, уставившись в пустоту. – Неужели жив? Я не видел его уже... практически двадцать семь лет. Как он? Где он?

– Жив-здоров, – отозвался я, вновь с отвращением глядя на лапки рептилий. – На редкость проницателен. Староста деревни Суховодье. Это он посоветовал пойти к вам.

– Надо же, невероятно, – запричитал Шин. – Остепенился. У него, наверное, уже жена и дети есть.

– Сын, взрослый и самостоятельный. Жены не видел, возможно, уже умерла.

– Надо же. А у меня не вышло. Живу здесь в одиночестве, эксперименты ставлю, опыты провожу. Проходите, проходите. – Он указал на лестницу за прилавком, ведущую на второй этаж. – Извините, что я вас так встретил, времена нынче тяжелые... Впрочем, как и люди. Как вас зовут?

– Максим.

– Необычное имя...

Все же он был заметно моложе Римена. Лет на двадцать, даже тридцать. Старик говорил, что они странствовали вместе. Быть может, когда будущий староста Суховодья стал уже бывалым искателем приключений, ему встретился желторотый юнец по имени Шин, способный смешать пару химических препаратов. Интересная, должно быть, была их история.

Алхимик проводил меня на второй этаж, в жилые комнаты, и немного рассказал о себе и своем жилище. Я понял правильно, первый этаж его дома целиком занимал магазин, а в подвале размещалась лаборатория.

Шин занимался «практической алхимией», как он называл свое занятие. Готовил эликсиры, настойки, лекарства. Городские жители недолюбливали пожилого алхимика, считая колдуном или пособником дьявола и, мягко говоря, избегали. Редкий посетитель знал истинное назначение продаваемых им препаратов, а от внешнего вида содержимого некоторых бутыло-

чек плохо становилось даже человеку с устоявшейся психикой. Только самые смелые местные ребяташки забегали к нему в гости, считая его магазин комнатой страха. Один из них даже сильно привязался к алхимику.

Его звали Эван. Ребенка из бедной семьи друзья, если таковыми можно назвать других местных ребяташек, для развлечения однажды затолкали в «комнату страха». Они решили пошутить над пугливым и стеснительным мальчиком, заперев в самом страшном месте города, которым местная ребятня признала алхимический магазин. Эвана оставили наедине с жуткими, отвратительными препаратами и самым страшным ночным кошмаром – хозяином лавки ужасов, алхимиком Шином.

Но вместо того, чтобы разрезать слабенького мальчика на части и сделать из них препараты для своих жутких опытов, алхимик угостил Эвана чаем и накормил печеньем. С тех пор тот сильно привязался к хозяину лавки и даже решил изучать алхимию. Будучи смышленным и умным не по годам, Эван быстро разобрался в препаратах, даже научился некоторым премудростям и тонкостям этой науки. Предусмотрительный старый алхимик не позволял мальчику ставить опыты без чуткого руководства, хотя тот часто пренебрегал запретами и даже подворовывал препараты для собственных экспериментов.

Мы уже допили чай, а Шин все не умолкал. Он рассказывал мне о своей жизни, о бедах и радостях, о достижениях и неудачах, об Эване, который стал ему почти сыном, а я сидел за столом и внимательно слушал. Возможно, я оказался первым человеком за много лет, который перешел порог этого дома и не содрогнулся от отвращения, даже согласился выпить чаю с хозяином лавки ужасов.

И мне, как ни странно, было интересно его слушать. Простота и обыденность его рассказа успокаивала меня. Ведь в нем не было ни слова о демонах, о ночных нападениях убийц, и никаких медведей. Кажется, я даже начал клевать носом.

– Я утомил вас рассказом? – Шин заметил мою отвлеченность.

– Нет-нет, что вы, – мигом собрался я. – Извините...

– Это я должен извиниться, – улыбнулся он. – Увлёкся. Давно уже у меня не было такого внимательного собеседника. Но мне все же интересно, почему Римен прислал вас ко мне?

– Это сложный вопрос... – В последний момент я почему-то не смог решиться. – Потребуется некоторое время, прежде чем я смогу озвучить его.

– Интересно, – брови алхимика взлетели вверх, – вы приходите ко мне с вопросом, но почему-то боитесь задать его. Впрочем, это ваше личное дело, молодой человек. – Шин тяжело вздохнул. – Быть может, этому есть особая причина.

Я благодарно кивнул и поднялся из-за стола. Странно, что я раньше не задумался об этом. Объяснить человеку, что ты одержим демоном, не так-то просто. Подобрать слова было просто невозможно. И как бы я ни старался сложить предложение, разумным оно не становилось. От волнения я принялся ходить по гостиной и просто глядеть по сторонам.

Шин не стал отвлекать меня и занялся уборкой. Он смел со стола крошки, убрал на место посуду. Только сейчас я заметил, что чашки у алхимика были глиняные, немного неровные. Должно быть, делались под заказ, но у не самого хорошего мастера. Затем мой взгляд привлекли рисунки, висящие на стенах. Не картины, а какие-то детские каракули, выведенные углем на кусках холста. Маловероятно было, что нарисовал их сам алхимик, но исключать этот вариант полностью не стоило.

– Интересная у вас коллекция, – не сдержался я. – Вы, кажется, ценитель...

– Это никакая не коллекция, – непринужденно рассмеялся хозяин. – Голые стены действуют на меня удручающе.

Я прошел чуть дальше и заметил еще один рисунок. Холст, частично прикрытый книжным шкафом. Видно было только малую часть изображения, ногу человекоподобной фигуры, давящую множество кричащих и корчащихся малюсеньких человечков.

И меня вдруг переклинило. Понадобилось во что бы то ни стало увидеть рисунок целиком. Это было даже не любопытство, а безумство или одержимость. Положив руку на стенку шкафа, я легонько на нее надавил. Вернее, не легонько, а так, что вся конструкция, с книгами и полками, с угрожающим хрустом и треском отъехала в сторону. Шин охнул и, кажется, побледнел. Нечасто перед ним одной рукой, без усилия, двигали тяжелый шкаф.

И я тоже, кажется, побледнел.

Этот рисунок. Темная призрачная фигура, небрежно выведенная на холсте углем. Я смотрел на нее, и неровные линии постепенно приобретали четкость, а карикатуры у ног фигуры начинали кричать и двигаться. Засосало под ложечкой. Я смог увидеть то, чего не было, чего нельзя нарисовать. Автор, кем бы он ни был, оставил на холсте свои мысли.

А думал он о чудовище. Думал об огромном, страшном, всемогущем, неуязвимом демоне, пришедшем в мир людей, чтобы сеять хаос, чтобы убивать, чтобы уничтожить все сущее. Но самым страшным было то, что образ этого чудовища напомнил мне Эфира. Он выглядел примерно так же, когда разговаривал со мной.

– Этой картины не должно быть в моем доме! – с яростью в голосе воскликнул алхимик, неожиданно посерьезневший, можно даже сказать, рассердившийся. Он подошел, решительно сорвал холст со стены и свернул его в трубочку. – Ее нужно было сжечь еще очень давно!

– Что это? – не своим голосом произнес я. – Кто изображен на картине?

Шин нахмурился, смерил меня суровым взглядом.

– Будто вы не знаете! Это Вельзевул, – он потряс холстом в кулаке, – он же Сатана, Люцифер, Мефистофель, Велиал. Называйте как угодно. Это чудовище с тысячей имен и миллионом лиц. Предводитель демонов и владыка ада. Да за этот рисунок мы оба можем попасть на костер инквизиции. Я за то, что хранил его, а вы за проявленный интерес!

– Плевать! – смело заявил я. – Плевать мне на инквизицию. Я должен знать все об этом демоне!

Кажется, я на мгновение вспыхнул. Налились ли огнем мои глаза – не помню, но Шин вздрогнул, как-то сжался и на время задумался, как-то по-детски чмокнув губами.

– Так вот какой вопрос тяготил вас так сильно, – опустил взгляд он. – Что же. Раз это вам действительно необходимо, я расскажу. Тем более что отказать дяде Римену я бы никогда не смог.

– Простите, – смягчился я, – Но для меня это очень важно.

Он окинул взглядом немного покосившийся после грубого перемещения шкаф и разочарованно покачал головой. Видимо, уже подсчитал причиненный ущерб. Повернулся ко мне и протяжно выдохнул.

– История церкви гласит, что примерно тысячу лет назад человечество достигло пика безнравственности. Люди погрязли в грехе, потеряли всякий стыд и позабыли о боге. Естественно, Вельзевул воспользовался этой слабостью и проник в свет. Мир содрогнулся. Кара настигла всех, ведь все были виновны в равной степени. Он убивал мужчин, женщин, детей, стариков, убивал любого, кто осмеливался преградить ему дорогу, любого, кого мог увидеть и до кого мог дотянуться. Разрушал целые города, оставляя белые кости, песок и уголь. Он мог погрузить мир в пучину хаоса, но пятнадцать праведных магов бросили ему вызов... – Вкрадчивый звоночек дверного колокольчика сбил алхимика с повествования.

– Посетитель? – вновь нахмурился Шин. – В такое позднее время?

Он окинул взглядом ошолобленного от нахлынувших впечатлений меня и пошел вниз, выяснять, кто наведалься ему в лавку.

Ошолобенел я не просто так. Ведь из его слов я понял намного больше, чем можно было даже представить. Изображение демона на рисунке совместилось с рассказом Шина, а мое воображение вывело картину целиком. Если алхимик не лгал, то этот мир однажды превратился в ад, и только чудо спасло его от полного уничтожения.

Звук разбивающегося об пол пузырька привел меня в чувство. Что-то внизу шло не так, и я, как учтивый гость, не смог остаться безучастным. Еще на лестнице я услышал голоса, а их интонации и тема разговора мне сразу не понравились.

– ...Прекратите портить мой товар! – сердито возмущался алхимик. – Я уже сказал, что в вашей опеке не нуждаюсь.

– А твоего одобрения и не нужно, – огрызнулся гость. Голос у него был писклявый, тонкий, а напущенная грубость делала его очень забавным. Впрочем, слова его забавными не казались. – Главный сказал, что мы берем тебя под опеку. Так что, плати... эти, как их там... налоги. И без разговоров!

Еще один пузырек со звоном раскололся об стену. Я осторожно выглянул из-за прилавка.

– Нет! Прекратите! Прекратите крушить мой магазин, – возмущался Шин, тщетно пытаясь вырваться из крепкой хватки лысого здоровяка, пока другой вымогатель, карлик с крайне ехидным выражением лица, швырял в разные стороны препараты с бесчисленных полок алхимической лавки.

В нос ударил едкий запах серы. Видимо, карлик добрался до того, что разбивать не следовало. А мне не нужно было напоминать, что отсутствие базовых знаний о химии могло серьезно навредить не только самому вымогателю, но и остальным, даже дому.

Собственно, я даже не задумался над тем, стоит ли вступить за алхимика или лучше остаться безучастным.

– Я заплачу за него, – бросил я, выходя из укрытия, – сколько нужно?

Фраза возымела действие, коротышка оторвался от своего занятия, даже вернул на полку бутылочку с чем-то желтым и недовольно покосился на меня. Верзила обернулся и отпустил алхимика. Тот шлепнулся на пол, поморщился.

– Выйдем на улицу обсудить сделку? – бесстрашно продолжил я, прошел между вымогателями. Даже приоткрыл дверь, по-дружески предлагая им выйти первыми.

Снаружи, что меня несколько не удивило, стоял их сообщник, стриженный тип в черной кожаной жилетке с металлическими клепками на голое тело. Довольно необычная одежда, потому как уже стемнело, а вечер, даже в городе, выдался довольно холодным. Он смерил меня взглядом и посмотрел на выходящих из дома товарищей.

Все молчали. Тот, кто ждал снаружи, казалось, еще не сообразил, что происходит, а его партнеры, удивленные неожиданным предложением, пока только присматривались к новой жертве.

В доме за моей спиной захлопнули ставни. Соседи, которых у алхимика было не так уж и много, совершенно не желали знать, что происходит с ним самим, с его гостями, и вообще не хотели видеть, что происходит на улице. Вымогатели, повинаясь какому-то животному рефлексу, принялись ходить вокруг меня, пренебрежительно осматривать, как бы пытались психически надавить. Пробудились воспоминания. Когда-то я уже находился в подобной ситуации, в другом времени, в другом мире, в другом обличье. Был я и в роли вымогателя, и в роли жертвы. Я уже переживал все варианты развития этой ситуации.

И вдруг я сделал одно открытие. Простое, даже глупое. Мир никогда не менялся. Он всегда был таким, с самого начала времен, когда первые человекоподобные обезьяны решили, что отличаются от других человекоподобных обезьян, и задумались над другими способами добычи пропитания. Более простыми. В Средневековье все обстояло так же, как и в современном, каким я его запомнил, информационном обществе. Да, здания стали заметно выше, дороги шире, а новости получили способность облетать мир за считанные минуты, но люди остались такими же, какими были сто миллионов лет тому назад – человекоподобными обезьянами, среди которых главнее та, у которой дубина больше.

– А ты кто такой? – сплюнул на землю лысый здоровяк и приблизился ко мне. Он был выше меня, не намного, но все же воспользовался этим преимуществом, подобрался почти в упор и посмотрел мне в глаза сверху вниз. – Говоришь, у тебя деньги есть...

– Ты хоть знаешь, сколько он должен? – вынырнул откуда-то справа карлик. – Он уже месяца три, почитай, не платит, даже четыре.

Коротко стриженный тип в жилетке молча разминал кулаки.

Мне не было страшно. Словно я позабыл, что такое страх. Не знаю, что со мной было в тот момент, эмоции словно поменялись полюсами. Я не мог напрягаться, бояться или переживать. Мне вдруг стало весело. Весело и задорно. Захотелось шутить.

– Деньги у меня есть, – выдавил я, едва сдерживая проступающую улыбку. – Но получить вы их сможете только в особой валюте... например, синяками и шишками. Ну, или можно купюры покрупнее, переломы, сотрясения, отбитые почки. Да я смогу даже инвалидом на всю жизнь оставить, если попросите. Но есть и другой вариант: вы просто откажетесь от выплаты, уйдете... И не вернетесь.

Последнюю фразу я произнес уже не так задорно. Лысый отпрыгнул, напрягся. Я, кажется, ненароком вспыхнул, и он увидел огонь в моих глазах.

– Он что несет-то? – Карлик уже прятался за ногой лысого здоровяка. – Вдруг он больной какой или калека?

Распирающее меня веселье неожиданно сменилось агрессией, и я не мог понять, почему. Хотя смутные и крайне неприятные догадки у меня появились.

– Ну? Будем глазенками хлопать или что-то сообразим, – прорычал я, свирепея, словно бык, завидевший красную тряпку. Пальцы задрожали от желания разбить в кровь чью-нибудь физиономию.

– Алхимик чокнутый, – ухмыльнулся карлик, вынимая из ножен на бедре кинжал с тонким трехгранным лезвием – стилет. – И этот, видимо, тоже.

Кажется, драку первым начал я. Если, конечно, произошедшее далее можно было назвать дракой. Со мной творилось что-то совершенно невообразимое. Обычный человек просто не мог меня остановить. Атака вылилась в одно движение. Я сделал всего шаг по направлению к лысому здоровяку, резко ушел влево, очевидно вспомнив айкидо, но затем понял, что могу создавать любые техники, выходя за границы любого известного боевого искусства. В прыжке типа рондад, выполненном из совершенно невероятного положения, я использовал голову остолбеневшего карлика левой рукой, а правой выхватил из его рук кинжал: метнув в деревянный столб на крыльце дома алхимика, я смог изогнуться так, что ударил стриженного пяткой в висок. Ему повезло, резиновая подошва кроссовки смягчила удар; действуй я голой ступней или сапогом с каблуком – пробил бы вымогателю череп.

Когда лысый здоровяк тяжело выдохнул, ударившись грудью о землю, я стоял над ним. Он уже не мог подняться: рука была вывернута, а запястье изогнуто, прижатое моей ладонью. Странно, но я практически не заметил, как выполнил технику и перешел на удержание, но факт оставался фактом: прием был выполнен. Одно легкое движение руки, небольшое давление и взрослый мужчина начинал скулить, а из его глаз градом лились слезы.

– В следующий раз останутся только трупы, – прошипел ему на ухо я. – Второго предупреждения не будет.

Я отпустил руку, напоследок натянув сухожилия до предела, так, чтобы на пару-тройку дней она стала бесполезной, чтобы нельзя было поднять ничего тяжелее ложки, а каждое движение приносило боль. Бросил гневный взгляд на карлика, одереvenевшего от удивления. Он тут же вздрогнул и быстро спрятался за стриженного поделника в кожаной жилетке, лежащего без сознания с разбитым в кровь виском.

Оставив вымогателей приходить в себя, я вернулся к округлившему от удивления глаза алхимику, ждущему меня возле входной двери.

На мгновение я почувствовал себя каким-то сумасшедшим героем, безумцем из рассказов Лилии, ревностно защищающим всех, кто попадался ему под руку. Странно, но это показалось мне даже... приятным.

– Что сейчас только что было? – дрожащим голосом произнес Шин, посмотрел на стонущего на земле здоровяка, затем на испуганного карлика, нарезающего круги между поверженными товарищами, и перевел взгляд на меня.

– Попытка вымогательства, – выдохнул я, выдергивая из столба стилет карлика. Метнул оружие под ноги хозяину. Тот истерично завизжал и припустил со всех коротких ног куда-то в сторону кладбища.

– Нет. Я говорю о том, что вы сделали с ними. – Он попытался указать руками на разбойников, но вместо этого изобразил атаку кулаком справа. Опомнился. Спрятал руки. – Я никогда не видел ничего подобного. Мы с дядей Рименом бывали во многих городах, видели множество ловких и умелых бойцов, но то, что показал ты... просто невероятно.

– Небольшая комбинация техник айкидо и акробатической гимнастики, – ответил я. Сообразил, что хвастаюсь, и попытался исправиться, сменить тему. – Ничего особенного. Лучше вернемся в дом... холодает.

Шин неуверенно кивнул, пропуская меня вперед, а когда мы вошли, закрыл дверь, прижался к ней спиной и обессиленно скатился на пол. Я предпочел оставить его в покое на некоторое время, а сам занялся уборкой, благо в голове моей проснулась память какого-то ростовского лаборанта, знающего, как надлежит прибирать ядохимикаты после неудачного эксперимента в условиях отсутствия необходимых инструментов и оборудования.

– Они еще вернутся, – выдохнул алхимик, поднимаясь с пола. – Меня они немного боятся, не знают, какими препаратами я воспользуюсь, чтобы обороняться. Однако теперь они станут более серьезны.

Я промолчал. Естественно, геройство не остается безнаказанным. Ведь хулиганы, разбойники и прочие нарушители порядка знают, что на героев нужно звать товарищей, и чем сильнее герой, тем больше товарищей нужно звать, пусть даже придется задавить его живым мясом, – главное победить.

– А все из-за этого Румена, или Рамена, – сжал кулаки, алхимик, – который приехал в Гинну с далекого севера и немедленно прибрал к рукам местные банды. Его даже стража опасается.

Я нахмурился.

– Я ни в коем случае не обвиняю вас, – Шин проверил крепко ли заперта дверь. – Я наоборот, благодарен вам за оказанную помощь, ведь рано или поздно все вылилось бы в открытую конфронтацию, а я уже не так ловок, как раньше. Но вместе с вами... – Он чуть покраснел и опустил голову. – Простите, а в какой части города вы остановились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.